

С. Абрамович-Блэк

ЗАПИСКИ
ГИДРОГРАФА

Книга 1-2

С. Абрамович-Блэк

Записки гидрографа

КНИГА
ПЕРВАЯ
и
ВТОРАЯ

Советский Писатель
Москва 1936

КНИГА ВТОРАЯ

СОВЕТСКИЕ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

„Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме“.

(Сталин)

Глава первая

ДОЖДЬ

Вторые сутки непрерывно идет дождь. Разлохмаченное, неприбранное небо свисает у горизонта космами от рождения нечесанной, беспризорной дворняжки.

Под тяжестью капель воды сникли головки цветов мха, вереска, обилась пыльца колосьев вербы. Стебли трав набухли болезненной полнотой водяночного больного, влипли в серую, металлом отливающую поверхность луж. Тундра стала бескрайним болотом. И завеса потоков дождя уничтожила представление о дальности.

Блага, пропитавшая насквозь всю растительность, придала ей бессильный и безжизненный вид.

Олений караван словно плывет по чудовищно-огромной чаще, наполненной до краев... зелеными щами.

Да, хорошо бы поесть горячего варева... Тех же щей, супа из щавеля... где он, щавель-то?

Тысяч пятнадцать километров отсюда до Ленинграда, до столовой Нарпита.

Но даже первые, будто испуганные рахитичные зачатки леса не ближе, чем в двухстах километрах к югу.

Здесь, где идет караван, — топлива нет.

Люди... да и людей-то здесь нет: ноль запятая четырнадцать сотых человека на квадратный километр.

Так вот эти «четырнадцать сотых человека» собирают по целям юврага тальник — сухие палочки толщиной в карандаш. Много не сваришь на таком топливе.

В нашей партии четверо людей и одиннадцать оленей. Под дождем олени шкуры напоминают мокрый плюш. Колени всадников скользят по этому плюшу, и еще труднее, чем обыкновенно, держаться в седле.

Седло олень — два круглых валика, скрепленных между собой и удерживаемых одною подпругою на самом загорбе спины животного. Стремя нет. Седло сделано из оленьих рогов, обтянутых подушечками, набитыми оленьим же волосом.

Всадник левой рукой тянет оленя за недоуздок, правой рукой поддерживает свое равновесие, упираясь длинною палкой (таяхом) в землю. Когда едешь верхом на олене, — фактически передвигаешься на пяти ногах.

Занятия, вообще говоря, очень увлекательное для ребят не старше десятилетнего возраста. Взрослому человеку такое наездничество по сложности приемов балансирования и ежеминутной опасности сорваться должно напоминать езду на трамвайной «колбасе».

Кожаное пальто насквозь промокло: когда рукой в мокрой кожаной перчатке касаешься кожаных брюк, кажется, что холодная сырость прилегает непосредственно к телу. Но самое неприятное ощущение создают пальцы ног, — в плохо вентилируемом сапоге пальцы, напитавшиеся сыростью, проникающей сквозь кожу сапога, начинают преть. Пальцы распухают и прижимаются плотно один к другому. Пальцам тесно, и все-таки они продолжают увеличиваться в объеме... Совершенно определенно чувствуешь, как разрушаются клетки кожи на пальцах. Кожа лопается. Пальцы как будто начинают срастаться между собой. И нельзя пошевелить ногой: собственная кожа, шерстяной чулок, кожа сапога — все это спаялось в крутую массу.

В пути часто встречаются площади земли, разделенные на равные квадратики узкими дорожками зелени. В квадратах (три-четыре квадратных метра) — черная вода, кое-где проткнутая водорослями. Олень сам осторожно обходит такое болотное окно. Впрочем и в центре квадрата обыкновенно не глубоко. Обыкновенно, но не всегда.

Сегодня утром у нас уже была одна водяная пантомима. Олень подо мной оступился передними ногами в окно. Ушел под воду с головой. Стараясь поддержать его голову на поверхности, я натнулся и схватил оленя рукой под

шею. И сам нырнул в воду: Тогда олень выплыл из-под меня, лег боком, начал отчаянно биться ногами. Водолазными свинцовыми грузами легло на грудь и спину напитавшееся водой пальто... Нырять вместе с оленем в бассейн площадью едва четыре квадратных метра!.. Говорят, что в такие моменты человек вспоминает всю свою жизнь:

Но если этот человек предварительно насквозь промокнет под летним дождем за семидесятой параллелью северной широты, — вспоминается совсем другое. Гораздо проще: я отчетливо видел пустой мешок, в котором мы обыкновенно везли хворост для костра. В настоящий момент хвороста уже не было: израсходовали на последний утренний чай...

И все, что я вспомнил: серый, как у незадачливого попрошайки, сплюснутый мешок. Значит: обсушиться нечем.

Р. Амундсен в своих мемуарах пишет, что когда однажды белая медведица сшибла его с ног у самого борта «Фрама», Амундсен, падая, увидел тысячи ног, мелькающих ежедневно на самой оживленной из улиц Лондона — Пикадилли.

Когда смертельная опасность неожиданно вторгается сразу во все мироощущение человека, человек вспоминает что-либо связанное именно с этой опасностью. Всем существом человека желаемое...

Можно долго философствовать на эту тему. Времени хватит: караван идет и идет. Дождь идет и идет. У подножья холмов люди слезают с оленей, проваливаясь выше щиколотки в разболтанную кашу торфа, с усилием взбираются на холм, чтобы впереди снова увидеть все ту же картину летней тундры.

Береговая песчаная отмель, разрисованная серповидными отпечатками волн. Увеличенная в несколько миллионов раз. Покрытая свежей зеленью. Вот что видит глаз до тех пор, пока не уткнется в запотевшее дождем стекло горизонта.

И когда, наконец, с вершины обрыва открывается вздувшаяся от дождей широкая река, — людей охватывает радость.

Волчья река! (Бирилях-Урех) — говорит юкагир Николай Кочкин.

мокрыми подушками сваливаемся с оленей, садимся прямо на мокрый торф.

Очень хорошо, что река. Пусть себе будет она Волчьей,— здесь можно сесть и отдохнуть. Эту возможность отдыха давно уже предвкушало все тело, измученное верховой ездой.

На другой стороне реки не видно признаков человеческого жилья. Ладно. Об этом еще подумаем. Сейчас — будем развьючиваться, искать топливо, готовить чай.

Если усесться в палатке так, чтобы капли воды попадали не прямо за шиворот, — можно почувствовать исключительный уют и полную комфортабельность.

Река Волчья половодьем своим тащит нескончаемую лесную биржу; массы плавника, унесенного с верховьев, задерживаются, оседают по берегам. Дрова есть, значит горячее питье и горячая еда будет... Горячее питье!

В девятнадцатом году, позднюю осень, на улице, перед районным городским кипятильником, стояла с котелками и чайниками в руках очередь хмурых людей. Каждый щетинился сотней своих недохваток и пустяковых обид, о которых знал только он сам, один. И каждый готов был, казалось, перервать впереди стоящему горло (именно впереди стоящему: позади — чорт с ним! — пусть живет. Ведь он получит кипяток после меня).

Поссорились двое парней. Обоим вместе было едва ли больше тридцати пяти лет: возраст задиристый. И судя по одежде, принадлежали они к враждующим классам: буржуйский сынок и молодой рабочий. Буржуй обозвал рабочего хулиганом. Рабочий замахнулся чайником... в этот момент черед людей дрогнул, напоминая о том, что кипяток приблизился еще на один шаг.

И несправедливо обиженный паренек деловито шагнул вперед, сказал уверенно:

— Подожди! Вот достану кипяток, а потом и тебе в морду дам!..

Горячее питье!..

Твердый комок горячей влаги сначала застревает в горле. Похоже, что на его пути вырастает какая-то досадная преграда. Приходится сделать еще одно движение, чтобы протолкнуть чай в пищевод. Потом чувствуешь, как горя-

чий шарик любовно касается поочередно каждого из колец пищевода. Падает в желудок. Чай!

Это понимать надо!

КОЛХОЗНЫЙ ОТРЯД

Наш караван — экспедиционная партия совершенно нового типа. Основной кадр партии составляют нацмены — колхозники из артелей, расположенных по тундре в Яна-Индигирском междуречьи. По национальности это якуты, эвенки (тунгусы), ламуты, юкагиры, чуванцы. В качестве случайных вкраплений среди них могут быть и чукчи, главная зона расселения которых находится к востоку от Индигирки. В сторону, противоположную той, в которую движется партия: Яна лежит на западе от Индигирки.

Колхозники работают в партии, как проводники и погонщики оленей; на переправах и в случае движения по водным артериям колхозники служат гребцами; во время гидрографических работ (промеров и обследований) колхозники — рядовые рабочие. Но вместе с тем эти же товарищи являются и коллективным мозгом нашей исследовательской партии. Это они указывают объекты, которые с точки зрения выгоды для колхозов (а здесь очень ясно чувствуется связь между интересами каждой рыболовецкой и охотничьей артели и всей Республики) необходимо обследовать.

Общее задание экспедиционный отряд получил от аллаиховского райисполкома в результате совещания зверопромышленников и рыбаков Аллаиховского района.

На пространстве земли между реками Индигиркой и Яной до сих пор еще не работала, в сущности, ни одна исследовательская экспедиция. Научные полярные экспедиции обыкновенно тяготели и тяготеют к морю, к Арктике.

Большую часть это морские экспедиции, которые на землю, лежащую к югу от курсов их кораблей и отделенную от этих кораблей предательским барьером отмелей, смотрят с большим опасением.

Как и чем живут люди на этой земле, — далекой и тускло видимой с мостиков кораблей, — говоря откровенно,

мало кого из этих экспедиций интересует¹. А между тем эти люди, нацмены — хозяева тундры, не получая газет, не имея радио, внешне малокультурные и неграмотные — уже давно организовали зверопромышленные и рыболовецкие артели. В урасах и тордохках кочевий, под свист и вой пурги, в занесенных доверху снегом землянках очень оживленно и дельно обсуждают мероприятия советской власти и порою вносят чрезвычайно ценные предложения.

Жителям далекого севера очень близки тревоги и надежды сегодняшнего дня Советского Союза. И это они, жители дальнего севера, ежегодно дают советскому государству почти половину всего нашего пушного экспорта.

Энтузиазм народа, вторично рожденного Октябрьской революцией, заменяет здесь газеты, радио, широко разветвленную пропаганду центральных районов СССР.

В 1928 году профессор С. Обручев открыл на крайнем юге Якутской республики значительной высоты, из нескольких цепей состоящий, горный хребет Черского.

Но где хребет кончается и что он собой представляет?

И что такое Якутская тундра на параллели Усть-Янска? И почему до сих пор в устье реки Яны не могут входить грузовые, коммерческие суда?

«...считать необходимым расширение проводимых работ и наиболее тесную увязку их с нашими практическими задачами»... Как этого достигнешь?

В 1932 году при райисполкомах крайнего севера возникли ячейки содействия изучению производительных сил края. Возникли самостийно — как зелень на плодородной почве под живительными лучами солнца Октябрьской революции.

Экспедиционный колхозный отряд — один из первых серьезных ростков практической деятельности ячеек.

В качестве технорука в отряде использован моряк —

---

¹ Так было до 1935 года, до момента — исторического для Арктики — решения партии и правительства о передаче руководства всем комплексом социалистическойстройки за полярным кругом в ведение ГУСМП (начальник управления — профессор О. Ю. Шмидт, начальник политотдела тов. Бергавин). И уже осенью 1935 г. пароходы с пружами для населения Заполярья вошли в устья рек Лены, Яны, Индигирки и Кодымы.

капитан, которому по основному заданию надо в течение летней навигации обследовать устье реки Яны для выяснения возможностей проводки в ту же навигацию грузовых судов с продовольствием из устья реки Лены в устье реки Яны.

Во избежание отрыва исследователей от «практических задач» взят крайний, противоположный вариант комплектования изыскательского отряда: в экспедиции, говоря словами портовых инвентарных ведомостей, «всяких, разных... научных сотрудников — ноль». Всю работу должны выполнить — один квалифицированный моряк и сами колхозники дальнего севера.

Задание очень реальное.

В пути от Аллаихи до Устьянска экспедиционный (переменный по составу) отряд обследует на прямой линии своего движения озера — в отношении их рыбных запасов, реки — в отношении их водного режима. Горы — если отряд их встретит — на основе простейшей утилитарности: есть железо и уголь или нет.

Наконец, те же озера на той же прямой линии Аллаиха — Устьянск представляют собой теоретическую линию воздушной трассы. Для посадки гидросамолета требуется акватория площадью не менее одного квадратного километра, с глубиной под поверхностью не менее двух метров. Высота холмов, окружающих данную водную площадку, расположение этих холмов вокруг площадки дают совершенно точную физиономию будущего аэродрома.

Никакой фантастичности в этих заданиях. Все предположенное вполне возможно.

И совсем не нужно для этого создавать... Великую северную экспедицию (В. Беринга 1733—1774 гг.), о которой впоследствии историк будет писать:

«Другой экспедиции толь огромной, толь торжественной до ныне не бывало через всю Сибирь и дай бог, из сострадания ж краю бедному, впредь никогда не слышать знаменитости толь разорительной» (Словцов. Историческое обозрение Сибири. Санкт-Петербург, 1826 г.).

Здесь очень трогательна справка об экспедиции К. А. Волдосовича и Толмачева, работавшей в Якутии в 1909 г.

«Партия К. А. Воллосовича прибыла в Верхоянск 14 апреля, затем с устья Яны началась съемка побережья Ледовитого океана. Переезд от устья Яны до Русского Устья занял пять дней» (Толмачов И. «По Чукотскому побережью Ледовитого океана», Петербург, 1912 г.). От Русского Устья на реке Индигирке до Аллаихи — 162 километра. От Аллаихи до Устьянска — около 800 километров. Значит, все расстояние от Индигирки до Яны примерно 1000 километров. Это расстояние экспедиция «обследовала»... в пять дней! А еще большевики выдумали какие-то темпы!!.

Завернись плотнее в шубу, вдавшись поглубже в кибитку и гони оленей по двести километров в день!

Быстро и удобно. А на свободе можно детально разработать все лирические нюансы будущего отчета...

— Мас надо! (дров надо), — толкает меня в плечо Николай Кочкин. — Пойдем на берег собирать плавник. Другие — пойдут на охоту. Сегодня к обеду будут гуси. Гусей здесь очень много — сам видел. Тогор! Довольно записывать в книжку...

...Совершенно резонно, товарищ. Сейчас пойдем. Но ты мне напомнил о книжке...

ЭТА КНИЖКА

«Дневник географа» — кто это спланировал такой шедевр мелочного, иезуитского издевательства над человеком, который, еле держа коченеющими пальцами ломкий карандаш, с глазами, застилаемыми на ветру слезами, ежась от холода дождевых капель, бегущих муравьями вниз по спине, должен ковыряться в узеньких, нудных и тощих, как фантазия департаментского чиновника, графах этого дневника?..

Титульный лист, сверху вниз:	1. Общие указания . . . . .
Название части	2. Правила ведения дневника
Партия	3. Личный состав . . . . .
Группа	4. Средства передвижения и шлюпки . . . . .
Дневник	5. База . . . . .
Гидрографа	6. Номенклатура работ и единиц учета . . . . .
Должность	
1 часть	

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Сквозь полотняные переборки солнечные лучи вливались в трехгранник палатки с того момента, как разошлись тучи. Солнце бесшумно в небе, чертит замкнутую кривую, даже не пробуя делать вид, что уйдет вечером под горизонт. Не дойдя до горизонта над точкою севера десятка градусов, огненный шар круто ворочает к востоку и начинает подниматься вверх.

Солнечные лучи как растопленный жидкий мед заполнили палатку, не оставив даже намека на тень в углах. Чувствуешь себя погруженным в теплоту и ласковость, лишённые всяких физических признаков. Очевидно, в тундре безветренно, потому что полотно не колышется, стены палатки обвисли с деревянных своих подпор, как паруса штилюющей яхты.

К подушке у изголовья смятым букетом прильнул кустик начинающего распускаться вереска. Коричневые веточки и резной шершавый лист неправдоподобного зеленого цвета.

Чтобы встать, сдвигая к ногам ворох меховых укрытий, стороживших мой сон, надо упереться ладонью, справа от постели, в землю. Она приветливо свежа на взгляд — эта земля тундры. Но даже легкий нажим ладони уже вызывает на поверхность мертво-холодную влагу.

И сразу вспоминается: под оленьими шкурами, на которых я лежу, только один метр бесплодной, изнеможенной земли. Дальше — лед. Хуже и страшнее — вечная мерзлота.

Нечто, никогда не знавшее тепла и ощущения слабости, никогда не улыбавшееся. Концентрат предельной замкнутости, сверхчеловеческой жестокости, всесовершенного безразличия. Вечная мерзлота.

Тепло, собранное за время сна, очень недолговечно: я это чувствую, неосторожно коснувшись земли голой подошвой ноги.

Лежа натянув на себя разные части того, что положено человеку носить летом за полярным кругом (побольше шерсти и меха), боком выползаю из палатки.

День молод и радостен. И в то же время сосредоточенно тих. Мальчик с каким-нибудь физическим дефектом, — хромой от рождения, например, или рахитичный, — выдер-

жав трудный экзамен, так возвращается домой из школы. Он выждал, пока удалилась шумливая ватага здоровых товарищей. Они могут разбрызгать свою радость щедро, не задумываясь, без сожаления.

Хилый и болезненный мальчик несет домой радость в себе самом, как свечу в бумажном фонарике; осторожно, расчетливо, словно боясь расплескать драгоценную жидкость.

Радостен и тих — и осторожен как-то — летний день заполярной тундры.

В безоблачном небе — в зените ровно синем, как хорошо отмытая карта, по краям, у горизонта оттененным коричневой полосой, — солнечным лучам не за что зацепиться, нигде и не на чем поиграть в свет и тени.

На восток, запад и север и юг толпятся — будто только что сбегавшиеся овцы — совершенно одинаковые холмы. Кругляшками рыбьей чешуи серебрятся большие и маленькие лужицы, лайды и озера.

Словно чистили крупную рыбу прямо на палубе, крытой линолеумом, и не успели прибраться.

На холме, рядом с двумя палатками нашего отряда, высокий, пепельно-серый конус тордохи хозяев кочевья, в котором мы остановились после переправы через Волчью реку.

С холма хорошо видна река, вспученная половодьем. Правый, дальний берег кажется отсюда гигантской бурой аркадой подземного дворца. Похожий на оконные витражи старинного католического монастыря, выдается над водой странно ребристый берег.

Эти ниши под арками, в сущности говоря, — гигантские склепы. Могильники, достойные тех огромных существ, которые похоронены здесь природой. Могильные склепы мамонтов. Когда весенние ручьи и скальпеля солнечных лучей срезают (а это бывает ежедневно) очередной пласт глины и торфа, — обнажаются серые пористые кости, похожие на шатуны доисторических громоздких машин. Бивни матово-темные, как фанера, или сплошь бурые, почти черные, как старая, вином пропитавшаяся бочка. Иногда вместе с землей и костями вываливаются зубы, каждый весом в несколько килограммов: крепкие неисточимые зубы мамонтов, напоминающие остроконечной своей формой красноармейский шлем,

По нижней рабочей плоскости зуба идут неглубокие правильные борозды, делающие всю плоскость похожей на свежее вспаханное тракторами поле.

Зубы свидетельствуют о том, что мамонты — предки современных нам слонов — были исключительно травоядными животными. Но травы для них — это древовидные папоротники, стволы банановых и хлебных деревьев, лианы толщиной с корабельный канат и — мамонтова спаржа: молодые пальмы.

Весь ассортимент тропической флоры свободно произрастал когда-то здесь, за полярным кругом.

Значит... значит, здесь же теперь должны быть залежи каменного угля.

Мамонтовы зубы — вывеска каменноугольного склада. Такая же красноречивая, как золоченый крендель над окнами булочной в старо-немецком городке или круглая мыльница у порога испанской бразерии — цирульни.

Спасибо мамонтам за вывеску! Уголь поищем.

Глава вторая

АПОЛЛОН НЕУСТРОЕВ

На юго-востоке, в полукилометре, лежит озеро Охондола. Разлив сузил до нескольких метров низменность, отделяющую озеро от реки. Сейчас на этой перемычке видны фигуры двух человек. Они ворошат какую-то песгрую груду тюков. Что-то делают с этими тюками.

Очень охотно сжимается земля под каблуками сапог. Полулунные выемки быстро заполняются водой, как только делаешь следующий шаг.

Иду умываться на перешеек. Люди видны все ясней, все отчетливей. Груда тюков — это олени. Оленьи туши. Рогатые головы, безжизненно вытянутые ноги. Сколько убито сразу, в один прием, скота! А ведь сейчас все-таки лето: мясо будет портиться. Какое варварское безрассудство. Даже если считать, что эти олени заколоты по случаю нашего приезда, — нас четверо, хозяев двое-трое, ну скажем пятеро — с детьми. Всего десять человек! Сколько же оленей на одного человека считает полярное гостеприимство?! Два, три оленя на человека... какое там два, три... здесь по крайней мере полсотни убитых животных... зря, головотяпски уничтоженных оленей. Безобразие!

Пришпориваемый этими мыслями, инстинктивно ускоряю шаг. Уходя мыться, не заглянул в палатку моих спутников. По всей вероятности, они уже встали и пошли на охоту. Значит, будет дичь; на всех хватит. Зачем же было устраивать эту бойню?..

Мужчина — он высок ростом, строен и гибок — словно художник привычною кистью рисует блестящим ножом вспухающие кровавые линии на белых животах оленьих трупов. Отсекает ноги: один удар на каждую ногу. Вспоров одну тушу, мужчина, не задерживаясь, переходит к следующей.

Женщина и девочка, идя следом за мужчиной, отдирают шкуру на тушах от живота к хребту. Теперь я подошел вплотную к месту кровавой работы.

Мужчина действует хладнокровно, как заправский мясник. Женщина ободрала шкуру с оленя... вот она мимоходом выковыряла ножом глаз из оленьей головы и... раскусывает его...

Мужчина оборачивается ко мне лицом, подымает вверх окровавленный нож и, спотыкаясь в пунктуации, декламирует:

Помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным:
После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься...

Мужчина произносит слова с неправильными ударениями, может быть, не понимая их до конца.

Впрочем, в первый момент и я не понимаю, что говорит этот человек, одетый в оленьи шкуры...

Мужу, трудом истомленному, юлы вино обновляет;
Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь...

Мужчина широким жестом обводит труду оленьих трупов:

Сладкого пить мне вина не носи, о, почтенная мать!

(Да что я — брежу, что ли!? Может быть, простудился за эти, насквозь промокшие, дни пути до Бириляха... Брежу... так бредят при тифе!.. очень возможно!.. конечно, бред!.. Откуда эта плавная, размеренная, неторопливая речь! Откуда?!)

— Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость, — продолжает Юкагир, — Илиада, в переводе Гнедича, песня шестая эсте 258, 264...

И тем же тоном, не меняя выражения лица:

— Здорово, тогор испидисси! Хорошо спал!?

— Здравствуй... те! — шлепают мои тубы, совсем не-

ожиданно усложняя обычное полярное приветствие — товарищ!

И, стараясь как можно скорее оторваться от мысли о собственном бреде, без всяких предисловий:

— Откуда вы, товарищ? Как сюда попали?!

На меня пристально смотрят черные, круглые, кажется, почти без зрачка, глаза. На лице юкагира — сходящиеся к носу двумя половинками грецкого ореха — ни одного волоска растительности. Маленькие, аккуратно вырезанные губы сжаты без всякого усилия. Но узенькая дорожка коротких иссиня-черных волос внезапно уходит со лба под меховую шапку: юкагир удивлен. Может быть, моим вопросом на русском языке? Повторяю ту же фразу по-якутски.

И тогда радостный, торопливый, по-якутски же ответ:

— Я из Бириляхского колхоза. Охотничьей артели — председатель... Аполлошка Неустроев. Вот...

И Неустроев показывает на убитых оленей.

Но я не могу так просто отказаться от того, что все еще считаю своим бредом.

— Хорошо, товарищ Неустроев... но где вы раньше учились?

— Учился? — переспрашивает юкагир. — Я учился? В Булуновском партизанском отряде. Немного учился. В школе — нет. Не ходил!..

Мои вопросы — это очевидно — кажутся Неустроеву совершенно лишними. Он смотрит на меня уже как будто соболезнующе. Говорит несколько слов на совсем непонятном для меня языке женщине...

Я поворачиваюсь к ней.

— Это — сестра, — говорит мне юкагир, — не бойся!

Женщина вкалывает нож в горло оленя и сразу же подставляет к проколу деревянную чашку. Потом протягивает мне полную чашку оленьей крови:

— Исс! Учугай! (Пей! Хорошо!)

— Самое лучшее питье вода! — добавляет Неустроев. — Пиндар... Лирический поэт... 522, 442 до революции десятого месяца... До революции Октября, я знаю...

— Сумасшедший! — я совсем этого не хотел сказать

И понял слово только, когда оно уже выскочило. Скорее освежить голову водой. Быстро иду к реке. Юкагиры оживленно между собою заговорили. Женщина — громче, чем мужчина. Мне не понять их. Плещу в лицо холодной водой; еще и еще... Вот положение!

Слышу, что подходят ко мне сзади: оборачиваюсь. На лице Неустроева ясно выражается заботливость.

— Много ходил, тогор. Нельзя много ходить. Можно сделаться больной. Плохо больной сделаться. Надо много спи, много кушай олений мяса... тогда опять здоровый будешь.

— Да я ничего, спасибо. Здоров. А где мои проводники? Далеко ушли? Вы... ты не знаешь? Когда они вернутся?

— Туда, — юкагир махнул рукой на запад, — охотиться пошли... Ты иди в тордоху, чай пей, кушай. Спи надо, лежи. Нехорошо больной... — продолжает меня уговаривать Неустроев.

Это забавно. Он меня уговаривает полечиться. Но сам-то он что такое? Нормален ли он сам? В партизанском отряде заучивал стихи Гомера?!

Самое правильное сейчас — это спокойствие. Не возбуждая подозрений, осторожно вглядываться, пока не вернутся мои спутники...

Через полчаса мы сидим в тордохе у вскипающего чайника. Олени еще не все освежеваны, но хозяин считает своим долгом прежде всего напоить и накормить гостя.

Чай, густой, как взболтанный кофе, с оленьим молоком. К чаю заедки — оленье мясо, нарезанное узкими ремешками и высушенное на солнце до хрупкости. Такой мясной препарат чуть солонит язык, возбуждает жажду и является прекрасным добавлением к чаю. В качестве легкой закуски — копченый олений язык. Этот деликатес — будто связку переспелых бананов — снимает Александра Неустроева с жерди, протянутой над костром. Под тонкой сухой корочкой таится великолепнейший паштет, напоминающий по внешнему виду ливерную колбасу и совершенно исключительных вкусовых достоинств. Языковый паштет буквально тает во рту; он жирен, как масло, очень сытен и чрезвычайно питателен. В несколько минут, здесь же, сидя у костра, хозяйка изготовила большую круглую лепешку из ржаной муки. И лепешка аппетитно дробится

в зубах грубым своим прикосновением к оболочке рта, подчеркивая вкрадчивую маслянистость оленьего языка.

Утренний завтрак обилён, изыскан и прост.

Мне не хочется сейчас подымать, несомненно обещающий быть неприятным, разговор об излишне заколотых оленях. Но хозяин, внимательно следя, чтобы моя чашка не оставалась пустой, сам начинает беседу поощрительной фразой:

— Кушай... язык... олень много и язык много... учугай!

— Зачем было столько убивать? — спрашиваю с опасливой укоризной.

Неустроев говорит что-то женщине, и они оба громко смеются:

— Тогор испидисси! Хороший человек: много смеяться любит! зачем убивай оленей! Ха-ха! — довольно раскатывается юкагир. И, быстро погасив смех, чтобы не обидеть гостя, продолжает учительным тоном:

— Неустроев знает. Когда Аполлошка Неустроев был в партизанском отряде, в Булуне, туда привозили из Якутска круглые маленькие жестянки. И в жестянках было мясо. Очень вкусное коровье мясо и бычье мясо. Из Москвы посылали красноармейцам мясо. Это хорошо, когда тебе посылают мясо. А нам в Бириляхский колхоз мясо не посылают. Мы сами делаем мясо себе летом. Когда олень, дикий олень идет в тундру, — надо его убивать. Много убивать. Тогда зимой мясо есть можно. Всему колхозу мясо есть можно...

— Так это дикие олени? Где же охотники?

Я пробую мысленно подсчитать, сколько же человек участвовало в охоте, давшей столько добычи.

— Я — охотник, — говорит Неустроев и опять переглядывается с женщиной. — Она — охотник! (Какой смешной этот русский испидисси!) Сегодня всю ночь не спал, охотился. Вот, оленей много набил, много не спал. Семьдесят и шесть оленей набил. Целую ночь охотился.

Юкагир говорит все это очень спокойно, не рисуясь, без тени хвастовства.

Несомненно он говорит правду.

Он, конечно, не знает, что передо мной встают сейчас тени исполинских героев древней Эллады. Да, юкагир Неустроев может с полным правом цитировать старика Го-

мера. Его охота достойна подвигов Гектора из дома Приама...

И это факт: за одну ночь (солнце светило в эти ночные часы с полной нагрузкой, не слезая с неба) юкагир Атоллон Петрович Неустроев убил на переправе семьдесят шесть взрослых оленей.

Юкагир охотился копьем («аткас» — широкий двухсторонний нож, насаженный на длинную палку).

«...Определенно толковый председатель в этой охотничьей артели», — думается мне, когда хозяева уходят к реке продолжать свежевать добычу.

Я остаюсь в тордохе один.

Тордоха: полярный дом. Одновременно — зимнее здание и в то же время летняя дача, продуваемая со всех сторон, как индийское бунгало; жилое устройство, приспособленное для быстрой съемки и постановки, как палатка военного лагеря.

Двенадцать кольев, обкуренных, будто старая трубка, установлены тупыми концами в круг диаметром около пяти метров. Верхние концы одеты на скрепляющий все кольца ремень. Из ровдуги, оленьей замши, сшито большое полотнище, которым обернут каркас, образуемый кольями. Вверху оставлено отверстие для дыма. Дверью служат две полы наружной крыши, закладываемые одна на другую. Вот и все.

На середине четырех кольев, поперек всей тордохы, привязаны две палки: подвесы для чайника и котлов. Еще выше — еще две палки для сушки мяса и рыбы. В центре тордохы из комьев дерна сделано небольшое возвышение, на котором разводят огонь. У ровдужных стенок, вплотную к ним, образуя шестиугольник, положены оленьи шкуры. По две на каждую постель. Мездрой внутрь, мехом наружу: так учит опыт. Две враздрай сложенные шкуры дают возможность лежать на них, не опасаясь сырости почвы. Две постели хозяев закрыты полотняными балдахинами. На одной из постелей лежит ружье.

Видны подушки в наволочках из пестрого ситца и меховое заячье одеяло. Край постели располагается непосредственно рядом с костром. Но когда люди спят — костер гаснет. Опасаться пожара нечего.

Меняя позу, чтобы дать отдохнуть затекшим ногам, не-

чаянно касаюсь хозяйской постели. Сдвинулась немного в сторону подстилка. Поправляю постель, как было...

И замечаю выставившийся из-под подушки уголок какой-то книжки. Это любопытно. Какая литература может быть в тундре?

Нехорошо, конечно, высматривать интимности чужой жизни. Но... вольно же этому симпатичному товарищу цитировать стихи античных поэтов и убивать в одну ночь по несколько десятков оленей!

Достаю книгу. Русский шрифт. Книжечка в одну восьмую листа и называется... «Тревожная жизнь». Издание «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви». Год издания 1902.

Ну, час от часу не легче...

Открываю: на первой странице — «Обет трезвости. Пучение Александро-Невскому обществу трезвости в неделю сыропустную»...

Н-да! Сыропустную! Семьдесят шесть оленьих туш!.. Подходящее чтение!

МИССИОНЕРЫ ПРОСВЕЩАЛИ

Несколько статей и рассказов, большей частью переводных. Отрывок из статьи нововременского Меньшикова («Злой недуг»), типичный образчик благонамеренного кликушества, написанный закрученными умными фразами с тщательным вытравливанием всякого намека на социальные основы пьянства в царской России.

И наконец — гвоздь всей книжечки — приложение: «Яд. Сборник мнений, мыслей и изречений выдающихся писателей о вреде пьянства» (СПБ, 1902 г.).

Из этого сборника якут или тунгус мог узнать, что: «Пьянство есть мать всех постыдных дел, сестра любострастия и кораблекрушение целомудрия» (Блаженный Августин).

В памяти оставались, конечно, наиболее доходчивые, наиболее понятные слова: пьянство — мать и сестра.

Григорий Богослов трактует пьянство еще более привлекательно: «Пьянство, плотская любовь, ревность и бес равны между собой».

Бесы, злые духи всегда были в почёте у малокультурных племен, напуганных грозными явлениями природы. Фольклор якутов, тунгусов и чукчей выдвигает злых духов на командные посты своей мифологии. Значит... любовь и улахан тойон (большой начальник) сидят в бутылке с этикеткой, заштемпелеванной государственным российским гербом.

Митрополиты, архиепископы и папы, занумерованные латинской цифирью и без оной, крадущейся поступью шествуют по страницам книги, осторожно втыкая в сознание читателя понятие о властном очаровании государственного алкоголизма.

Изречения подобраны очень старательно. Мартину Лютеру, например, предоставлено право громить только... пивоварение.

«Пивоварение уничтожает столько хлеба, что его вполне хватило бы для целой Германии».

Уничтожение хлеба! Это очень понятно каждому нацмену, полярнику. На дальнем севере хлеб считается предметом роскоши. Никто и никогда не подумал бы здесь заняться самогоноварением или приготовлением бражки. А русским купцам и чиновникам, опекавшим край винно-монопольными лавками, очень неудобно было возить в жестокие морозы бочки с пивом. Портится ценный товар. А спирт от мороза застрахован. Водка, даже если она замерзнет в бутылке, не лишается своей крепости.

И — да будет предано проклятью пивоварение!

Миссионерские попы не гнушались высказываниями и Будды Сидарты и Мельхиора фон Диппенброка, кардинала и епископа Бреславльского, Вильяма Бутса — генерала Армии Спасения, Пифагора и Анахарсиса, Сенеки и Пиндара (под цитатой из первой олимпийской песни Пиндара, в сноске указано: 522—442 гг. до «Р. Х.» и было понято Неустроевым как до... Октябрьской (Сентябрь — десятый месяц) революции).

Приведены также выдержки из произведений русских писателей — классиков. Однако эти выдержки взяты в контексте, лишаящем их социального смысла. Больше того, они стремятся вырыть пропасть взаимного непонимания и недоверия между рабочими и крестьянами, между русскими и нацменами.

«Лесков Н. — Ни мор, ни глад, ни огонь, ни меч двенадцати языков не ознаменовали так своих губительных нашествий на нашу отчизну, как укоренившийся у нас страшный порок пьянства, пьянства буйного, дикого, отвратительного и иногда обесмысливающего наше чернорабочее сословие».

Рабочий, как представитель своего класса, класса трудящихся, был неведом людям дальнего севера, не имевшим до Октябрьской революции вообще никакой промышленности.

Нацмены севера знали чиновников, солдат, купцов и политических ссыльных.

В новую (опасную!) категорию страшных, делающих что-то «бессмысленное» рабочих зачисляло миссионерское просвещение революционеров, обреченных на ссылку в арктических областях.

Предусмотрительно вклинивались сторожкое недоверие и подозрительность между заключенными в «местах отдаленных», где стенами тюрьмы служили местные условия, и хозяевами края — нацменами.

Звонницы православных церквей были сторожевыми вышками огромнейшего, всеякутского политкаторжного центра.

МИССИОНЕРЫ СТРОИЛИ

Стада оленей шли плотными, бурными прямоугольниками, имея в центре телят и важенок, охраняемые с боков оленными собаками.

Подравниваясь под мелкую рысь животных, четвероногие сторожа бежали, высоко подпрыгивая и в момент прыжка оглядывая порученное им стадо. Большие и косматые собаки казались небрежно свалянными мячами черной шерсти, которых несет ветром по бледно-зеленой равнине тундры.

Над стадами смутным хитросплетенным рисунком качались сотни и тысячи ветвистых рогов. И сухое пощелкивание костей ног множества животных сливалось в шум, похожий на шуршание морского прибора в грудях мелкого гравия и легко перекатываемой гальки.

За стадами бесшумным, гимнастическим шагом охотни-

ков шли мужчины и женщины; тащились, подергиваясь на кочках, высокие летние нарты, груженные кольями для тордох, домашней утварью и деревянными корытцами, в которых накрепко были завязаны новорожденные дети.

Отрывистый, немногословный говор людей, побряхтывание нарт в сочленениях, детский плач и хруст оленьих ног сливались в согласный хор движущегося селения.

Со всех четырех стран света, ото всех тридцати двух румбов горизонта, в течение многих дней шли и ехали люди, бежали животные, притягиваемые непонятной им, но хорошо ощутимой, властной, чужой волей в одну, этой чужой волей намеченную, точку. В безлюдной до того тундре, где-нибудь на берегу широкой и мутной реки, неожиданно возникало людское кочевье.

Белые и серые конуса тордох, колья, воткнутые для привязи опеней, опрокинутые — за временной ненадобностью — нарты делали это кочевье похожим на военный лагерь какой-то первобытной армии. Так, в сущности говоря, и было по замыслу руководителей этого сбора.

Якуты и тунгусы, юкагиры и чукчи собирались с целого округа на постройку церкви. Церковь должна была иметь вид средневековой туры, башни. А командиром башни являлся поп-миссионер.

Неудачник без протекции и связей, там, в далекой России, не имевший надежды получить хотя бы маломальски сносный приход, отщепенец сытого и ленивого священнического быта, а потому озлобленный, аскет поневоле, заряженный нетерпимостью, как старинная китайская пушка картечью — до самого горла, — миссионер создал свою крепость, свой производственный комбинат, закладывая базу экономического благосостояния многих поколений торговцев религиозным дурманом.

Мачтовые бревна, едва обтесанные, в обхват человека, были сплавлены с верховьев реки еще прошлым летом. Лес за зиму вылежался, стал похожим на оксидированное серебро; эти бревна простоят нерушимо сотню лет, тем более здесь, где арктический холод мертвит долгоносиков и древоточцев. Из всех живых существ — паразитов холод не может убить только паразитирующих людей.

На постройку церкви плотники и столяры прибыли из Якутска, из Олекмы, из Киренска — по обету: замаливать

грехи, отгонять видения призраков купцов — убитых на большом сибирском тракте, непокорных жен — вколотых побоями в гроб, бабок — удушенных подушками за то, что их старческое хрипение не давало возможности получить наследство нетерпеливым внукам.

Эти кряжистые, молчаливые люди в повседневном своем обиходе были тверже и жестче бревен, которые они обтесывали.

Много обид переносили от них «дикари»-нацмены за то время, пока строилась церковь.

И вечерами, когда тонкими, колеблющимися, как печальная мелодия флейты, струями подымался к небу дым костров, — осторожно, вполголоса жаловались друг другу кочевники: высокий рыжий плотник схватил молодую Чугарек... скаля зубы и ворча, как белый медведь, утащил ее за штабель бревен и там сделал с ней нехорошее. Обидел. У старика Чолко загубили напрасно двух оленей... слишком близко к стройке подошли любопытные животные, и русские плотники обрубили им топорами рога вместе с кусками черепа...

За рекой, скрывшись где-то между холмами, нервную дрожь тревоги выбивал на бубне шаман.

В ночном, недвижимом воздухе далеко растекались эти звуки. Глубже под одеяла прятали головы люди севера.

Они знали, что это значит: шаман призывает старых богов ринуться в бой с новыми богами, которых привезли русские.

А из лагеря плотников доносились тягучие, жуткие — как вопли истязуемого в темном подвале — каторжные сибирские песни. Русские тоже шаманили... по-своему...

Церковь строилась, выдвигаясь в пустое бездонное небо остриями своих куполов и звонниц.

Церковь, как песцовая ловушка — «пасть», впоследствии будет захватывать, давить каждого, кто войдет в ее широкие двери. Она установит правило, что без ее ведома никто не смеет родиться, любить, умирать.

И каждый раз, ненасытно, будет требовать себе кипы горностаевых и соболиных шкурок, мясо убитых оленей и живых людей — девушек в прислуги и наложницы миссионеров, мальчиков в конюха и батраки миссионерского комбината,

Милосердие и любовь и... нещадные поборы и лишения продовольствия в голодные годы (а их много будет, этих голодных лет!) за неуважительное отношение к иерею и православной, католической...

Алчность и разгул, ничем уже не сдерживаемые здесь, в диких местах.

Врежутся в память, как увечье, оставляемое раскаленным царским клеймом на лбу, чужие непонятные имена... Евтихий, Нимфодора, Секлетья, Аполлон, Анимаида...

Тысячи и сотни тысяч Слепцовых и Гороховых — фамилий, даваемых сразу целому роду, целому селению при крещении, — заполнят якутскую тундру.

Отчеты научных экспедиций, посылаемых на крайний север императорской Академией Наук, будут хладнокровно сообщать:

«Никто там не живет, кроме зверей да тунгусов, которые в рассуждении пищи и беспрестанного с места на место прехождения немного от зверей разнствуют» (Гмелин, 1736 г.).

При каждой церквиз приходская школа для детей избранных — кулаков и мелких князьков, которым вслед за началом грамотности преподносится душеспасительное чтение... «Трезвая жизнь».

Что больше требуется «дикарям», которые «немного от зверей разнствуют».

А церкви и религиозные комбинаты при них на многие десятки лет останутся мощными колонизаторскими устройствами империалистов, кровососными банками торгового капитала, агрегатами религиозного дурмана.

МИССИОНЕРЫ РАБОТАЮТ

На правом берегу Вузунга, в квартале верфей, покрывающем остров Чуен-Ша — восточную половину Шанхая, уже не было такси.

Скопище задымленных бараков из оцинкованного железа и фанерных будок — жилищ квалифицированных китайских рабочих — скорее было похоже на концлагерь для военнопленных, чем на рабочий поселок.

Впрочем, здесь и жили... военнопленные иностранного капитала, нагромоздившего в европейской части города, сразу за кордоном французской полиции, многооконные, просторные особняки.

Грязь откровенной нищеты хватает за ноги. И рикша — голый череп блестит, как булыжник, омытый дождем, трахома съела ресницы и веки, теперь уже только лёссовая пыль, осев в глазных впадинах, служит плотиной для старческих слез, — рикша кланяется, просит о великой милости: использовать его в качестве лошади.

На колясочке сзади — круглый покрытый лаком номерок: за номер платить надо в полицию. И два фонарика у основания оглобель: масло для фонариков тоже стоит денег. Старик у надо заработать.

И кроме того, карту Тайфуна, идущего вдоль берегов Китая откуда-то с параллели острова Формозы, — надо получить как можно скорей. Пароход готов к съемке с якоря. Принят груз. Формальности выполнены.

Да, рикша хорошо знает: «Пао-Шань, лоцмейстерство и метеорологическую станцию... «Мисси! Хао!»... Да, да, там, где миссионеры.

Радостно улыбаясь, старик показывает синие десны и с места берет размашистым шагом привычных бегунов-сорокоходов.

Колеса пружинят на ссохшихся пластах многолетней грязи; под отвесными безжалостными лучами солнца нестерпимо блестит костлявая спина рикши.

По синей эмали, изящные и стилизованные под холеную простоту, белые тонкие буквы: Station.

За толстыми кирпичными стенами, в комнате, куда оконными гардинами закрыт доступ солнечной яркости, — мягкий жемчужный свет, как бывает в чертежных залах вузов. Весело и четко, словно хорошо выдрессированные солдаты, считают свои шаги большие маятники точных часов. На стенах — ящики барографов, доски с резервуарами ртутных барометров, полки, загроможденные пробирками и колбами с образцами воды Ян-Цзе-Киянга.

Шкафы красного дерева, за их стеклянными дверцами стройные ряды одноцветно переплетенных книг — лоции, наставления для плавания, астрономические ежегодники, таблицы,

Из-за письменного стола подымается католический монах. Лицо напоминает камю, резаную на слоновой кости, — горбоносый профиль, в каемках бессонницы внутрь себя смотрящие глаза, венки редких волос вокруг крошечного иллюминатора — тонзуры. Шелковая кофейного цвета ряса, подпоясанная витым шнурком, спадает мягкими складками. И очень правильная, подчеркнуто правильная английская речь:

— Да, здесь — метеорологическое бюро! Да, здесь можно получить справку о погоде в северо-восточной части Великого океана. Да, метеокарта на сегодня, восемь часов утра, готова...

Монах оживляется, услышав французскую речь:

— Ах, мсье говорит по-французски! Мсье, конечно, русский моряк: только в настоящих, фешенебельных домах России так изучали и ценили язык прекрасной Франции!

Короткой вспышкой недосказанной мысли сверкнули глаза монаха.

Понимаю: это требование «показать свой флаг!»

Немного рано, ваше святейшество: покажите сначала ваши метеосводки. И только поклон — рассчитанно учтивый — служит ответом монаху.

На большом листе уверенно намечен темнокрасною линией путь, который уже пройден тайфуном, синим пунктиром — раскрыты предположения монахов-синоптиков о дальнейшем движении урагана. Вот — радиотрамма станции Ци-Ка-Вей. Вот — сообщения Кантона и Макао.

Хорошо работают католические миссионеры на службе «обеспечения безопасности кораблевождения». Все побережье Индокитая и Китая освещено миссионерскими лоцмейстерствами.

Это значит, что все движение пароходов вдоль китайских берегов фактически находится под контролем католических монахов. Это значит, что по желанию иностранных капиталистов в любой момент может быть закрыто освещение маяков и створных огней от Сингапура до мыса Гамова. Тогда на всем протяжении береговой линии азиатского материка, от Сингапурского пролива до залива Посьета, останется гореть только один Гамовский, советский маяк. И пароходы десятками начнут выбрасываться на рифы и отмели,

Очень хорошо «работают» католические миссионеры на службе «обеспечения безопасности кораблевождения».

Метеосводка сделана блестяще. Есть все необходимые сведения. Монах принимает изъявления благодарности с подчеркнутым смирением. Скупой и почтительный жест в сторону большого серебряного распятия: «мы можем только покорно следовать за проявлениями божества и удивляться его несравненному могуществу...»

— Да, да! Советский пароход «Коминтерн». Сколько надо заплатить за карту? — это сказано тоже с поклоном, но по-английски и чуть насмешливо.

Патер сразу теряет величественную простоту. Кажется, он готов изорвать карту, чтобы моряк ненавистной, еретической страны не смог получить необходимых сведений. Поздно: карта уложена в боковой карман тужурки.

И теперь уже по-русски, прямо в лопнувшую гримасой досады какою:

— Четыре с боку — ваших нет!

— Comment?

В ответ рубленными слогами намеренно русского «прононса»:

— Мерси бьен! Ву зет тре земабль, мусью... Ан ту ка. А сегодня в особенности! (Вы очень добры всегда...)

Патер выходит провожать русского моряка. Цыновка глушит шаги — русского в туфлях, монаха — в плетеных сандалиях. Шагов совсем не слышит старик-рикша, вздремнувший на корточках в тенистом уголке широкого крыльца.

Патер, ястребом на перепелку, бросается к рикше:

— Грязный бездельник! Животное! Ты запачкал крыльцо!

В широком взмахе уже свистит трость, поднятая миссионером. Ну, эта игра нам тоже знакома. Как отказать себе в долгожданном удовольствии поставить точку — в разговоре с этим просветителем? Тонкий бамбук гнется в плотном обхвате ладони! Еще миг, и он будет сломан о колено. Но во-время отрабатывает на задний ход дисциплинированная сознательность моряка — зачем ломать палку?! Пригодится еще... Может быть, для спины этого же монаха.

Рикша вскочил; он уже стоит в оглоблях коляски.

Искреннюю благодарность от имени команды советского парохода, за оказанное монахами содействие, вторично приносит моряк. Да, у нас, в советских вузах, тоже неплохо учат французскому диалекту...

Вперед, товарищ! До первого поворота: вон туда, где висит широкая метелка из красных бумажных лент... В этом китайском ресторанчике ты останешься закусывать пампушками.

Моряку теперь известна дорога обратно к мысу Хуан-Пу, к перевозу... И просвещенный метеоролог до тебя за этим углом не дотянется.

ЕЩЕ ДОКУМЕНТ: СЕН-БЕЙ

Это — имя одного из уездов китайской провинции Шань-си и одновременно это — боевой клич грядущих китайских восстаний против иноземных угнетателей.

Сен-Бей — памятник непревзойденного лицемерия и откровенного звероподобия служителей церкви. Жителями уезда Сен-Бей во время боксерского восстания 1900 года было убито несколько католических миссионеров. Как известно, в ответ на справедливый протест китайцев против наглого хозяйничанья иностранцев на их территории капиталистические державы отправили в Китай смешанную экспедиционную армию.

Немцы, англичане, французы и голландцы прошли огнем и мечом от берегов Желтого моря до Пекина, разграбили столицу Китая, вывезли из страны на десятки миллионов рублей золота, серебра и драгоценных камней.

После ликвидации восстания (хозяев против гостей) был подписан так называемый боксерский протокол, предоставлявший капиталистам огромные прибыли под видом контрибуции и ряда торговых льгот. Даже капиталистические акулы должны были согласиться, что инцидент исчерпан.

Но католические миссионеры в уезде Сен-Бей все-таки не чувствовали свои аппетиты удовлетворенными. Монахи начали сепаратные переговоры с китайскими властями, опираясь на штыки европейских солдат. И тогда местные, уездные власти обязались заплатить монахам 600 000 долларов. Так сказать, цену крови.

Однако миссионерам и этого показалось недостаточно: в обеспечение долга они взяли на себя управление всем уездом (200 кв. миль) впредь до окончания расчета. И тогда новые управители немедленно предложили всему населению уезда либо принять христианство, либо убираться вон со своей земли, оставив на этой своей земле все свое имущество.

Выражаясь дипломатическим языком, эта «христианская акция» дала монахам сразу 50 000 овец, 10 000 коров, около 1000 лошадей.

Монастырь установил в уезде свою собственную власть: экономическую и судебную. Определил в свою пользу налоги, начал собирать пошлины за ввозные товары и даже за провоз товаров через территорию уезда.

Ежегодный доход монастыря от всех этих поборов равняется двум миллионам долларов. Этими суммами монахи распоряжаются бесконтрольно.

Китайский уезд Сен-Бей фактически представляет собой крепостную вотчину христианских монахов.

Всякие — самими же патерами установленные — сроки этой кабальной сделки давно уже истекли.

Долг был выплачен в первый же год рабства уезда, даже с начислением трехсот процентов. Сепаратное соглашение окончилось в 1914 году. Девятнадцать лет тому назад. Однако еще и сегодня — в 1935 году — просветители в рясах отнюдь не собираются уходить из Сен-Бея...

Пьявки обыкновенные, насосавшись человеческой крови, сами отваливаются от мест присоса.

Христианнейшие пьявки могут быть удалены только оперативным путем — мечом пролетарской революции.

УНИВЕРСИТЕТЫ АПОЛЛОНА НЕУСТРОЕВА

— Мой отец служил батраком у попа в селе Казачьем, недалеко от Устьянска. Я родился в доме попа, как раз в первый день, когда зимой показывается солнце, в январе. Оттого поп мне и дал такое имя: Аполлон. Я все знаю. Потом учился в церковной школе. Только не так, как все другие ученики. Они для попа кожи мяли, оленье кожи,

ровдугу делали. А я левша, видишь — у меня левая рука больше. И поп решил, что я на кожемялке плохо работать буду. Сам учил меня читать и писать. Потом, когда чиновники приезжали из Верхоянска, меня поп всем показывал — вот, говорит, мой первый ученик... а другие и совсем читать не умели. Хитрый был поп, как шаман...

Неустроев оглядывается на постель сестры:

— Однако моя хозяйка уже спит: давай сами чаю нальем. Пей чай, тогор, мясо кушай!

— А как же потом, после революции, товарищ Неустроев? Надо было еще учиться, в город ехать. Впрочем, и теперь еще не поздно, — спохватываюсь я, чтобы не обескуражить собеседника, — при советской власти и для взрослых школы есть.

— Школа — плохо, — неожиданно заявляет юкагир, — после революции у нас много бандитов сделалось. Все кулаки пошли в бандиты. И у нас сделался свой партизанский отряд. Бандиты нас били, потом мы бандитов крепко били и всех стреляли. Бандиты ловили якутов и тунгусов, которые из Якутска приезжали. Запирали их в юрту и жгли вместе с юртой. Потом мы бандитов стреляли. Потом я уехал в Булун и там воевал тоже, вместе с красноармейцами. И у красноармейцев тоже учился: газеты читал. А в школу — мне говорили, чтобы ехал в город. Я посмотрел, как учат в школе. Нет, не нравится. Школа мало учит. Знаешь — медленно учит школа. Я пошел в тундру учиться. Завязывай, тогор, сары, я покажу тебе. Идем...

Неустроев быстро стягивает завязки своих замшевых гамаш (сары). Ловко, чтобы не задеть за деревянный остов тордохи, подымается на ноги.

Подымаюсь и я. Куда же однако? Ведь уже ночь. И в палатке рядом давно спят мои спутники, утомившиеся целодневной охотой на болотную дичь.

Неустроев, бережно опустив полог над спящей женщиной, выскользнул из тордохи.

Солнце в небе — как яичный желток на голубом блюде. А все-таки с несомненностью чувствуется, что сейчас — ночь. Олени — некоторые из них любят забираться на много километров от стоянки — привязаны у колышков. Олени легли на животы, поджав под себя ноги и повер-

нувшись спиной к солнцу. Головы уткнуты подбородками в траву. Животные спят.

Ст реки, с озер, разбросанных вокруг холма, на котором стоит тордоха Неустроева, весь день слышался неровный многоголосый шум. Теперь, когда и птицы уснули в камышах, особенно чувствуется эта тишина всеобщего отдыха в тундре.

— Идем! Я покажу... — повторяет юкагир и начинает спускаться с холма.

Очень странное ощущение вызывает этот яркий солнечный свет в те часы, когда должна быть ночь. Обыкновенным днем глаза воспринимают главным образом эффекты освещения: свет и тени. И никогда (да и никому, пожалуй) не приходит в голову задуматься над тем, что эти эффекты воспроизводят световые волны.

В заполярьи летнею ночью, наоборот, чувствуешь, как будто весь с головой погрузился в бассейн, наполненный световыми волнами, и эти волны ощущаешь как некую эфирную жидкость — не весомую, бесцветную, но какими-то кончиками каких-то нервов вполне реально воспринимаемую.

.....

Неустроев шагает так быстро, что надо внимательно смотреть себе под ноги, чтобы не оступиться на кочках. Вправо, к северу, видно большое озеро и около него одинокий холм. На холме крест. Похоже, что Неустроев ведет меня именно к этому кресту. Невдалеке от креста земля немного взрыта, как будто здесь были сложены куски дерна. Неустроев своим ножом отбрасывает эти куски в сторону. Да, здесь какой-то склеп... Могила, что ли? Неустроев отодвигает последние кубики дерна. Открылось правильное квадратное отверстие. Из склепа пахнуло резким сырым холодом. Внутренние стенки ямы белеют изморозью. Странно в первый момент: все зеленеет кругом, теплое, ясное, греющее солнце, и вдруг... снег. Надо заставить сознание вернуться к мысли, что здесь семидесятая параллель северной широты. Тогда понятно: яма вырыта в слое вечной мерзлоты, ее стенки — лед.

— Вот склад, — говорит Аполлон Неустроев. — Он умер сверху...

— Кто умер?

— Вон тот, который под крестом... офицер, у него были на плечах погоны нарисованы. Три года назад он здесь умер.

— Отчего же он умер?

— Не знал тундру. Не учился тундре. Вот. Он был офицер, — значит, белый — бандит. Убежал из города, пришел в тундру. Зимой. Кушать надо. Юкагиры летом бьют оленей, потом мясо прячут в такие склады. Там холодно, не испортится. Я здесь мясо прятал. Офицер пришел, ничего не увидел. Юкагир увидел бы, что здесь мясо: сверху палка стоит. Офицер не мог найти мясо, не мог кушать. Умер. Потом я приехал, нашел мертвого человека. Снял хороший полушубок. Потом приехал летом, когда земля сделалась мягкая, закопал офицера в землю...

Неустроев аккуратно закладывает вход в свой погреб кусками дерна, садится на них и говорит в заключение:

— Теперь больше сюда мяса не прячу. Хоть он и бандит — все равно покойник. Не хорошо.

Юкагир закуривает трубку.

С маленького озера перед нами поднялась — будто напуганная дурным сном — гагара, сделала два круга над водой, пожаловалась сиплым голосом: га-га! га-га!.. И опять тяжело плюхнулась в камыши. Неустроев проследил глазами полет гагары, сказал, повернувшись ко мне лицом:

— Другой человек так — видел?! — захочет, сам не понимает чего; закричит и опять садится на старое место... Я понимаю... Тогор, ты ньюча? (русский?) Скажи, много... лет русские учились, чтобы сделаться настоящими советскими товарищами?

— Товарищами русские крестьяне и рабочие были всегда, но после революции мы сделались советскими гражданами, — отвечаю юкагиру и чувствую себя тою же лопочущей гагарой... Что-то другое ему нужно.

— Знаю. Была большая война с царем, и бедняки победили царя. А вот сколько времени учились бедняки, чтобы научиться делать самолеты и хорошие ружья и настоящие материи?..

Ответ требуется короткий и точный:

— Через шестнадцать лет после революции большевики уже научились сами делать такие большие самолеты, ко-

торых не могут построить в буржуазных странах. И эти самолеты большевики делают лучше, чем тойоны — империалисты.

— Сеп, сеп! — говорит Неустроев. — Надо чтобы и якуты, и юкагиры, и тунгусы сами делали самолеты и ружья...

— Для этого сначала надо отыскать в тундре уголь и железо и построить заводы...

— Сеп, сеп! — повторяет юкагир. — Уголь, черный такой камень. Я видел в Булуне на пароходе, его бросали в камелек. И железо видел. Старик Богданов знает. И ты правильно говоришь — надо найти. Не надо умирать, как этот белый офицер: кушать хочет, лежит на мясе, взять не умеет, понимаешь? Надо уметь взять. Вот зачем Аполлошка Неустроев из школы обратно в тундру пошел. Аполлошка Неустроев знает: нельзя ждать... Пятилетка! Понимаешь?!

Неустроев прячет трубку в карман, не дождавшись моего ответа, встает и, обычным для него, скорым шагом уходит с могильного холма.

Через пятнадцать минут мы снова в тордохе. Юкагир не разговорчив. Он раздевается ко сну и пристально смотрит в огонь, что-то обдумывая.

Меня одолевает зевота. В самом деле, надо как следует выпаться. Мою постель еще днем перенесли из палатки в тордоху, очевидно в заботе о здоровье «испидисси».

Стягиваю гамаши. Неустроев высовывается из-за полога: — Тогор! Ты — начальник экспедиции!? Да!? Я — Аполлон Неустроев — батрак экспедиции... Да!..

Юкагир довольно улыбается и прячется в своем алькове.

Глава третья

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ БУРЖУЕВ

В 1883—1884 году через юго-восточную часть Якутии прошла экспедиция французского исследователя Ж. Мартена. Работа экспедиции продолжалась девять месяцев. Караван Мартена состоял из 120 оленей, 18 лошадей, 20 собак и 12 людей — проводников.

Именно в этом порядке (сначала собаки, потом проводники-туземцы) перечисляются участники экспедиции в отчете ученого француза («Международный Географический Вестник» №№ 163—170, 1884 г., на французском языке).

Профессор В. А. Сбручев, давая извлечения из этого отчета в статье «Путешествие Мартена по северо-восточной Сибири («Известия Восточно-Сибирского отделения Имп. Рос. Географического Общества», 1890 г., том XXI, № 2), резюмирует общий итог работы этой экспедиции весьма кратко, но исчерпывающе: «Мартен не сообщает ничего нового, а местами дает неверные сведения.

Двенадцать проводников, 160 животных, девять месяцев работы и... ничего нового, а местами вранье.

Можно, конечно, и так обследовать неизвестные дотоле области.

Караван экспедиционного отряда колхозников ведет хозяин тундры — Неустроев, председатель Бириляхской охотничьей артели. Рядом с ним, тоже верхом на оленях, двое тунгусов — представители Аллаиховского колхоза. Они исполняют в данный момент обязанности фуражиров: охотников и заготовителей топлива.

Для удобства ведения зарисовок и путевых заметок единственный научный сотрудник отряда едет на летних нартах. Это сани, у которых высокие копылья предохраняют сидящего человека от забрызгивания водой из-под ног бегущих оленей. В летние нарты впрягают тройку оленей. Деревянные полозья скользят по мху и мокрой траве почти так же легко, как и по снегу. Дорога неровная, склоны усеяны буграми и кочками. Поэтому человеку в нартах приходится все время балансировать, чтобы не вывалиться. От такой гимнастики в нартах устаешь больше, чем от переезда верхом на олене. Но в смысле рабочего преимущества огромны: все время свободны руки, можно осматривать горизонт в бинокль, можно делать записи и в любой момент — остановив оленей — заняться кроками местности.

Специальная нарта везет челнок (ты), — так он лучше сохраняется, чем при доставке волоком. Внутренность челнока служит провизионным складом. В арьергарде, замыкающим едет верхом юкагир Кочкин (Хромский колхоз). Его обязанность — охранять наш тыл: следить за сменными оленями, привязанными у концевой нарты, наблюдать за тем, чтобы караван ничего не обронил в дороге.

Под Неустроевым крупный белый олень с облезлой полетному шкурой. Этот олень получает у нас почетное флотское звание — комендора-наводчика.

Наводчик действительно чрезвычайно умный олень. Он совершенно отчетливо понимает, что его хозяину и людям, которые вместе с хозяином едут, необходимы для еды гуси. Караван проходит через полосу птичьего гнездования. И каждый раз, когда наводчик видит невдалеке от своего пути сидящую гусыню, олень сразу останавливается и поворачивается головой в сторону... еды.

Случается, что юкагир, занятый разглядыванием местности, не замечает птицы. Гусыня — пестро-коричневой окраски — сливается с общим фоном прошлогодней травы, лишаев и мха. Птица упорно не желает покинуть гнездо и сидит неподвижно.

Неустроев бьет оленя пятками, тянет за недоуздок.

Наводчик упрямо мотает обломанными в какой-то драке рогами, приседает на задние ноги, отказывается итти вперед.

Охотники, поняв, в чем дело, быстро обшаривают местность взглядами. Вот один из тунгусов молча поднял таях — показывает, где укрылась дичь. Быстро вскинута к плечу и вслед за тем осторожно кашляет половинным зарядом берданка... Караван идет дальше. Дичь подберет замыкающий — Николай Кочкин. И если не слышно его сердитого восклицания: «Кусахан!» (плохо) — значит дежурный охотник стрелял как следует: в голову птицы, убил сразу, на месте, так что гусыня не трепыхнулась и не разбила яйца в гнезде.

Прекрасный завтрак — гусиное яйцо в смятку.

И нужно только давать высококачественную продукцию стрельбы. Иначе Николай Кочкин скажет: «Кусахан!» (плохо)... И провинившийся охотник долго едет потом с опущенной головой. А следующий выстрел предоставляется другому фуражиру.

Тундра — зимой и летом — снабжает своих хозяев пищепродуктами.

В мае 1845 года американец Джон Франклин на двух кораблях «Эребус» и «Террор» вышел в экспедицию к северному полюсу. На обоих судах было 129 человек экипажа.

Экспедиция Франклина пропала без вести.

За период с 1848 г. по 1879 г. различными странами, главным образом САСШ и Англией, было отправлено на поиски Франклина больше сорока спасательных экспедиций.

Из числа этих экспедиций далеко не все были в полной мере благополучны, и потери их в личном составе увеличили собой общий список жертв.

Из экспедиции Джона Франклина не спасся ни один человек.

Первое достоверное известие об этом доставил в Европу Джон Рэ, который, обследовав Баффинов полуостров, нашел часть вещей, принадлежавших несчастным франклиновцам, и собрал о них сведения от местных жителей — эскимосов.

Джон Рэ сообщил всему миру, что:

«По смерти Франклина, которая произошла, согласно записи, 11 июня 1847 года, и после третьей зимовки экипажи судов покинули свои корабли; при попытке добрать-

ся до американского континента люди погибали один за другим от голода, тем более, что доставленные фабрикантом Гольднером для экспедиции мясные консервы оказались недоброкачественными и их пришлось выбросить».

«Они покинули свой корабль, раздавленный льдами. Спустя некоторое время их было вдвое меньше, а затем и никого не стало. Последние из них до самой своей смерти питались мясом своих товарищей».

Фактическая сторона участия промышленного капитала в деле освоения неисследованных областей земного шара не требует больше комментариев.

Звериный оскал стопроцентных подлецов, спекулирующих на жизни тех самых людей, которые работают для завоевания капиталистам новых рынков и новых рудных месторождений, слишком явственно виден на лице фабриканта Гольднера.

Тундра предоставляет свои «консервы» без всякого подвоха, щедро и благосклонно.

Надо только уметь их взять... Иначе...

Пароход «Жанетта» с американской экспедицией под начальством Де-Лонга вышел из Сан-Франциско 8 июля 1879 года. Первоначальным заданием Де-Лонга было выяснение судьбы парохода «Вега», на котором швед Норденшельд продвигался вдоль берегов Сибири, пытаясь открыть Северо-восточный проход (путь из Атлантического океана в Тихий океан). Пароход «Вега» был найден «Жанеттой» примерно в районе Колючинской губы. В следующем 1880 г. году Норденшельд благополучно вышел в Берингово море, сделавшись таким образом открывателем Северо-восточного прохода, — первым капитаном, прошедшим целиком Великий Северный морской путь, с запада на восток.

«Жанетта» была снабжена всем необходимым для длительного плавания во льдах. И Де-Лонг, выполнив свою первую задачу — отыскание «Веги», — решил попытаться достичь возможно больших северных широт.

Арктическое плавание «Жанетты» было неудачным. 6 сентября 1879 года пароход был затерт льдами к северо-западу от острова Врангеля. В ледяных тисках «Жанетта»

пробыла 21 месяц и наконец 12 июля 1881 года, находясь под семьдесят седьмым градусом 15 минутами северной широты, в долготе сто пятьдесят девять градусов восточной от Гринвича, приблизительно в тысяче километров от устья реки Лены, судно было раздавлено и затонуло. Участники экспедиции сошли на лед; некоторое время шли пешком, придерживаясь по возможности западного направления, и, достигнув полосы чистой воды, поместились в трех шлюпках.

Первою шлюпкой с 13 матросами командовал Де-Лонг, второю с 7 матросами — Чинн и третьей с 10 матросами — инженер Мельвилль. Сильный шторм вскоре разделил совместно шедший отряд. Шлюпка Чинна, вероятно, опрокинувшись, пропала без вести со всем экипажем.

Шлюпка Мельвилля была пригнана ветром к устью р. Лены, и бывшим в ней американцам удалось высадиться на берегу одной из устьевых протоков. Американцы вскоре добрались до тунгусской деревни, и местные жители, накормив и обогрев потерпевших крушение мореплавателей, снабдили их всем необходимым и доставили на оленях в Якутск. Мельвилль и его спутники благополучно возвратились в Америку.

Шлюпка Де-Лонга тоже была выброшена на берег в районе устья реки Лены. Однако ее экипажу не посчастливилось быстро найти местных жителей. Де-Лонг решил перезимовать, рассчитывая собственными средствами добыть себе в тундре пропитание...

И судьба этой группы экипажа «Жанетты» трагически сходна с бесславной гибелью белогвардейца на крыше продовольственного склада Неустроева.

Осенью 1883 года, на берегу одной из западных протоков устья Лены, у подножья горы, называемой с тех пор Американской горой (в 1932 году на этой горе тов. Г. Ушаковым выстроена полярная метеостанция), были найдены десять трупов; в их числе оказался труп лейтенанта американского флота Де-Лонга.

В кармане тужурки погибшего начальника экспедиции нашли дневник, вот его последние строки:

«Пятница 21 октября. 131 день. Около полуночи мы с доктором нашли мертвым Кайга. Он лежал между нами. Ли

умер в полдень. Пока он лежал в агонии, мы читали молитвы о страждущих.

Суббота 22 октября. 132 день. Мы слишком слабы, чтобы отнести тела Ли и Кайга.

Воскресенье 23 октября. 133 день. Все очень слабы. Сегодня немного спали. Принесли дров для костра. Прочитал отрывок из воскресных молитв. Все страдают ногами. Нет обуви.

Понедельник 24 октября. 134 день. Страшная ночь.

Вторник 25 октября. 135 день.

Среда 26 октября. 136 день.

Четверг 27 октября. 137 день. Иверсен совершенно обесилел.

Пятница 28 октября. 138 день. Рано утром Иверсен умер.

Суббота 29 октября. 139 день. Сегодня ночью умер Дресслер.

Воскресенье 30 октября. 140 день. Бойс и Герц умерли ночью. Коллинс умирает...»

На этом обрываются записи лейтенанта Де-Лонга. Вероятно, он сам не пережил следующего дня (Уильям Гильдер, «Во льдах и снегах», СПб, 1897 г., дневник Дж. Де-Лонга).

О том, какое исключительное значение имеет привлечение местных жителей—нацменов к работе научно-исследовательских экспедиций, дает блестящий пример история еще одной американской полярной экспедиции—Стефенсона—в 1913 году на экспедиционном судне «Карлук».

Судно экспедиции Стефенсона было затерто льдами все в том же, роковом для многих полярных мореплавателей, восточном углу Арктики.

«Вслед за этим северо-восточный ветер возобновил дрейф на северо-запад, и, продвигаясь в этом направлении, судно достигло 15 ноября 72 градусов 30 минут северной широты, наибольшей широты своего пути. Дрейфуя затем на запад, «Карлук» 31 декабря очутился в 60 милях на северо-северо-запад от острова Геральда. Через три дня льды стали подвергать экспедиционное судно сильному давлению, и 10 января 1914 года на 173 градусе 50 минутах западной долготы и несколько севернее 72 градуса северной широты с «Карлуком» произошло то, что бывает в девяти случаях из десяти: судно было раздавлено льдами.

Этот случай не застал капитана Бартлета (командир

э/с «Карлук») врасплох; в предвидении такого исхода он распорядился возвести на льду две снабженные лечами палатки и выгрузить с судна значительное количество припасов и прочего материала. Благодаря этому потерпевшие кораблекрушение не имели причин опасаться голода. Пробыв некоторое время на льду, участники экспедиции направились к острову Врангеля, куда и прибыли 13 февраля. «...Ввиду того, что часть Восточно-Сибирского Полярного моря, расположенная на север от Берингова пролива, посещается судами чрезвычайно редко, заброшенной на остров Врангеля экспедиции, если бы и не суждено было погибнуть от голода, пришлось бы долго ожидать прибытия спасательного судна. При таких условиях 18 февраля капитан Бартлет с одним матросом и несколькими эскимосами из своего экипажа отправился в путь, чтобы перейти на сибирский берег и попытаться оттуда достигнуть Аляски. Это крайне отважное предприятие увенчалось успехом, и через три месяца после оставления своих товарищей бесстрашный моряк прибыл в поселение св. Михаила на восточном берегу Берингова пролива. Бартлет, потеряв нескольких из своих спутников, добрался пешком с острова Врангеля на мыс Северный, оттуда проехал на собаках вдоль берега к мысу Дежнева и дальше — по льду через Берингов пролив — на Аляску США. Тотчас же была организована спасательная экспедиция, и в начале осени оставшиеся в живых десять человек (остальные умерли на острове) из экипажа «Карлука», находившиеся на острове Врангеля, прибыли в Ном» (Ш. Рабо и П. Виттенбург, «Полярные страны 1914—1924 гг.», стр. 10—11, издание РИО Морведа, Ленинград, 1924 г.).

Этот беспримерный переход по арктическим льдам мог быть совершен капитаном Бартлетом, по его собственному признанию, только благодаря присутствию в составе экипажа «Карлука» прирожденных полярников-эскимосов...

Колхозный экспедиционный отряд находится поэтому в совершенно особенных, абсолютно недоступных ни одной буржуазной экспедиции условиях, — прирожденные полярники — нацмены составляют основной кадр отряда...

Олень-наводчик опять остановился. Мотает головой. Треск выстрела пробуждает меня от размышлений...

Еще один «гусиный консерв», поднятый с земли Кочкиным, тяжело шлепается в челнок.

— Капталах-Кель! (озеро Капталах) — говорит Кочкин, показывая вперед и вправо, где серебрится длинный широкий овал — Стоянка Бириляхской артели. Здесь правление охотничьей артели и нассвет. Будем там ночевать и есть гусиное мясо. Очень хорошо!

Вслед за верховыми мои олени переходят на крупную рысь. Чтобы усидеть в нарте, сейчас надо крепко держаться руками за поручни. Нарта подпрыгивает, как мячик по булыжной мостовой.

Впереди мелькнули... две... шесть... восемь белых палаток.

Дневной перегон окончен.

АРТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

В озеро влились ручьи, ставшие на время половодья речками, водопады — рожденные соединением двух луж, мирно дремавших на высоком холме. Озеро замутилось и вспухло.

Настоящего дна в озере не видно. Резко бросаются в глаза мох и трава, самые обыкновенные, такие же, как и те, что растут на берегу, однако сделавшиеся теперь водорослями. И поэтому кажется, что здесь просто вылили несколько тысяч тонн воды в ложину тундры.

Рядом с тордохой воткнуто в землю, острием вверх, длинное копьё: здесь охотничья стоянка. На другом берегу Капталах-Кель расположено зимовье колхоза. Сообщение с зимовьем только по воде, на челноках. Обходный, по берегу, путь разрезан наполненными водой оврагами.

В тордохе, вокруг оживленно потрескивающего огонька, собралось полтора десятка тесно усевшихся мужчин и женщин. Женщины шьют рукавицы и гамашы из оленьей замши, мужчины курят.

Без регламента, без приглашения и в очень строгом порядке люди высказываются. Идет собрание. Объединенное собрание наследного совета и правления охотничьей артели.

Две женщины — обе они имеют решающие голоса на данном собрании — поочередно наполняют чайник и под-

вешивают его над костром. Двое мужчин, члены нассвета, периодически выходят из тордохы, чтобы нарубить мяса от свежей оленьей туши, лежащей на берегу.

Время близится к трем часам утра. Скоро начнут просыпаться птицы и животные. Люди еще не ложились спать. В тордохе пьют одиннадцатый чайник и приступают к пятому котлу мяса.

Очень серьезный вопрос приходится сегодня разбирать.

Екатерина Горохова, тунгуска, 25 лет, требует развода. Она ушла от мужа в артель. Мужу — Иннокентию Горохову — 62 года. Он единоличник. Женат в четвертый раз. Женат накрепко: и у шамана, и в нассвете.

Иннокентий Горохов еще бодрый старик и опытный, удачливый охотник. Однако он не любит выходить из своей тордохы, кроме как в случае действительной, неотложной необходимости.

По старинному, нерушиму до сих пор обычаю, жена обязана собрать, нарубить и принести в тордоху дрова, зажечь костер, сварить обед, вымыть посуду, накормить мужа.

Дело мужа — только охотиться.

Иннокентий Горохов не желает больше и на охоту ходить. Он может и так, ничего не делая, прожить безбедно и сытно. У Горохова приколплено достаточное количество ценных вещей. Несколько охотничьих ружей. Дорогие меховые одежды; одеяла из песцовых шкурок; меха из рыси, фарфоровая и медная посуда.

Горохов не спеша продает вещи и покупает себе мясо, сахар, муку.

Жена (нерушим дедовский обычай!) запрягает оленей в нарту, разбирает тордоху, складывает и выючит на оленей переметные сумы с имуществом, помогает старику переезжать с места на место.

Иннокентий Горохов и жене дает мясо: как полагается — похуже куски и во вторую очередь. Потому что, во-первых, она женщина, во-вторых — жена.

И вот женщина и жена Екатерина Горохова ушла в артель. Плетет сети, шьет одежду, получает свой пай — ровный пай с охотниками — продуктов и мануфактуры. Она не желает больше работать на мужа.

Иннокентий Горохов явился на стоянку артели. Ладно,

не все ли равно, где жить. Большой семьей кочевать даже веселее, чем в одиночку. И в артели тоже ведь мужья живут вместе со своими женами, в своих тордохмах.

Иннокентий Горохов не возражает против артели: пожалуйста — запишите и меня.

Но зачем Горохову работать, если у него есть на что купить себе пищи? И меха у него есть.

Он всегда может выменять себе песцов, даже если только в аренду отдаст хорошие ружья: у Горохова две зауровских бескурковки. Ха! Это вам не переделанные берданки Ижевского завода...

Почему Горохову нельзя вступить в артель?

И почему артель защищает его жену — законную, понимаете, по советскому закону законную, — если эта жена от него, мужа, Иннокентия Горохова, убежала?

Председатель нассвета — чукча Этыргин, единственный чукча во всем Бириляхском наслеге. Он кончил школу в Колымске. Товарищу Этыргину 25 лет, он — хороший охотник, настойчивый, уверенный советский работник.

Этыргин отсекает маленькими кусочками мясо, говорит односложно:

— Нель-зя! Нель-зя! На-да — сам! Мужик — сам. Такой советский закон!

Иннокентий Горохов вторично апеллирует к собранию:

Почему три жены на него работали, а четвертая не должна работать? Разве те — всегда покорные и умершие — были хуже этой четвертой, живой и непокорной?

И разве он, Иннокентий Горохов, не купил этой — Катерине — ситца на платье, не кормил ее мясом?.. Разве он не женился на Катерине по всем законам: старым и новым?.. Иннокентий Горохов не хочет больше работать!

— На-да работай! Не работай — не живи в артели. Живи сам... — отвечает председатель нассвета.

Иннокентий, стоя на коленях, трясет укоризненно головой, разводит руками:

— Может, я больной?

— Больной мож-но... Мож-но! — охотно соглашается Этыргин. — Больной — отвезем в Казачье, в больницу. Лечиться надо. Артель поможет.

— Может, я не больной. Может, я хочу в артель, не хочу работать — охотиться: старый!

— Мож-но! — повторяет чукча. — Так можно: артели нужен сторож. Будет Нокентий сторож?!

— Может, я не хочу сторожем? Хочу жить в своей тордохе, со своей женой. Тогда что делать надо?

— Умирать надо... вот!.. — решает неожиданно Этыргин... и, как будто считая разговор оконченным, начинает спокойно засовывать в рот накрошенное мясо.

Аполлон Неустроев, молчавший до сих пор, обращается к старику:

— Теперь советская власть, сеп-ту, понимаешь, Нокентий? Теперь баба и мужчина — все равно. Понимаешь? Если баба не хочет с тобой жить и на тебя работать — она уходит. Понимаешь?! Баба и мужик — все равно человек... это большое досчи-женние... — с трудом, словно выгрызает по буквочке новое слово юкагир. — Достижения! Сеп-ту? (Понимаешь?) Это значит — очень сильное дело... понимаешь!

— Сильное дело. Понимаю, — говорит Иннокентий, смявшим мешком отваливаясь к стене палатки, — советская власть сильна, знаю, и дела советской власти тоже сильные... Но я от этих сильных дел делаюсь совсем слабым...

— Почему, когда ты сделался такой старый, тебя никто не любит? Артель не любит, жена не любит... потому что ты все равно — кулак, — продолжает Неустроев. — Сейчас нельзя купить себе жену, потому что жена тоже человек! Советская власть не позволяет себе покупать человека!.. Э! Тогор! Почему не собрал раньше своего счастья? Иди теперь сторожить наше счастье: наш амбар — охотничьей артели... Будешь работать, будем считать тебя настоящим человеком... Сеп-ту!?

Целый день тряски в нарте по кочкам. Потом бессонная ночь. Журчание незнакомого, только с трудом понимаемого разговора; мелькание чашек, ножей, кусков мяса... Голова окончательно утомлена. От нелюбимого мужа в царской России женщина могла бежать только в монастырь. Монастырь не выдавал «христовых невест». Прятал их в себе, как в могильном склепе. Навсегда.

Колхозная артель в тундре спасает женщину от роли подневольной служанки — рабыни. Артель тоже прячет женщину в себе — чтобы дать ей возможность через ар-

тель войти в новую свободную жизнь. Так в могиле старых обычаев топор революции прорубил дверь...

Выхожу из тордохи, ложусь в нарту. Как хорошо вытянуться в недвижно стоящей нарте. Зажмуриться. Косые лучи солнца только слегка ласкают закрытые глаза.

МЫ ВИДИМ

— Темир Тас! (Железные Камни!) — говорит Неустроев, показывая на отчетливо видимый с вершины холма горный хребет. — Смотри твои бумаги, наверно этих камней нет... их давно спрятали, я знаю!

Слова юкагира сплетаются с лениво еще ползущими в голове мыслями: как будто здесь не должно быть никаких гор! Какие же горы почти на самом берегу Восточно-Сибирского Полярного моря?!

— Смотри твои бумаги, — настаивает юкагир, привыкший к тому, что на каждой переправе я узнавал имя реки и потом старался отыскать ее на своей карте.

До сегодняшнего дня нами сделано двенадцать переправ через реки и протоки. Ст стоянки Бириляхского колхоза на озере Капталах-Кель мы идем вторые сутки.

Экспедиция уже миновала сто сороковой градус восточной долготы. Мы находимся немного южнее семьдесят первого градуса северной широты. Сверяюсь по карте: вот озеро Тастах, по южному берегу которого выходят на поверхность каменноугольные пласты. Впереди у нас — озеро Ротько... Наш путь — прямая линия через тундру. По карте — только болото.

Но — горный хребет!.. Я вижу невооруженным глазом складки хребта, темные впадины ущелий, снеговые папахи на отдельных вершинах. Этого хребта на моей «бумаге» (карта ЯАССР 1924 г.) действительно нет.

— Сох? — спрашивает Неустроев, и в его голосе слышится удовлетворение.

— Нет!

— Я знаю, кулак Галибаров украл эти камни... Неустроев знает!

Хребет стоит на юге плотной зубчатой стеной. На восточном краю его выделяется большая, столовая гора, спра-

ва с запада хребет заканчивается несколькими отдельными вершинами.

Не видно острых пиков. Снег, ярко блестящий на солнце, облегает плоские, как будто срезанные, вершины. Хребет как будто не имеет, на восточной и западной своих оконечностях, предгорий.

Хребет похож на экран, поставленный в тундре.

Если воспользоваться обыкновенным горным компасом, как азимутальным кругом, то весь хребет вмещается в 65 градусов дуги.

Центр хребта пересекает 141 градус восточной долготы. Расстояние от хребта до берега моря (в районе острова Ярок) около 150 километров.

Смотрю в бинокль: горы издали имеют очень своеобразную форму, — похоже, что в землю врыли ряд еловых шишек, предварительно срезав у них верхушки. Вокруг основного массива каждой горы тесно прижаты более низкие, сплюснутые с боков, как бы дополнительные возвышенности.

На зарисовке одно из этих каменных сплочений получает название — гора Коллектив...

Неустроев трогает оленей, как только видит, что зарисовка сделана.

— Подожди, тогор! Надо еще посмотреть!

— Огонер Богданов (старик Богданов) знает! Сейчас будет его юрта. Он все расскажет!

Мне не совсем понятны слова юкагира. Однако несомненно, у него есть какие-то сведения об этих горах. Караван спускается в ложину. Но какие же все-таки это горы?

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В районе устья реки Яны работала в 1820—1824 гг. экспедиция Ф. Врангеля и Анжу. Именно Анжу получил специальное задание произвести опись устья реки Яны. В конце 1820 года Анжу прибыл в Устьянск и прежде всего попытался достичь Ляховских островов. Это ему удалось. В следующем 1821 году были описаны берега островов Столбового, Котельного, Фадеевского и Новой Сибири. Как и всякого полярного исследователя, Анжу манили к себе

неизвестные земли, по слухам лежавшие где-то в Северном Ледовитом океане. Анжу двигался по льду на собаках до 76 градуса 33 минут северной широты и никакой «земли» не обнаружил.

Летом 1821 года эта экспедиция обследовала берега Восточной Сибири к западу от устья реки Индигирки. В 1822 году Анжу вторично отправился на Ляховские острова и открыл среди них остров Фигурный. В то же время помощник начальника экспедиции штурман Ильин прошел компасною съемкой десять устьевых протоков реки Лены и достиг устья реки Оленек.

Экспедиция Врангеля при Анжу сделала, таким образом, очень большую работу, засняв около трех тысяч километров побережья. Но главное стремление этой экспедиции было в сторону моря, на север, к полюсу.

Сама земля Восточной Сибири мало интересовала исследователей, и шли они главным образом по берегу моря или даже по морскому льду («Путешествие Ф. фон-Врангеля вдоль Северного берега Сибири», «Отечественные записки», 1840 г., т. 2).

В эту же область проникли экспедиции Э. Толя и А. Бунге в 1885—1886 гг. и Воллосовича в 1909—1910 гг.

Однако тяготение к северу сказывалось и на этих экспедициях.

Исследовательские партии, как правило, выйдя из своей базы (в данном случае Устьянска), стремились как можно скорее доехать к берегу моря, чтобы уже оттуда начать работы.

Земли в промежутке между реками Яной и Индигиркой, Яной и Леной, Индигиркой и Колымой по существу оставались и до настоящего времени не исследованными ниже 69 параллели. Впрочем, и для южной части ЯАССР еще нет достаточно точных карт.

В 1928 году на верхнем течении реки Индигирки, в Оймяконе, работала геолого-разведочная партия С. В. Обручева. Оймяконский район вплотную примыкает к сибирским землям, граничит на востоке с Забайкальем.

Казалось бы, уже много искательских отрядов должны были пересечь эту область. Но профессор Обручев (см. книгу «В неведомых горах Якутии», издание «Мол. Гвардия», Ленинград, 1931 г.) в 1928 году открыл здесь один из

величайших хребтов азиатского материка, бывший до того не занесенным на карты хотя бы даже только предположительно. По мнению профессора С. Обручева и его спутника геодезиста Салищева, этот хребет, названный хребтом Черского (геолог И. Д. Черский умер в 1892 году во время обследования долины реки Колымы), тянется на север, в тундру, примерно до семидесятой параллели северной широты.

Обручев наметил две ветви хребта Черского, идущие с юга на север почти параллельно друг другу.

Хребет, обнаруженный колхозным экспедиционным отрядом, возможно, замыкает ветви хребта Черского с севера, образуя вместе с ними некоторое подобие буквы «П».

Возможно однако, что этот хребет представляет собою и совершенно самостоятельное образование земной коры.

Странно, конечно, что научные экспедиции, обследовавшие дальний север Российской империи, больше смотрели в даль, чем себе под ноги. Не удосужились пройти рекотнотсировкой Оймякон, проглядели Темир Тас — «Железный Хребет».

Но захватническая политика царского режима накладывала неизгладимые следы на все проявления научной и экономической жизни страны.

В. И. Ленин в своих работах совершенно точно доказал, что для царской России — Сибирь, Башкирия, Кавказ, Туркестан — все вообще окраины Империи фактически являлись колониями, как бы там ни пытались опровергать эту истину буржуазные ученые.

И в ряду империалистических хищников царская Россия, по масштабу своих колониальных захватов, стояла на втором месте.

К началу войны 1914—1918 гг. колониальные владения Великобритании заключали в себе 22,5 миллиона кв. км; России — 17 миллионов кв. км, Франции 0,9 миллиона кв. км.

Сознавая себя метрополией, под защитой простецкой маски «собирательницы земли русской», романовская империя фактически третировала и держала в черном теле окраинные свои области, именно — на положении колоний.

Отсюда и проистекало то исключительно беззастенчивое выкачивание сырьевых ресурсов из благодетельствованных

монаршею властью окраин и в то же время чудовищное по наглости своей административное пренебрежение культурными потребностями десятков и сотен племен «инородцев».

Исследователи и изыскатели, маститые академики и профессора, сытно подкормленные из государственного кошелька, старательно творили и на севере волю тех, кто их посылал, — волю помещиков и капиталистов, алчной своры земельных захватчиков.

Каждая экспедиция имела своей главной целью увеличение территории Империи за счет плохо лежащих чужих земель.

История знает в этом отношении факты изумительной бесцеремонности.

Так, например, в 1769—1771 гг. якутский губернатор Чичерин отправляет в Ледовитый океан секретную экспедицию под начальством геодезистов Леонтьева, Лысова и Пушкарева.

Этим флибустьерам от науки дается задание: «отыскать неизвестную американскую землю, по слухам, лежащую у азиатских берегов».

Губернатор предполагает, что земля, о которой рассказывают, — чужая. Но отчего бы ее не попробовать захватить, если сами хозяева, может быть, еще не успели на этой земле обжиться.

Ведь если удастся нечистоплотная затея — пожалуйет «обожаемый монарх» губернатору звезду на грудь и вотчину где-нибудь в Тверской губернии. А самому царю тоже прибыль — новая «жемчужина короны»...

Сдним словом, ювелирное дело!.. тонкая работа!..

И отряд геодезистов бродит по льдам Восточно-Сибирского полярного моря целую зиму.

«Американской» земли не нашли. Вместо этого детально обследовали Медвежий острова: экспедиция странствовала все-таки не зря, и за особое усердие губернаторский мундир украшается внеочередным орденом (Щеглов, «Хронология Сибири», Иркутск, 1883 г., стр. 290).

Атаман всероссийской разбойной шайки дворян и капиталистов жалуется смышленного холопа за дельную мысль: ничего, что на первый раз сорвалось; следующий раз вороватый холуй, может быть, окажется более удачливым.

Стукнувшись головой о косяк низкой двери, вхожу в полуразвалившуюся юрту. В помещении, несмотря на то, что узкие квадратные бойницы окон ничем не прикрыты, — мягкий сумрак.

Перед очагом, глядя слезящимися глазами на угли, сидит лысый, сморщенный старик.

Он никак не реагирует на приход в юрту чужих людей.

Неустроев распоряжается словно у себя дома. Принес дров из нашего запаса (во время переездов по тундре топливо приходится возить с собой), развел огонь, устанавливает чайники, которые мы наполнили водой еще на пути к юрте, из озера.

Старик продолжает безмолвствовать. Коричневая, в грубых складках, кожа на его шее напоминает толстый картон.

И мне начинает казаться, что старик — только манекен из этнографического музея... Если до него дотронуться — старик не повернется, упадет таким, каким сидит: полусогнутым, с поджатыми под себя ногами.

Эта мысль так назойлива, что я делаю попытку расшевелить хозяина юрты: предлагаю папиросу. Старик смотрит все так же неподвижно; в глазах, похожих на стертые оловянные пуговицы, не заметно проблеска мысли.

Неустроев закурил папиросу, воткнул ее старику в рот, дунул в лицо табачным дымом.

Манекен ожил. Дрожащими руками берет старик папиросу. Курит частыми глубокими затяжками...

— Закуривай, хозяин! Табак есть! — протягиваю старику несколько папирос сразу. Старик берет в горсть папиросы и ломает их, сжав пальцы неожиданно быстрым движением. Потом достает трубку, набивает табаком и начинает курить уже по-настоящему.

Наконец из облака дыма слышен тонкий, пронзительный, как вскрик чайки, голос:

— Здорово! Испидисси! Здорово, Полен! Куда ты везешь этого испидисси?!

У нас выработан четкий распорядок обиходной службы

на стоянках. К тому времени, когда Аполлон Неустроев успевает передать старику предварительные сведения о нашем отряде, готов чай и вскипает похлебка из дичи.

— Старик Георгий Богданов... Георгий Васильевич Богданов, — представляет мне хозяина юрты Неустроев, — очень старый старик. Может быть, сто лет, может быть, и больше живет. Раньше он сам был сильнее, чем шаман, был терде — знаешь? — вот который нож делает и копье делает, и ружье делает... он все знает о камнях. Очень надо тебе старика подробно спрашивать...

Богданов, кивавший головой с безразличной улыбкой китайской фарфоровой игрушки, при слове «камни» достает изо рта трубку и как будто съезживается.

Что-то говорит он Неустроеву на юкагирском наречии. Неустроев горячо убеждает старика, повторяет:

— Совет... Москва... Учугай...

Богданов долго и внимательно рассматривает меня, наконец снимает через голову меховую куртку, достает с груди мягкую квадратную пластинку и передает мне через стол этот предмет, держа его бережно, как талисман. Старик говорит длинную фразу по-юкагирски.

Неустроев переводит:

— Он спрашивает, знаешь ли это? Знаешь ли, как делают? Скажи пожалуйста!

В голосе Аполлона Неустроева слышатся убеждающие, просительные ноты.

Кусок плетенки странной работы... как цыновка... и... очень знакомая работа. Всматриваюсь: это миниатюра корабельного мата — дорожки из смоленых веревок, которые плетут матросы для разных судовых надобностей... Как образчик корабельных изделий на осоавиахимовской таблице для военно-морского кабинета? Очень аккуратно сделано. Из толстых сученых ниток. Видимо, много лет тому назад сплетен этот матик — волокна стерлись, потеряли свой первоначальный цвет. В центре плетенки из конского волоса изображен якорь. По бокам якоря две латинские буквы G. V.

— Знаешь, как это делается? — спрашивает Богданов, тревожно на меня глядя.

— Покажи ему, тогор, обязательно покажи... знаешь, как делается! — настаивает юкагир.

— Что за ерунда!.. Но... — Вынимаю из чемодана нитки. («Вот забавная история! А вдруг забыл! Нет, забыть не мог: на крейсере «Олег», еще в первый год флотской службы, накрепко вбили мне эти матросские профессиональные навыки!») Делаю основу, начинаю плести... — Вам голландскую оплетку или простой мат? Может быть, крапец сделать прикажете?!

Долго и внимательно рассматривает мою работу Богданов. Видимо, удовлетворенный (спасибо боцману Смеюхе!) говорит: «Тохто!» — и, показывая пальцем на буквы своей памятки, добавляет:

— Георг Богданов! Я...

— Знаю, это твои буквы...

Старик протягивает мне руку. Крепкое рукопожатие, отрывистое, как хватка острогубцев, и очень ясно сказанное:

— Гууд... моонинг! (Доброе утро!)

(Вспоминаю Ара-ру... Может быть, и Богданов тоже «иностранец».)

Вмешивается Неустроев, нетерпеливо следивший за церемонией нашего взаимного опознавания.

— Вот, Богданов тебе расскажет. В его юрте долго жил капитан. Он приходил с моря. Только не русский. И давно приходил, когда еще не было советской власти. Очень хороший человек. Очень умный человек был и ходил с Богдановым на горы и находил там настоящие хорошие камни. Вот, — юкагир берет нож и втыкает его острием в дерево стола, — такие камни...

— Тохто! (Подожди!) — останавливает юкагира Богданов, — надо много рассказывать... Он — советский испидисси? Из Москвы? Тогда ему надо много рассказывать...

Оконные квадраты юрты залиты золотистым густым солнечным светом...

Вот, легко трепеща крыльями, в юрту залетела бабочка-капустница... Первую бабочку вижу я в этом году. Вид бабочки сразу переносит в детство.

Бабочка — или рассказ старика Богданова, из разорванных фраз — будто медленно переворачиваются страницы истлевшей книги древних сказок...

В море разбился большой корабль. И весь его экипаж утонул. Спасся только один — капитан ли, матрос ли — кимбиллер? (кто знает?) Его звали Жон... вероятно, Джон.

Матроса Джона подобрал отец старика Богданова на морском берегу среди обломков плавника, тоже выброшенных бурей. Моряка привезли в юрту. Обогрели и вылечили. Моряк был упрям и равнодушен сначала, как неживой человек. И не хотел ехать дальше на юг, где живет много людей. Моряк остался жить у Богданова-отца. Сделался прекрасным, сильным охотником. За пятьдесят шкурок песцов купил в соседнем наслеге жену-чуванку. Потом моряк часто ездил в далекие охотничьи рейды. В погоне за горными баранами он как-то раз забрался на Темир Тас. Потом моряк Джон часто начал ходить на горы. И однажды — вернулся возбужденным и радостным. Привез какие-то камни. Рассказывал юкагирам, что эти камни дорого стоят. Говорил о какой-то большой печке, которую он сделал в горах и которая сама теперь работает. Георгий Васильевич Богданов помнит эти камни — они были очень тяжелые и совсем холодные. Тымны тас (холодные камни). На следующий год Джон опять ездил в горы и опять привез камни — другие, блестящие, похожи на куски застывшего теста. Совсем черные камни.

И с помощью Богданова-отца Джон сделал около юрты... кузницу. Георгий Богданов подходит к очагу и показывает, как раздували угли мехами. Потом делает вид, что бьет молотом по наковальне.

— Ухх! Ухх! — выкатывая глаза, хрипит Богданов.

Раньше тунгусы с большим трудом и за очень большие деньги получали железные ножи с юга. Из России. Моряк Джон научил тунгусов и юкагиров делать свои ножи. Они были, правда, мягкие, но свои. Какой хочешь величины. Сколько хочешь. И совсем даром. Георгий Богданов и в горы ездил с моряком Джоном. Возил в горы лес — плавник, который Джон собирал на морском берегу. И Богданов видел большую яму. В ней горели все время дрова. И в эту яму Джон бросал камни. Через год приходил опять: доставал другие камни, железные. Большая радость была у юкагиров. Потом однажды моряк Джон ушел в горы и не

вернулся обратно... Должно быть, там живет, — говорит Богданов. Это было примерно лет пятьдесят тому назад. Богданов не верит, что моряк Джон мог умереть.

УКРАДЕННЫЙ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ

Тунгусы еще раз потом раскопали яму и нашли в ней среди угля и пепла много железа. Работали ножи, копья. Как-то дознались русские об этом, в Устьянске. И тогда приехал сам Галибаров — большой купец, тойон, миллионер. С ним вместе урядник и поп. Поп страшал юкагиров и тунгусов, что если они будут камни жечь, — после смерти много-много лет придется им гореть в огне, сидеть на огне и лизать горячую сковороду. Поп сам показал, как они будут лизать эти сковороды.

И еще пригрозил, что таких зловредных тунгусов и юкагиров он не будет хоронить, не будет крестить их детей. Урядник тоже «убеждал» тунгусов: выпорол отца Богданова плетью, а Георгия Богданова — сына отчески посек ивовыми прутьями.

Урядник конфисковал у Богдановых все добытые ими за прошлую зиму меха: штраф за незаконную, без патента, разработку железной руды.

Галибаров желал, чтобы ему никто не мешал торговать на дальнем севере железными изделиями. И желание миллионера было в точности исполнено.

Хребет оказался как бы украденным с географических карт и из района видимости проходивших здесь экспедиций.

Может быть, по распоряжению миллионера, местные жители нарочно возили исследовательские партии как можно ближе к морскому побережью. Впрочем, и сами-то исследователи царского времени не слишком интересовались непосредственно Якутией. Все искали «американскую землю на холодном море»...

.....
Георгий Богданов и сейчас иногда потихоньку доходит до Железных Камней. Может быть, и встретится моряк Джон?.. Моряк любил приносить с гор цветы. Только там

и растут вот такие... Старик достает из-под изголовья своей постели несколько смятых темносиних ромашек.

Темносиними ромашками усеян весь северный склон хребта Темир Тас. Редкие цветы: они растут только на почве, богатой железом!

— Вот, — торжественно произносит Аполлон Неустроев, — я правду сказал: старик Богданов все знает. Давно все знает про железные камни. Тунгусам нужен хороший нож, и юкагирам нужен хороший нож, и якутам нужен хороший нож. Всем охотникам в тундре надо иметь хороший нож. Вот как у тебя, тогор! — юкагир сильным ударом откальывает щепку от верхней доски стола.

— Учугай, очень хороший нож. Надо брать камни из Темир Тас и делать такой нож...

— Это не просто железо, товарищ. Это сталь. Много нужно еще жечь в огне железо, чтобы получить хорошую сталь.

— Тохто! — восклицает юкагир. — Ты сказал: сталь... сталь! СТАЛИН! Ты в Москве видел СТАЛИНА!? Революция совсем как большой огонь... Ах, какой большой огонь! Самый большой человек в мире Сталин! Самый сильный!.. Тогор испидисси, можно нам подарить Темир Тас самому большому товарищу — Сталину! Тогда никто железные камни не украдет больше у тунгусов. Тогда юкагиры и тунгусы, и якуты, и чукчи будут всегда богатыми и всегда сильными, как настоящие большевики, когда за них будет ТОВАРИЩ СТАЛИН...

Глава четвертая

РАПОРТ КОЛХОЗНОГО ОТРЯДА

На протяжении 800 километров пути — от с. Аллаихи (при слиянии рр. Индигирки и Аллаихи) до с. Казачьего на р. Яне — колхозным экспедиционным отрядом обследовано промерами 31 озеро, из которых только два ранее были положены на карту.

Для характеристики возможности «проглядеть» эти водоемы привожу выдержки из описания озера Окиян-Кель.

«1 июля около 18 час. пришел на видимость очень большой водной площади. Координаты середины этого озера примерно: широта 71 градусов северная, долгота 145 градусов восточная от Гринвича. Проводники называют озеро «Окиян-Кель».

Северный берег озера низменный, заболоченный, поросший травой. Примерно около километра надо идти по колено в воде и тащить за собою челнок, пока, наконец, оказывается возможность челнок спустить. Южного берега не видно простым глазом. В бинокль в юго-западном направлении видны небольшие возвышенности. Глубины в озере очень медленно увеличиваются в направлении от севера на юг. Глубины не более одного метра занимают площадь около 100 квадратных километров в северо-восточном углу озера... Вся северо-восточная половина озера не имеет глубин более трех метров. Грунт повсеместно травянистый, причем по мере удаления от берега трава становится (под водой) ниже и гуще. В десяти — двенадцати километрах от

южного берега лежит островок площадью 500 кв. метров. Бугристый, кочковатый, покрытый травой и вереском. Ягеля на острове нет. Глубины под южным берегом, в двух километрах от берега, по линии ост-вест от четырех до семи метров. Семь метров — наибольшая глубина для всей юго-восточной четверти озера. После четырех метров грунт — твердый ил, очень неровный. Лот неоднократно попадает в ямы... В крайнем юго-западном углу озера между двумя холмами высотой 40—50 метров, густо одетыми вереском, намечается травяная река (первичная форма реки), вытекающая из озера в юго-западном направлении. В реке заметно довольно интенсивное течение: несмотря на обилие травы, челнок втягивается в речку без помощи весел. Общая протяженность озера с запада на восток 90 километров, с юга на север—60 километров. Озеро Окиян хорошо известно местным жителям... По берегам озера не обнаружено остатков человеческого жилья, нет даже временных рыбалок. Озеро территориально расположено в Бириляхском колхозе, однако прилегающий к нему район крайне редко посещается местными жителями, потому что на берегах озера очень мало оленьих кормов» («Озера якутской тундры», С. Абрамович-Блэк, Центральное бюро водного кадастра. Ленинград, июнь 1933 г.).

Другие из обследованных колхозным отрядом водоемов меньшего размера, однако, тоже довольно значительны, например:

Озеро Шугурдах — длина 4 км., ширина 2 км.

Озеро Чандала — длина 7 км., ширина 2½ км.

Озеро Фунты — длина 2 км., ширина 1 км.

Озеро Станнах — длина 2 км., ширина 1½ км.

Озеро Тархасыт — длина 4 км., ширина 2 км и др.

Все озера рыбные. О количестве рыбы можно приблизительно судить по таким данным: в озере Фунты коротким неводом было выловлено за один раз 5 пудов рыбы. В озере Эрунгастах неводили тем же коротким неводом два раза подряд, вечером. Достали 16 пудов рыбы.

В озерах водятся максун, чир, в очень большом количестве карась. Местные жители карасей в пищу не употребляют и выбрасывают их из невода обратно в озеро.

В некоторых местах озера и вытекающие из них мелкие реки образуют как бы замкнутые водные системы —

кольца, — представляющие большой интерес в смысле возможности их использования для энергетических гидросооружений.

Колхозным отрядом было обследовано Хромское водное кольцо.

«Наиболее значительные озера в бассейне среднего течения реки Хромы (в полярной зоне) расположены в направлении на вост-зюйд-вест (западно-юго-запад) от места впадения в реку Хрому реки Сиены.

Это направление, покрыв около 60 километров, вновь приводит к реке Хроме, успевшей за тот же период описать дугу, вогнутостью своей обращенную к западу.

Здесь в 12 километрах к западу от озера Сигоптах, на левом берегу реки Хромы, расположен центр Хромского района (административного) и одновременно—центр Хромского колхоза. Поселок называется село Большая Хрома и состоит из двух юрт и двух амбаров. Местные жители — тунгусы зиму и лето живут в тордохах (палатках). Юрты предназначаются для школы и фактории (кооператив).

Река Хрома имеет в этом месте ширину от 200 до 300 метров и течет в глубоко прорезанных берегах с обрывами высотой в 50—70 метров. Оба берега, по преимуществу, из красной глины. Заросли густым кустарником — ивы, ольхи, вереска. Глубина реки Хромы доходит до 12 метров, скорость течения 3—3½ километра в час. Дно вязкое: красноватая глина. Выше и ниже, по течению реки, села Б. Хрома в реку Хрому впадают ее мелкие притоки — Тугурдах, Икки-Булгуннях, Истиннях, берущие начало из недалеке расположенных озер.

Притоки эти своими руслами захватывают в своеобразное водное кольцо весь прилегающий район, площадью около 3 500 кв. км.

Река Тугурдах, беря начало из озера Тугурдах-Кель, лежащего на правом берегу Хромы, в 20—25 километрах к западу от села Б. Хрома, течет сначала на север, потом круто поворачивает на восток и впадает в р. Хрому в 30 километрах выше села Б. Хрома.

Река Икки-Булгуннях вытекает из озера Лумпа-Кель, течет на юг, затем на юго-восток и впадает в реку Хрому в 25 километрах ниже села Б. Хрома.

Река Истинных вытекает из озера Истинных-Кель (двойного) и, повторяя направление течения реки Икки-Булгунных, впадает в реку Хрому на 45 километре ниже села Б. Хрома.

Все перечисленные озера расположены почти на одной прямой линии ост-вест (с востока на запад), и поэтому реки, из них вытекающие, как бы перекрывают друг друга. Характерно, что эти три реки (притоки реки Хромы) — «травяные», то есть не успевшие еще прорыть себе достаточно глубокого русла.

Они не имеют вполне определенных берегов, а текут по травяным склонам (шириною до полукилометра каждый), причем только на самой середине такого неоформленного русла глубина реки достигает 5—8 метров.

Переправы через рр. Тугурдах, Икки-Булгунных, Истинных очень затруднительны: приходится большие расстояния идти по колено в воде, перетаскивая за собой челнок с грузом. Эти реки чрезвычайно любопытны, как наглядное свидетельство о методах зарождения русла реки на земной поверхности.

В этих реках водится обыкновенная озерная рыба, и течение на середине их достигает 2—3 км. в час (Отчет — «Озера Якутской тундры»).

Некоторые озера соединены в целые архипелаги. Например, «...озерный архипелаг Чурпунья — в районе горы Чурпунья. Высота горы 800 метров. Она расположена примерно в 120 км. на запад от реки Хромы. Координаты середины архипелага (приближенные): долгота 140 градусов 30 минут восточная от Гринвича, широта 71 градус 10 минут северная.

Архипелаг включает в себе шесть озер, соединенных между собой проливами. Озерные перешейки невысоки, заросли кустами полярной ивы. Общее направление расположения озер — с юга на север. От севера архипелаг прикрыт горою Чурпунья и прилегающей к ней возвышенностью высотой до 300 метров. Грунт в озерах архипелага торфяной, вязкий. С юга к архипелагу подходят земляные холмы, покрытые кочкой, высотой до 75 метров. В озерах водится чир (головель), максун, карась. Длина всего архипелага по направлению с юга на север 35 километров. Ширина с вос-

тока на запад около 20 километров (Отчет — «Водные ресурсы Якутской тундры», С. Абрамович-Блэк, Гидрологический институт, август 1933 г., г. Ленинград).

Колоссальные живорыбные садки с миллионами тонн рыбы.

Водные системы, которые при сравнительно несложных гидротехнических сооружениях могут дать огромное количество «белого угля».

Все это утеряно по небрежности научными экспедициями царского правительства и дореволюционной администрацией края.

И все это найдено колхозниками-нацменами Яна-Индигирского междуречья...

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЧЕРТОПОЛОХИ

На Яно-Индигирском междуречьи некогда работали научные исследователи — бароны Врангель, Миддендорф, Майдель.

В отчете этого последнего находим трогательное признание:

«К счастью мне удалось найти в Верхоянске лицо, которое с большой готовностью вызвалось производить не только термометрические, но и барометрические наблюдения. Это был государственный преступник, замешанный в каракозовском покушении и сосланный сюда на поселение. Труды Худякова (И. А.) имеют необыкновенно важное значение, так как только на основании их академик Вильд мог вычислить температуру Верхоянска» (барон Г. Майдель, «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг.», стр. 43—44).

В 1905 году область реки Алазеи была настолько неизвестна, что даже исправник Кочаровский, прослуживший в этих местах 27 лет, ее ни разу не посетил. (П. В. Николаев, «Якутский край», стр. 49).

В 1911—1912 году императорской Академией Наук была отправлена на Шантарские острова научно-исследовательская экспедиция.

Заданием экспедиции было всестороннее обследование Шантарских островов и Удского края. Экспедицию возглавлял вице-инспектор корпуса лесничих О. В. Маркграф.

Экспедиция была доставлена пароходом из Владивостока в Аян (на побережье Охотского моря) летом 1911 года. Однако двигаться немедленно к месту своих работ Маркграф не заблагорассудил, и экспедиция осталась зимовать в Аяне.

Зимовали весело: к началу 1912 года оказались полностью израсходованными все отпущенные кредиты. Начальник экспедиции, ничтоже сумняшеся, затребовал себе еще 100 000 рублей на дальнейшее развертывание «работ».

Ему отказали.

Тогда О. В. Маркграф отправился на Шантары и, выбрав один из совершенно необитаемых островов, начал строить на нем... часовню («Сибирь», 1912 год, № 78. «Якутская окраина», 1912 г., № 85).

П. В. Николаев («Якутский край», стр. 164) дает об этой экспедиции такую справку: «На Шантарах, как известно, обитателей нет. И эта странность Маркграфа с постройкой часовни вызывает лишь удивление. Насколько известно, на экспедицию г. Маркграфа уже обращено внимание, и по слухам результатом ее явится отставка неутомимого исследователя, одного из авторов многих несбыточных проектов, которыми хотят облагодетельствовать Якутский край».

Так работали, служили и «опекали инородцев» царские чиновники, ученые и администраторы, в разнообразных мундирах всяческих министерств, но всегда и все одинаково классово враждебные национальным меньшинствам бывшей Российской империи. Бесповоротную отставку исследователям типа Маркграфа дала только советская власть. Национальное самосознание жителей ЯАССР, вызванное к действенной жизни Октябрьской революцией и направляемое национальной политикой Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков, заставляет сейчас лучших граждан — колхозников дальнего севера бороться за социалистическое освоение национальных территорий, за создание прочных экономических баз в арктической тундре.

Солнце и комары сморили нас окончательно. Нет больше никаких сил вести промер озера. Комарье пробирается сквозь тройную завесу густой кисеи. Жалит руки на швах кожаных перчаток. Даже меховые шапки сверх туго повязанных платков не спасают затылок от укусов кровожадных насекомых. Тяжело в плотной одежде с обмотанной головой грести в челноке. Работы прерваны. На берегу разведен нарочито дымный костер из гнилушек и травы. Если окунуть голову в этот дым — с очевидным риском задохнуться, — на десяток секунд обрывается пение комариного хора, меньше саднят укусы. По очереди с Неустроевым берем эту дымовую ванну.

Юкагир под шлемообразным сооружением из кисеи напоминает не то арабского шейха, не то свирепо кокетничающую, завуалированную девицу...

— Тогор, скажи — русские долго учились?

— Какие русские? Чему учились? Как надо землю мерить или что?

— Нет, другое... — Юкагир тщетно пытается дополнить свою мысль жестом: похоже, что он вертит пальцами какую-то деревяжку. — Вот понимаешь, когда Аполлошка был маленький баранчи — маленький сынишка... К попу из Якутска приезжали русские — разные чиновники... Они много учились, сколько лет учились?

Неустроеву больше тридцати лет. Жаль будет, если мой неосторожный ответ сделает ему боль, подчеркнув кажущуюся невозможность для него учебы.

— А! Вот о чем ты... Обыкновенно учатся несколько лет, сначала в школе, потом в техникуме... теперь, знаешь, учиться может и взрослый, вот как ты, например. Есть особый Институт Народов Севера. Тоже для взрослых. Советская власть расчистила для трудящихся дорогу к знанию. Только учись...

Неустроев отбрасывает с лица накомарник и ныряет в дымовую завесу. Потом внимательно смотрит на меня:

— Вот, чиновники были ученые... и отцы их были ученые... и дедушки их были ученые... верно? Теперь наши старики говорят — ладно: большевики помогают нам, юка-

гирам, учиться; однако все равно и наши дети еще дураки будут и дети наших детей тоже дураки!? — мучительно выкрикивает юкагир.

— Теперь новые школы, товарищ Неустроев, большевиками сделаны. Эту ерунду о передаче духовной культуры по наследству кулаки выдумали. Для своей пользы.

— Ты это верно знаешь?

— Совершенно точно. Итти надо в школу тебе. Зря не сделал этого сразу после окончания гражданской войны, как ушел из партизанского отряда. Сейчас уже, может быть, инженером был бы.

— Это знаю, — возражает юкагир. — Один инженер — землемер Георгиев — якут у нас есть. Так его отец еще раньше у купцов служил. Учился. Старики знают, что говорят. Старики все знают...

— Старики не знают только революции! Революция все может.

СЕДНА

— Слушай, тогор испидисси... старики говорят: есть великий дух — Ворон. Его другое имя — Кутх. Очень сильное имя. Ворон — знаешь — большая, умная, очень умная птица.

И старики говорят: Великий Ворон родился от девушки, которая не имела мужа. Совсем никогда не имела мужа. Так — выпила из реки воды, а по реке плыл кусочек хетете... тыит по-якутски... знаешь такое зеленое дерево, по-русски называется — лиственница. И девушка проглотила кусочек. От него в животе девушки сделался ребенок — Ворон. И этот Ворон потом украл у духов огонь и принес его людям.

Когда я жил в Булуне, туда прилетела темир-кетер (самолет). И я видел, как наливали воду в большой живот птицы. Потом она улетела с большим громом. А вода эта, если бросить в нее спичку, сразу горит. Вот такая вода — совсем как огонь. И все, что старики рассказывают о революции, они давно рассказывают. И ты правильно, тогор испидисси, говоришь, что они не знают, о чем рассказывают. Только большевики о революции правильно рассказывали всем... верно?!

Неустроев не ждет моего ответа. Из путаницы север-

ной мифологии у него уже готова какая-то своя, многократно продуманная система. И юкагир говорит дальше:

— Другие старики, другого народа—чукчи рассказывают: есть самый большой дух—Седна... Они говорят: Седна—все равно, как женщина. И живет на самом дне моря. В большой уресе живет, и вокруг нее собраны все звери. Когда Седна на какое-нибудь племя сердится, она держит зверей в своей уресе, и зверей нет в тундре и на море, и у людей совсем плохая охота.

Чукчи говорят: если Седна очень сердится—люди будут умирать от голода. Не будет совсем охоты.

А я видел, на устьи реки Колымы советский олений СОВ-ХСЗ. Много-много оленей большевики держат... и охоты не надо: разводи оленей, как большевики, и кушай мясо. А в прошлом году в Бириляхском наслеге охотники поймали двух хороших песцов. Знаешь—голубых песцов. Таких совсем-совсем мало бывает. И тогда из города Якутска написали: привезти этих песцов живыми в Якутск и никак этих песцов не убивать. А зачем—знаешь?! У большевиков все звери скоро будут собраны в одно место, будут сделаны большие звериные урасы, целый звериный наслег. И тогда совсем не надо будет охоты. Вот—пришел и взял сколько тебе меха надо на одежду...

Юкагир смотрит на меня торжествующим взглядом, как ученик, блестяще решивший трудную задачу.

Пробую вернуть разговор к старой теме:

— Все это верно, товарищ Неустроев. А все-таки в школу итти надо. Больше знать будешь,—лучше работать будешь, лучше жить начнешь.

— Школа!? — Неустроев качает головой, заявляет решительно:—В школу надо итти мальчикам, детям. Они успеют выучиться, потом будут хорошо жить. А мне надо другим мальчикам помогать, чтобы им было легко учиться. И это для меня—тоже хорошо, другой мне жизни не надо.

Видишь, кругом пустая тундра, ничего нет... все лежит под землей. Аполлону Неустроеву работать надо. Скорей, много работать.... Вот, слушай, зимой падает снег и на реках от мороза делается лед и все кругом замерзает. Потом наступает лето и приходит солнце и вместо льда делается вода. Верно. Так всегда. А если ты не хочешь ждать, когда придет солнце? Тогда ты берешь кусок льда

или снег и кладешь его в котелок или чайник и ставишь на огонь... верно? и скоро получаешь воду... Революция — это огонь. Большой огонь. Понимаешь? Революция должна растопить всю тундру... и Аполлошке Неустроеву значит много работать надо. Надо свою землю открывать для большевиков.

ГИБЕЛЬ ПУ-ТУНДЫ

Тридцать суток шел по тундре колхозный экспедиционный отряд. Аллаиховский, Бириляхский, Сыллахский колхозы поочередно давали своих представителей в состав отряда.

Менялись люди, менялись наречия, — но все они — якутский, тунгусский, юкагирский и ламутский языки — одинаково деловито звучали у вечерних костров экспедиции.

И оставалась неизменной — воля к преодолению сопротивления природы, воля к социалистическому освоению тундры.

Колхозники Николай Кочкин, Семен Рожин, Иван Барбанский, Николай Щербацкий, Илья Ухарский, Василий Лебедев прокладывали новые, социалистические тропы по берегам неизвестных картам рек и озер.

Колхозы и охотничьи артели и будущие рыбсовхозы получили мощную экономическую базу — десятки озер, полных рыбой, залежи железной руды и топлива в горах бывшего до того «спрятанным» хребта Темир Тас.

Выявление естественных ископаемых запасов на территории крайнего севера — боевая задача полярных колхозников — нацмен. Сухопутная часть маршрута нашего отряда имеет своей крайней западной точкой озеро Ротько. И больше не терпит время: необходимо отказаться от дальнейшей рекогносцировки тундры, надо спешить на Яну. Уже июль...

Аполлон Неустроев все-таки настаивает на том, чтобы обследовать еще несколько озер. Объяснения юкагира несколько туманны. Он рассказывает о какой-то провалившейся крыше. О «погребке», который нашел якут Томский, живущий на берегу реки Саванна.

Вечер проходит в постоянных взаимных переспрашиваниях, безнадежном лазаньи по истрепанной карте в поисках мало-мальски подходящего слова к тем именам, которые называют проводники-колхозники.

Живой анекдот, а не карта...

Господа поручики и штабс-капитаны — топографы царской армии, составляя карту Манчжурии для нужд захватнической политики российских монархов, не задумывались о том, как назвать ту или другую местность.

Общий смысл всей научной работы в чужой области, которая все равно будет захвачена под власть белого царя, не требовал особой точности в этих названиях.

Важно было хотя бы в общих чертах наметить границы какой-нибудь Хейлунцзянской или Гиринской провинции, кое-какие дороги, какие-нибудь деревни. Потом... наши придут и разберут.

И когда господин офицер заканчивал кроки деревни, солдат-денщик тащил за шиворот на допрос первого подвернувшегося «ходяю».

— Как твоя деревня называется?

Испуганный китаец улыбался, кланялся униженно...

— Как называется? Ну! — рычал офицер, и мясистый кулак перед носом китайца подчеркивал необходимость ответа.

— Пу-Тунда! — отвечал китаец и снова кланялся. — Пу-Тунда! (Не понимаю).

Деревня получала название «Пу-Тунда», обогащая трехверстку генерального штаба очередными каниферштанами.

Потом за этот топографический метод пришлось расплачиваться своей кровью русской армии на полях Вафангоу, Ляояна и Мукдена во время Японской войны 1904—1905 года.

Русские военные карты пестрили названиями «Пу-Тунда первая», «Пу-Тунда вторая», «Пу-Тунда тридцать шестая».

В советской Арктике идет сейчас жестокая война с природой, со льдами, туманами, тысячекилометровым разбросом селений друг от друга, война большевиков за социалистическое освоение Арктики. И карта... новая, советская карта ЯАССР (1924 год) повторяет исторический анекдот о «Пу-Тунде».

Десятки озер называются в Якутии «Арылах». По-якутски «ары» значит — масло и жир, и довольство, и, даже счастье.

Всякое озеро, богатое рыбой, якуты и тунгусы называют (и называют) Арылах... сытное озеро.

И они правы были в условиях действительности старого режима. Советская власть, опрокинув голодные установки царизма, внесла одновременно и в язык революционизирующее начало.

Сейчас эти озера уже не могут скрываться под словесной обезличкой. Советскому пилоту надо знать, на каком именно Арылахе ждет его посадочная площадка и бензин, где находится ближайшая фактория, база, медпункт.

Каждая быстро текущая река называется Сюрюктах (сюрюк по-якутски значит — быстрый), и десятки Сюрюктахов вытекают из десятков Арылахов.

Река Саванна — одна из значительных устьевых протоков реки Яны. Местные жители утверждают, что на большей части своего протяжения Саванна доступна парходам, что вход в Саванна из залива, с моря, вполне возможен для грузовых судов.

Но Саванна почему-то называется на карте «Саманалайская протока». Кому понадобилось заставлять чужой язык «лаять»?

Транскрипция местных названий на многих наших картах вообще не выдерживает никакой критики...

Трудно, очень трудно проходит этот вечер в тщетных попытках согласовать действительность и карту, привести их к общему знаменателю.

Аполлон Неустроев все-таки прав.

Единственный способ разобраться в этой путанице — обследовать самым оставшийся участок пути на челноках. Пройти в Яну по реке Саванна. Хорошо: колхозный отряд из сухопутного переформируется в речной. Для нас это очень просто. Олени пойдут обратно на свои пастбища. Пловучие средства экспедиции — байдарки — у нас в руках, буквально: вот сейчас донесем к реке и спустим на воду. Очень просто. В речном отряде остаются Неустроев (он хочет идти до Устьянска) и Щербацкий.

Кстати, наши продовольственные запасы тоже перешли уже большею частью на водопуть.

Вон, под тем берегом, один за другим, плывут два утиных выводка... Птицефермы и живорыбные садки к услугам экспедиционного отряда.

Мы идем в район Тумматского колхоза. Надо разыскать товарища Ивана Ивановича Томского. Он должен быть где-то на берегу Саванна.

Неустроев усаживается поудобнее в своем ты (челноке) и начинает сильно прести.

Ну, это извините... это не езда верхом на олене, с которого я кувыркался через каждые десять шагов.

Здесь можно и потягаться с дорогим товарищем Неустроевым!.. А хорошо идут байдарки... Навались! Дай ход!

ОЗЕРНАЯ ЛЕСТНИЦА

(МАГИСТРАЛЬ ИВАНА ТОМСКОГО)

¹«...Начало озерного лестничного пути, по счислению, в точке, координаты которой: долгота 136 градусов 15 минут восточная от Гринвича; широта 70 градусов 50 минут северная. Протока Томская от Саманалайской протоки (Саванна-Урех) идет 150—200 метров по твердому, илистому руслу. Глубина 3—4 метра. Непосредственно за хутором Томского протока делает небольшой поворот, после чего течет прямо на запад. Глубины постепенно уменьшаются и в начале второго километра к западу от юрты доходят до двух метров. Русло становится глинистым, скользким. Наконец, примерно в полутора километрах от своего устья протока делается похожей на травяную реку, общей шириной около 100 метров и шириной по фарватеру 10 метров.

Протока с травянистым руслом идет примерно около одного километра на запад. Река настолько мелка, что в байдарках плыть нельзя, несмотря на исключительно малую их осадку — 30 сантиметров в полном пружу.

Приходится брести по колено в воде, буксируя за собой челноки. Наконец, река переходит в озеро, имеющее форму совершенно правильного прямоугольника. Вернее — ши-

¹ „Водные ресурсы Якутской тундры“.

рокого водного проспекта. Ширина озера — 500 метров. Длина 6 километров. Направление «проспекта» с востока на запад. Берега озера густо заросли шиповником, который сейчас (23 июля) цветет. Озеро получает название Розовое. Глубина посредине Розового озера — 6 метров. Вода чистая. Грунт — твердый ил. Озеро кончается травянистой перемычкой, по которой быстро течет вода в следующее озеро. Скорость течения настолько велика, что вода журчит под носом челнока. Длина этого «первого пролива» — $1\frac{1}{2}$ километра. Глубины быстро понижаются. Снова челноки нужно тащить. Общая ширина перемычки 300 метров. По берегам растут отдельными группами лиственные деревья.

Озеро Второе — вытянутый с запада на восток неправильный овал. Берега, без особо приметных возвышенностей, покрыты лиственницей, кустами полярной ивы и шиповника. Длина озера 3 километра. Ширина около 1 километра. Промер по длине озера (и одновременно по направлению движения отряда) дает наибольшую глубину — 5 метров. Грунт болотистый, мягкий. Проба грунта — черная торфяная земля. Вода сравнительно чистая, вполне пригодная для питья и даже приятная на вкус. В озере есть рыба. По словам проводников, рыба в эти озера «приходит» по траве из вышерасположенных водоемов. Снова травяной перешеек — «пролив Второй» — длиной около полутора километров. Сильное течение. Очень трудный подъем, с челноками на лямках. Пролив (волок) кончается озером Мертвым.

На площади около 20 кв. км. торчат из воды покосившиеся черные, словно обуглившиеся верхушки деревьев. Иногда это невысокие корчаги, иногда — длинные наклонившиеся голые стволы. Общее впечатление от озера — зловещее. Лотом работать трудно. Дно неровное, в ямах и забито корчагами. Средняя глубина на пути челноков 6 и $6\frac{1}{2}$ метров. Местами лот доставал 9 и 11 метров. Обследование галсами не производилось. Длина озера 7 километров. Ширина $3\frac{1}{2}$ километра. Берега озера низменные, поросшие лесом.

Озеро недавнего происхождения, и очевидно оно-то и явилось причиной образования всей «озерной лестницы» как водного пути.

Мертвое озеро образовалось, повидимому, за последние 5—10 лет. Вероятно, здесь имело место опускание значительного участка тундры на большую глубину. Опускание это могло произойти в результате таяния подземных ледников или же землетрясения. По наведенным позднее справкам, в устьях рр. Яны и Лены ощущались толчки осенью 1930 года.

Катастрофа видоизменила соотношение горизонтов вод на ряде близко расположенных друг к другу озер Янской системы. Переполненные озера, в поисках стоков для излишней воды, пробили себе травяные русла, по которым и началось движение воды. О существовании Мертвого озера жители прилежащего района узнали очень недавно. Самый путь через озерную лестницу известен только с прошлого года. Проводников, вернее людей, по этой системе ходивших, имеется два человека — тов. Иван Томский и его сын.

Озеро Мертвое заканчивается травяным перешейком. Длина «пролива Третьего» — около 500 метров. Подъем опять крутой, и ощущается значительной скорости течение.

Озеро Третье. Озеро правильной круглой формы. Диаметр 2 километра. Наибольшая глубина 4 метра. Грунт — твердый, черный ил. Берега поросли редким листовичным лесом и кустами полярной ивы.

«Пролив Четвертый» — протока с твердым, илистым дном, шириной 8 метров, длиной 400 метров.

Озеро Последнее — овал, вытянутый по направлению с запада на восток. Длина 6 километров. Ширина с юга на север 3 километра. Наибольшая глубина по направлению с востока на запад 7 метров. Грунт — твердый, черный ил. Берега озера холмистые, высотой до 25 метров. Поросли редким лесом и кустами шиповника.

Озеро Последнее соединяется с озером Третьим в юго-восточной своей части проливом Третьим.

В западной части озера Последнего из него вытекает протока «пролив Пятый». Длина протоки 2½ километра. Ширина русла от 20 до 50 метров. Ширина фарватера около 15 метров. Дно твердое, илистое. Течение 1 километр в час. Протока идет в обрывистых берегах высотой по 20 метров. Грунт берегов — черно-зеленая глина. Верхний покров — трава, кусты, редкий лес.

«Пролив Пятый» впадает в реку Яну в одном километре выше с. Устьянска. Дельта пролива 25 метров, глубина на баре 2 метра. Оба берега торфяные, обрывистые. Непосредственно прилегающая к воде полоса берега усеяна крупной галькой. Ширина реки Яны против дельты «пролива Пятого» около полутора километра. Общая длина всей магистрали Томского 31 километр. Магистраль впервые обследована колхозной рекогносцировочной партией 23 июля 1932 года» («Водные ресурсы ЯАССР». Отчет для Г. Г. У. Ленинград, 1933 г., С. А. Б.).

КОРОЛЬ ВИТАМИНОВ

Спадающая террасами вода. Источник «белого угля». Готовая база гидроцентрали.

Аполлон Неустроев был прав: очень ценное для всего края открытие сделал Иван Томский...

Но стоят перед глазами шпалеры густых кустов шиповника. И сейчас вспоминается другое.

На дальний север с огромным трудом завозят бутылочки клюквенного экстракта. Дороже золота ценятся за полярным кругом лимоны.

Ведь это — концентрат противоцинготных витаминов.

Цынга — свирепый, беспощадный враг полярника!

Но мякоть плодов шиповника по своим антицинготным свойствам в десять раз сильнее лимона. Именно из мякоти шиповника Всесоюзный Институт Растениеводства добывает исключительно сильный антицинготный препарат.

Король витаминов! Витаминозный супердредноут!

И уже готовые, самой природой возделанные, плантации шиповника за полярным кругом.

Надо только притти и взять...

И еще... за полярным кругом, в Хибинах, нашли овощ — кольраби. Раньше кольраби не ели даже олени. Большевики ничего не оставляют без внимания. В советской лабораторной реторте кольраби охотно раскрыл свои тайны: витаминов С в кольраби значительно больше, чем в лимонном соке.

Глава пятая

«КОММУНА»

Двенадцатигранная усеченная пирамида. Основание граней—наклонно врытые в землю стволы деревьев. В центре сооружения глиняный пьедестал для костра. Свет попадает внутрь только через верхнее, над очагом расположенное, отверстие. Это — артельная ураса на заимке Тастах. Каждая грань жилища принадлежит одному человеку. Невысокие, чуть приподнятые от земли нары служат постелью. На столбах висит одежда и оружие. В урасе живут три семейства тунгусов. Некоторые из обитателей урасы здесь родились, здесь же и выросли.

В Тастахе живут Поповы, Барабанские и Лебедевы; они не связаны между собой узами родства.

Но Боттонский колхоз поручил им — трем семействам — заботу о колхозном оленьем стаде. На заимке Тастах уже начато правильное оленеводческое хозяйство. Построен корраль для оленей. Стадо ежедневно в жаркую пору дня пригоняется в специальный загон, где горят дымокуры: оленей сберегают от летнего бича тундры — комарья и мошки. Вверх по реке Тастах и на Саманалайской протоке стоят рыболовные заколы артели. Максун, осетр, омуль в изобилии имеются на заимке. Две упряжки хороших ездовых собак спят под навесом рядом с урасой. Собаки тоже получены от колхоза — зимой Тастахская артель обслуживает песцовые капканы в своем охотничьем секторе...

Старуха Анна Васильевна Попова, выборная хозяйка

артели, долго наблюдает, как я пытаюсь из содержимого целой пачки «Мака» — смятой и промокшей — собрать одну папиросу. Выходит плохо... короче говоря, ничего не выходит. Дрянной табак обратился в подозрительную кашу.

Анна Васильевна молча уходит из урасы. Слышно, как звенят ключи, должно быть, у дверей артельного склада... Хозяйка возвращается через несколько минут и кладет передо мной, в глянцевиной блестящей упаковке... две пачки экспортной «Пушки» и коробок спичек.

Таких папирос нельзя достать и в столице республики — в Якутске!

— Вот спасибо, хозяйюшка! Я уже и забыл, когда видел хорошие папиросы! Большое спасибо... И откуда это у вас? И сколько стоит? Сколько я вам должен за папиросы?!

Анна Васильевна очень довольна. Она улыбается определенно горделиво и говорит твердо:

— В нашем капративе многа... кури... у нас многа! Совсем ничего не стоит. Пожалуйста, тогор!

Бледный рассеянный свет падает из верхнего люка. Живыми лисенышами ползают языки пламени меж коротких обрубков и сучьев, из которых сложен костер на очаге. Стенки подвешенных котлов хранят на себе многолетний слой копоти и жира. Анна Васильевна склонилась над каким-то шитьем, мерно подымаются на ее груди широкие, в несколько рядов, ожерелья из бус и серебряных монет. Холодком и заплесневелою старостью тянет от земляного пола. В профиль мне видно бронзовое лицо женщины монгольского типа — будто картина старинного письма.

А на столике, держащемся без железных скреп и клея, связанном ремешками, высший сорт продукции Лентаб-треста!

Продукции, сделанной руками пролетариев города Ленина... С помощью новых, гильзонабивочных машин, которые мы посылали как образец советского (и не превзойденного за границей) производства на выставку в Германию.

Пастушонок оленьего стада, под накомарником, весь затянутый в оленьи шкуры, сидя на берегу реки, воды которой никогда еще не вспенивал пароходный винт, курит... «Пушку»,

Два дня подряд нашими челноками швырялся ветер. Нескончаемым злым набегом пенились короткие речные волны Саванна-Урех. Слизывали клочья торфа с берегов, пучились и чернели от проглоченной земли, брызгались пеной неистовства. Мы пробовали отстаиваться в крохотных заливчиках, отлеживаться в мокрых логовищах насквозь дождем пропитанных палаток. Вчера рискнули было переправиться на левый берег реки, где довольно густой лесок обещал запасы топлива. И были выкинуты на отмель комками смятого изжеванного барахла.

Потом собирали вещи — то, что река соблаговолила нам вернуть. Потом хмуро обсуждали дальнейшие перспективы.

Неустроев ушел на разведку и открыл Тастах.

Здесь отдыхаем, сушимся, чинимся.

День пасмурен и слезлив. Очевидно, Восточно-Сибирское Полярное море — до него отсюда 50 километров — все еще треплет шторм...

Но сегодня с утра мужчины уже смогли уйти по реке на осмотр рыболовных сетей. Говорят, после бури обычно бывает хороший улов. Олени отправлены на пастбище.

БРЕД

В уресе остались только двое: старшая хозяйка — варить обед и один из служащих администрации колхоза — инструктор по оленеводству, пожилой мужчина, некий Живцов. Он был командирован в Тастах для учета оленьего стада. Простудился, заболел. Хозяева говорят, что Живцов лежит уже третьи сутки.

Старик молчалив, замкнут. Неустроев сказал, что «огонер» (старик) Живцов — ньюча (русский) и «немного как шаман»... «Немного сумасшедший».

Живцов спит или притворяется спящим. Несомненно это русский. Окладистая борода лопатой, похожая на мох, источенный болотной ржавчиной там, где ежедневно застревали остатки пищи — в углах рта, на сгибе у начала груди. Пучки волос в ноздрях, выкрашенные никотином в шафрановый цвет. Глаза у старика полуоткрыты — серый, мутный зрачок в оплетке красноватых жилок.

Живцов невысок ростом, — он протянулся всего лишь на две трети своей постели. Кулаки больного плотно сжаты. Старик тяжело дышит. И молчит сегодня весь день. Трудно придумать, чем можно помочь больному гриппом, а может быть и воспалением легких в этих условиях...

Если подойти вплотную к постели больного, слышно, как Живцов тяжело дышит — с присвистом и бульканьем, — словно катает в горле твердые шарики. В морщинках лба набираются жирные капли пота...

— Э! Плохо, товарищ? Может, подать что-нибудь? Может быть, воды дать напиться?..

Даже не шевельнулись веки, не изменился ритм дыхания. Значит, спит человек. Не будем ему мешать.

Стараясь не шуметь, отхожу в сторону...

И вдруг отрывистый, резкий крик:

— Левая, полный вперед! Правая, полный назад! Пра...ва на борт!.. твою мать!

Больной повернулся на бок, все так же полузакрыв его глаза. Сомкнулись губы, привыкшие заканчивать ругательством грубый приказ. И сейчас же напор горячечного дыхания широко открыл его рот. Ломтем обескровленного мяса толкнулся в зубы, высунулся — будто вываренный до белизны — нездоровый язык.

Плохо старику. У Живцова начинается бред... старческий рот пробует вспомнить улыбку.

И все в том же аккомпанементе хрипов больной начинает петь какую-то нелепицу:

Джонсону брандспойтом
Двинул в морю один раз...
И... уехал... в... Ваш... шин... гтон!

Старик переводит дыхание и закашливается.

Все дальше и глубже забирается кашель в его горло. Живцов вскакивает на постели. Нутряной, тяжелый стон заставляет вздрагивать все его тело.

Анна Васильевна подошла к больному с кружкой воды:

— Поет, как шаман... это он молится своим богам?

— Да, старым богам... надо дать ему выпить! Эй, товарищ! Воды не хочешь ли выпить?!

Живцов делает несколько жадных глотков, обливая водой бороду и грудь.

— Ложись, братишка, в койку... легче будет...

Старика как будто пробуждают неожиданно знакомые слова. Живцов открывает глаза и подозрительно на меня смотрит. Его зрачки темнеют. Потом Живцов откидывается навзничь, говорит подчеркнуто ясно:

— Эльджях! Бильбяпын! (Больно! Не понимаю!)—и опускает на глаза тяжелые шторы век...

Медленно przygotowляю в кружке старинное флотское пойло — прог. Крепкий сладкий чай пополам с чистым спиртом. Шершавую пленкой всплывают на поверхность сивушные масла. Потянуло терпким ароматом аптеки. Больной почувствовал запах алкоголя — повернул голову.

— Пей, тогор. Лекарство. Учугай! — нарочно говорю по-якутски, чтобы не будоражить старика. Какое мне дело до прошлого этого больного, может быть, и серьезно больного человека...

Живцов нюхает прог, осторожно берет губами, словно отщипывает хлеб, глоток жидкости. Чуть не поперхнулся горячим ядом. Тянет дрожащую руку. Пожалуйста, возьми сам... Живцов берет кружку, медленным расчетливым движением скупца, в обе руки. Долго вбирает ноздрями спиртные пары. Экономно, маленькими порциями отхлебывает жидкость. Потом больной удовлетворенно вздыхает, говорит, будто скрипит недавно смазанной дверью: «Покорнейше благодарю... Премного обязан...» — и возвращает кружку. Но разговаривать больше Живцов не хочет. Тем более, что в тордоху один за другим входят мои товарищи — сотрудники экспедиции.

— Улов хороший! Много рыбы... и погода скоро хорошая будет... — сообщает мне скороговоркой Неустроев.

Рыболовы переодеваются в сухое платье. Торопливо ужинают. Идет немногословный обмен мыслями — как между товарищами по работе, давно установившими план совместных действий.

И скоро в тордохе умолкают голоса. Ведь завтра поход, надо выспаться. Кажется, сейчас и я усну...

Больной пошевелился на постели. Смотрит в мою сторону. Вот он опустил ноги на пол. Неуверенно встает (не помочь ли ему выйти?!)... но старик, озираясь, медленно крадется по юрте. Сквозь полузакрытые веки слежу за ним. Живцов тянется к моей фляжке, повешенной на стол-

бе. Старик касается фляжки и чувствует... мою холодную ладонь на своей горячей руке.

— В чем дело?

Живцов рванулся, сразу же обессилел и упал на землю. Старик опять бредит:

— Это не я! Даю слово, что это не я... Он сам... сам...

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

Живцов сидит на моей койке. От него пахнет осклизлым, прокисшим в леднике мясом. Я дал старику еще водки. И на моих глазах рождается привычный, старый алкоголик. В мутных глазах старика изредка вспыхивают блески, как будто за длинной темной колоннадой кто-то бежит с фонарем. Припухает левая щека. Движения рук стали твердыми, но бессмысленно направленными. Покраснел лоб.

— А позвольте спросить вас, вы раньше плавали на флоте? На Черном море или в Балтийском?! Да, что вы? Виноват... простите, еще один нескромный вопрос — вы из морского корпуса?.. Ах, студент, значит из юнкеров флота?! — Живцов приосанивается и разглаживает бороду... — Вот какая встреча! И где — за полярным кругом... Вы разрешите мне еще глоток спирта разбавить!? Я не обижу вас?.. Виноват, а вы не знаете, плавает еще эскадренный миноносец «Киргиз-Кайсак»... Ну да, состарился... А какой был кораблик... неподобно руля слушался... Бывало, идешь полным задним ходом к стенке и сразу — полный вперед! — останавливался, будто вспененный конь.

А... простите... если я еще глотну?! Несколько лет не пил... Здесь ведь не достанешь, да и не позволял себе... Эх, а раньше....

Старик говорит все быстрее, захлебываясь... У него почти совсем закрылся правый глаз. Скопилась в углах рта слюна. Не всегда слушаются челюсти: прихватывают зубами язык, когда Живцов закрывает рот...

— А вы знаете?! Вы думаете, за что старлейт Борис Петрович Живцов сюда попал?.. За что я, как лейтенант Дебнер, здесь погибаю?.. Помните у нас, в корпусной церкви, белую мемориальную доску: «Лейтенант Дебнер. Убит и съеден дикими на островах Люка-Гива»!..

Думаете, это я комиссара убил... Нет, не убивал я его... даже не хотел... Вы не слышали о комиссаре Первухине?! Не я... не я....

Живцов наливает в кружку спирт, видимо, окончательно потеряв представление о действительности, предлагает мне: не хотите выпить?! Глаза старика округлились. Они горят пламенем безумия. Живцов говорит теперь полным голосом, очень торопится...

— Я расскажу вам, мичман, как было дело... вы увидите... я все расскажу... Я командовал «Киргизом» всю германскую войну... рассчитывал «штаны» себе на гот-мачту получить весной семнадцатого... а тут, знаете сами, революция... Но меня команда любила. Когда в Гельсингфорсе появились немецкие охотники за черепами — помните: сто марок платили за каперанга, а за лейтенанта пятьдесят... стреляли по ночам с набережных... мои киргизовцы тогда специальную охрану выставили — командира своего охранять. И в судовой комитет выбрали. Комиссаром у меня был комендор первой статьи Первухин. Очень исполнительный матрос. Я его даже любил раньше... Ну, а теперь начал культивировать... что ж, ну захватили мужички власть... разве никогда бунтов на Руси не бывало?! надо обработать мужиков немного, показать им, что значат настоящие господа: сами попросят нас командовать... что сделаешь, если офицеры откажутся корабли вести?.. У меня и вся кают-компания революционная была: когда сняли царские портреты с переборок, у них, на задней стенке, надписи оказались, самые похабные — мичмана развлекались... Мы и в театр вместе с комиссаром ходили... И вот — знаю, что господь меня наказал... повел я своего комиссара «Камо грядеши» смотреть... ну, перед тем, как ехать в «Музыкальную драму», мы, конечно, выпили... приехали... и в театре зашли в буфет... ну, из буфета — напротив — по штату, в галюн... и помните, лейтенант, мужская уборная в этом театре сделана выгородкой в каком-то классе... по середине рояль величиной с баржу стоит... а вдоль стен, на особых подставках — большие скрипки в черных футлярах... ну, совсем, как идола в буддийском храме на Цейлоне... Посмотрели мы на всю эту петрушку... забавно... а к тому же и развезло нас... одним словом — подымай «како»: меня дрейфует. Не могу управляться.

Комендор Первухин открыл футляр: пустой. Смешно нам стало. Я другой открыл — тоже пустой. Первухин спьяну — раз! И стал внутри футляра, примерился: точно ему по росту. Щелк — и Первухин закрылся в футляре. А тут, я слышу, начался шум в коридоре: действие кончилось. Значит, сюда идут... Я — открывать Первухина... не открывается... Что делать! И тогда я сам в другой футляр спрятался... Понимаете, лейтенант! Потом душно стало мне внутри этой коробки... я туда — сюда: нет отверстий. — Душно! — хрипит Живцов и рвет на себе воротник... — А люди, слышу, вокруг разговаривают... Совсем плохо мне... чувствую — задыхаюсь... дернулся раз... дернулся два... и загремел на палубу вместе с футляром. Отскочила крышка, и я, — понимаете, дорогой мой, — как черепаха с расколотым щитом на мели... я — командир миноносца «Киргиз-Кайсак»!.. мой дед еще в Гангутской баталии участвовал!.. а кругом люди!.. и смех!.. кругом смех!.. позор!.. я — бежать!!

— Тохто, огонер, другой товарищ тоже убежал?! — перебивает Живцова юкагир Неустроев. — Почему он тебя раньше не открыл?

Оборачиваюсь — Неустроев лежит на своей койке, приподнявшись на локтях. Юкагир давно уже слушает рассказ больного, только я не заметил этого, сидя к Неустроеву спиной.

— Очень хорошая сказка, огонер, у моего хозяина — священника тоже была скрипка. Я знаю — «футляр»... А куда товарищ убежал?

Живцов, всем корпусом подавшись назад, бессмысленно глядит на меня... Исчезло оживленное выражение с его лица. Отвисла челюсть. И я слышу новый голос, какой-то блеющий, словно Живцов выплевывает буквы.

— Не я... даю слово... не я... богом клянусь... не я...

Живцов наклоняется к моему лицу, громко шепчет:

— Вы понимаете, штурман, я должен был убежать... честь мундира!.. в публике могли оказаться знакомые!.. узнать меня в лицо!.. командир миноносца валяется на полу в уборной... позор... Когда выключили огни и окна театра потемнели, я вернулся... и нашел матроса — абсолютно мертвым!..

Меня толкают справа; юкагир, садясь рядом, заставляет подвинуться. Живцов смотрит на очаг, словно он видит в слабом мерцании углей что-то не здешнее. Говорит — не мне: этому, за углями, только ему. Живцову видимому...

— Понимаете — я офицер, он матрос. Ушли с миноносца вместе. И вдруг матрос задушен. Кто поверит, что это не я сделал... Кто поверит?!

— Я тебе не верю, ты убил! Зачем убил другого человека? Ты убил!

Неустроев говорит твердо и убежденно...

— Что ты понимаешь... ты — негр!.. дикарь с островов Люка-Гива!.. Революция тогда всех сделала дикарями... вот... вот... — отчаянно вздрагивает бывший старший лейтенант. — Конечно, они то же самое должны были сказать... ведь я офицер и дворянин... конечно, меня расстреляли бы... слушайте!.. слушайте!.. товарищи, я не убивал!.. не выдавайте меня, товарищи!.. я тогда бежал... сначала был у адмирала Колчака... потом сюда на восток пробрался с генералом Пепеляевым... ах, сколько я выстрадал!..

Лицо Живцова сплывает в комок, будто из-под матерчатого колпака вынули каркас. Старик беззвучно плачет, хватая ртом воздух...

— Ты, старик, убил... это верно... если не своими руками, так хотел убить... не тот раз, тогда завтра. Это я тебе говорю по совести... Совесть... — повторяет юкагир.

— Приговор... приговор... — всхлипывает Живцов, закрывая лицо руками.

Аполлон Неустроев ощущает действительность сейчас точно так же, как ее ощущали пятнадцать лет назад революционные матросы. В юкагире Неустроеве говорит совесть класса.

Не убил, так предал на смерть... ради условной чести мундира, дважды условной, ибо все это происходило уже после революции. Предал на смерть доверившегося ему товарища... Впрочем, нет: матрос не мог быть товарищем старшего лейтенанта, даже если этот старший лейтенант «водит» матроса в театр.

Живцов впал в бессознательное состояние. Вдвоем с юкагиром мы поднимаем его на руки и кладем в постель.

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Шум голосов. Неохотно отталкиваюсь от последних сновидений. Должно быть, кто-нибудь еще приехал в урасу Тастах. Открываю глаза. Николай Кочкин и Анна Васильевна спорят около моей койки:

— Не надо будить... совсем мало спал!

— Неустроев говорит — скорей надо!

— А что Неустроев?

— Большой человек. Все знает. Верно!

И Анна Васильевна отходит в сторону, не найдя возражений.

— Тебя Неустроев велел скорей будить... старик пропал!

— Как?!

— Совсем пропал... идем скорей...

От урасы до берега реки двадцать шагов. Только выйдя из дома, я уже вижу необыкновенное сооружение: два скрещенных байдарочных весла концами воткнуты в землю. Связаны бечевой... и в треугольнике скрещения висят на длинном ремешке часы.

Часы большие, металлические. На задней крышке часов вырезаны буквы: Г. Г. У. и номер — 6376.

Я знаю, что это значит: Главное Гидрографическое Управление № 6376. Это казенные часы, выдававшиеся на корабли флота в качестве штурманского снабжения. Под крышкой нахожу записку:

«В смерти моей винить революцию. Старший лейтенант Живцов».

В 1905 году В. И. Ленин говорил: «...Разжигая расовую вражду и племенную ненависть, правительство может на время задержать развитие классовой борьбы, но только на короткое время и притом ценой еще большего расширения новой борьбы, ценой еще большего озлобления народа против самодержавия».

Тов. Сталин говорит: «Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями

СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР».

Наличие цветущих национальных республик, семь национальных государств, входящих в СССР, в общем подъеме революционного пафоса успешно строящих социализм, доказывают проникновенную мудрость национальной политики партии большевиков.

Единство установок классовой борьбы для всех угнетенных, моральная сущность этой борьбы, классовая совесть выкристаллизовались в сознании нацмен дальнего севера отпраненными как драгоценные камни и в то же время очень простыми по внешности формулами. Вот почему юкагир Аполлон Неустроев имеет возможность по делу б. старшего лейтенанта Бориса Живцова вынести нелицеприятный, справедливый приговор.

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ

Семь челноков целый день обыскивали устье Тастаха и реку Саванна километров на двадцать вниз по реке.

Тело Живцова найдено не было.

Возвращаясь к уресе против довольно сильного здесь течения, в каждом гребке двуручного весла мне слышалась одна и та же фраза: приговор в исполнение приведен...

Шторм ушел куда-то к северу, словно для того, чтобы накопить силы для следующей атаки. Как декорация ясного солнечного дня на сцене, еще не занятой артистами, молчаливо лежала тундра. Часы показывали ночь, когда мы погрузились в челноки и вышли дальше, к Яне.

Мы с Неустроевым плывем в одной байдарке. Ты — полярная байдарка — очень нехитрое пловучее средство. Три доски — днища и борта — сшиты корнями вереска. Пазы засмолены лиственничной смолой. Сидеть надо прямо на дне байдарки, упираясь в поперечину, вставленную от борта к борту. Длина байдарки около четырех метров: три сидящих человека касаются пятками друг друга. Разговаривать можно только глядя в затылок собеседнику. И беседа должна быть очень спокойной: каждое резкое движение кого-либо из разговаривающих уже грозит опрокинуть байдарку. А высота борта этой посудинки: если

сидящий человек опустит за борт руку — до самого запястья ладонь будет в воде...

Мне виден затылок Неустроева, повязанный красным платком. Широкие плечи юкагира обтянуты оленьим мехом. Не поворачиваясь, ровно и упористо отбрасывая ведром широкие ломти густой речной воды, юкагир говорит:

— Это правильно сделал огонер русский: если жить нечем, надо умирать, надо уйти... Этот Живцов был раньше кто? Большой начальник?

— Офицер.

— Значит, тойон...

— Да.

Несколько минут мы оба гребем молча. Морской офицер Живцов надеялся приспособиться к новому порядку вещей. Внешне приспособиться... Однако неумолимая логика классовых противоречий толкнула его на преступление. Личное самолюбие заслонило интересы коллектива. Погоны, которые этот морской офицер снял якобы добровольно, встали перед ним — в роковой момент — неумолимым призраком чести мундира. Дальше — бегство в стан контрреволюции, в среду тех, кто мог и должен был оправдать офицера...

— Это верно, — говорит юкагир, очевидно, до конца продумав какую-то мысль, — нельзя запрячь лисицу в собачью упряжку: собаки должны лисицу загрызть, иначе лисица должна собак загрызть. Только лисица хитрее, она съест ремень и убежит в лес. К другим лисицам.

ДЕСЯТЬ... В ГОРОШИНУ!

— Тохто! Утки!! — обрывает свои рассуждения Неустроев и быстро достает ружье. — Видишь вон там... гребни лотихоньку к ним...

Под берегом, вплотную к срезу земли, эскадру утят ведет за собой серая кряква. Она делает вид, что не замечает людей, что ей все равно — видят ее люди или нет.

Однако люди подошли слишком близко.

Утка подает своим детям тревожный сигнал и, подскокив над водой с резким криком, начинает изображать бегство.

Совсем как «суда-довушки» в империалистическую войну приманивали к себе германские подводные лодки...

Утка бежит вперед, хлопает крыльями по воде; возвращается назад, кружится на одном месте. Утята — все сразу — повернули, гребут строем фронта к берегу...

Их можно выловить из воды шапкой. Мягкими желтыми шариками, как абрикосы, вынутые из компота, они падают на дно челнока. Неустроев уже несколько раз прицеливался и все откладывал выстрел. Ружье заряжено только одной дробинкой. Нельзя тратить выстрел зря...

Чтобы юкагир Неустроев мог позволить себе уверенно выстрелить по дичи, мне приходится гнать челнок еще несколько десятков метров, сильно загребая веслом.

Выстрел. Утки больше нет: одетый в перья кусок еще теплого мяса, слегка покачиваясь на волнах, сплывает вниз по течению.

Неустроев подхватывает дичь за ноги, стряхивает с утки воду за борт и показывает мне: на клюве видна красная ленточка крови. В голове птицы, рядом с правым глазом, ранка.

Пять в яблочко!.. Какое тут яблочко — десять в горшину! Так стреляют снайперы дальнего севера.

Якутская тундра — родина снайперов.

Глава шестая

МАРУСЯ ЗАБОВЕВА

Из юрты вышла женщина. Внимательно глядя себе под ноги, старательно обходя ямки между кочками, наполненные водой, женщина идет к берегу.

Гладкое синее платье без выреза на груди, так плотно подходящее к подбородку, как будто к этому платью просто забыли пришить воротник, ровно облегает высокую, стройную фигуру. Ноги одеты в замшевые, мягкие «сары» — гамаши.

От щиколотки вверх по гамашам взбегают пестрый, красно-зеленый, шитый узор.

Кочкин и Неустроев, всегда очень неохотно разбивающие палатку там, где можно воспользоваться домом, здесь, в селении Б. Хрома, сами отказались от жилья. Говорят — здесь больные женщины. Нельзя в юрте останавливаться. Палатки колхозного отряда раскинуты на самом берегу реки Хромы. Ива и тальник — в изобилии, — значит, июльской ночью не замерзнешь и вне юрты.

Женщина остановилась около костра, где варят чай сотрудники отряда. О чем-то говорит. Неустроев отвечает нехотя, даже не подымая головы. Похоже, что женщина сердится. Теперь она идет ко мне...

Знаю, что по местным понятиям неприлично, когда мужчина сам чистит дичь. Но у меня пока ощипана и выпотрошена только одна птица. Щиплю вторую утку с ожесточением.

— Тогор! Ньюча?! (Товарищ! Ты русский?)

Коротко остриженные волосы связаны на затылке в пучок. Лицо женщины как будто вырублено из доски красного дерева. Рубили торопливо, большим, неухватистым в руках, топором.

В два удара — прямая горизонтальная щель, не пощадившая и переносицу. От виска к виску. Концом лезвия глубоко выковырены отверстия для глаз. Рот — в один удар: как щепу снимают — всадил топор и отвернул мякоть на сторону. Уши маленькие, белые, словно из другого материала приделанные.

Голос грудной, контральтовый, но с неожиданными хрипами, как у цыганской левицы.

Первое впечатление не толкает на разговорчивость, отвечаю односложно:

— Сеп! (Да, ладно!)

Женщина, не двигая ни одним мускулом лица, смотрит так же угрюмо, — эта угрюмость как будто всегда ей присуща...

— Мужчины все равно, как собаки! — совсем не гневно, как давно известную истину, говорит женщина...

Должно быть, эта фраза, словно удар веткой по глазам, заставила меня вздрогнуть и отшатнуться.

Женщина прочла на моем лице изумление, досаду, может быть...

И улыбнулась...

Вот так!..

Шторм перешел в ровный, без шквалов, крепкий ветер. Баллов шесть. Похоже, что и море, и небо одновременно мечут тысячи гигантских метел.

Рваные облака несутся над точно такими же серыми волнами. По горизонту — сплошная хмури. И кажется, что бегущий серый корпус корабля тоже ушел из-под человеческого власти. Влился в эту бесконечную армию хмурости. Холодно и одиноко чувствует тогда себя штурман на мостике. Но вот сквозь какой-то разрыв облачной завесы падает на море кусочек солнечного луча. Падает всего лишь на десяток секунд. Трепещущий, всегда победоносный кусочек горячей жизни.

И сразу повеселеет море... и отодвинется горизонт... и штурман на мостике, повинувшись непреодолимому желанию

заговорить, мальчишески бодро окликнет рулевого: сколько на румбе? Хотя он сам только что смотрел в компас и прекрасно знает, сколько градусов на румбе: каким курсом идет судно?..

Хорошо улыбается Маруся Забоева!! И приказывает: идем!

Наскоро вымыв руки, вытирая ладони о куртку, иду за этой женщиной по направлению к юрте.

ОПЕРАЦИЯ

В юрте холодок и полутьма. Старуха возится у камелька, заставленного посудой. Слышен протяжный, вибрирующий стон. Медичка Забоева подошла к постели и заговорила с больной. Стон перешел в бормотание. Больная несколько раз медленно, раздельно повторяет:

— Кутурук эльдях!.. Кутурук эльдях! (Кутурук — кобчиковая кость. Эльдях — больно).

Забоева, вполоборота ко мне, говорит:

— Плохо рожает... надо помогай! — и показывает, что больную надо поднять за плечи.

Переносим роженицу на стол. Якутский стол, связанный ремешками, — жуткое приспособление для операции. Кажется, этот операционный стол уже готов разъехаться на составные части.

И теперь мне нельзя отойти от изголовья роженицы...

Лицо отекающее, в каких-то измятых, бурых пятнах. Глаза ушли под лоб. Щеки свисают тяжелыми наплывами. Верхняя губа искривлена гримасой страдания и уголком зацепилась за желтый, обкуренный клык, выступающий из рта вперед.

Гороподобный живот под легкой ситцевой тканью платья колыхается судорожными волнами родовых схваток.

— Эллем! Эллем! Кутурук! (Пропала! Пропала! Кобчик!) — стонет женщина.

Медичка делает свою работу. Женщина надрывно стонет. Она уже так обессилела, что сама не может двигаться. Я чувствую под руками влажный, мягкий, чуть теплый сверток. И нельзя отнять рук, — от движений, которые медичка заставляет проделывать роженицу, предательски шевелится стол.

Забоева подняла на меня глаза, проговорила сквозь зубы, словно упрекнула:

— Совсем плохо... нельзя!

Потом нагнулась вправо и достала из ножен якутский «быхак».

Я видел эти ножи — кованные доморощенными кузнецами, с желобком по середине, часто иззубренные.

Я повторяю движения медички и достаю свой нож — московский, испытанный в бою с иностранцем. Эта продукция не сдаст.

— Ме! (Возьми!)

Прищуренный глаз медички измеряет степень остроты лезвия. Забоева идет к очагу и несколько минут держит лезвие в пламени. Потом опускает нож в кипящую воду. Дезинфекция окончена.

Операция проста: темя младенца очень мягко, и закаленная сталь режет его, как масло. Роженица начинает трепетать мелкою дрожью: видимо, освободились в ней какие-то силы. Вот роженица громко вскрикнула. Будто в ознобе дрогнули ее губы. Визг — протяжный, забивающийся в уши. Женщина метнулась в сторону и навзрыд заплакала...

— Совсем хорошо! — слышу голос медички. Не могу поднять глаз: ходит ходуном под роженицей стол..

Скоро ли?! Скоро ли вся эта фантазмагория кончится?!

— Тургеник! — сказал и не узнал своего голоса. — Тургеник! (Скорей!)

Роженица вздрагивает всем телом... и окончательно расшатанный стол медленно складывается как хитроумное шарнирное сцепление...

Забоева очень спокойно командует мне:

— Олор! (Садись!)

Так и сажусь на пол, держа голову оперируемой женщины...

Забоева сбрасывает с себя платье, снимает нижнюю сорочку и остается в широких черных трусах, заправленных в тамаши.

У роженицы густым потоком хлынула кровь. Рубашка медички, изорванная на полосы, служит материалом для тампонов.

— Совсем хорошо! — говорит медичка и опять улыбается.

От этой улыбки кажется, что под нависший потолок юрты проникло весеннее солнце...

Роженица начала спокойно дышать. Облизнула губы. Протянула руку и погладила живот. В тихом стоне женщины слышится облегчение.

Неужели эта чудовищная операция прошла удачно?!

В стене открылся желтый квадрат: входная дверь. Кто-то вошел.

Забоева покрывает ноги роженицы платьем, оборачивается, чтобы взглянуть на вошедшего Неустроева, и говорит мне, удовлетворенно кивая головой:

— Мужчины все равно — собаки! Когда не надо, все кончилось — тогда пришел!..

ПОТОМКИ САЙ-СЫРТ

— Якутская женщина всегда была очень сильная, — говорит Мария Георгиевна Забоева, оправляя подушку спящей больной. — Видишь: совсем тихо, хорошо дышит. Через два дня ходить будет.

Наш якутский народ на север пришел очень издалека. Говорят, наш народ раньше вместе с турками жил. Вот где, в Турции... Ты был там, тогор?! Говорят, в Турции очень хорошо — много цветов и всегда есть солнце. У нашего народа раньше был свой царь — женщина, ее звали Сай-Сырт. Она всеми мужчинами командовала и наш народ сюда, на север, привела. Большая, красивая женщина. В городе, в музее висит картина — портрет Сай-Сырт. Очень красиво нарисовано. Вот и другие наши женщины были очень сильными... и много-много лет якутская женщина всегда делала тяжелую работу, совсем как мужчина, и плохо жила. А потом у нее сделался узкий таз. Знаешь — очень плохо, совсем нельзя рожать... Знаешь — надо очень заботиться теперь о нашей женщине, вот у меня есть стати-сти-ка... — Мария Георгиевна достает из кармана записную книжку в клеенчатом переплете... — Вот смотри: в 1897 году была у нас в Якутии всеобщая перепись. Всех людей считали и записывали. Тогда на одну тысячу мужчин

была одна тысяча и одна женщина. Понимаешь: одна якутская женщина оставалась без мужа. А потом опять считали всех людей в 1906 году, и тогда уже было только 969 женщин на одну тысячу мужчин... Это плохо... А в 1926 году опять сосчитали мужчин и женщин, и оказалось 891 женщина на одну тысячу мужчин... Это совсем плохо... Кто будет детей рожать? Еще: молодые женщины теперь умирают раньше, чем старухи; вот, если посчитать все население в возрасте от 18 до 60 лет, будет 850 женщин на тысячу мужчин!

Наши якутские женщины умирают скорей, чем мужчины. Женский организм не такой, как у мужчины. Особенный организм. И он быстро ослабляется, и женщина умирает. И много умирает во время родов, вместе с ребенком.

Теперь наш якутский Наркомздрав взял твердую линию: надо беречь женщину, и это правильно. И вот по десяти наслегам около Якутска в прошлом году опять делали медики перепись, и получилось, что женщин стало больше, чем мужчин... Соотношение полов, — старательно выговаривает Забоева мудреную фразу, — становится нормальным... и это сделала советская власть!

— Вы давно работаете медиком, товарищ Забоева?

— Очень... может быть, пятнадцать лет... очень давно, не помню...

(Невольно подумалось: сколько же ей лет? По этому, будто каменному, лицу не угадаешь возраста. А по улыбке...)

Забоева сама разрешает мои сомнения:

— Еще когда мне пять лет было, я уже тогда с больными играла: горшки от них выносила, давала им воду пить. Моя мать в Якутске, в больнице работала сиделкой... и я вместе с ней в больнице жила... Моя мать тоже долго в больнице служила... Еще когда английская сестра Кэт Марслен была в Якутске и потом ездила по Вилюйскому округу смотреть прокаженных, моя мать у нее была, как прислуга. Мать рассказывала — это было кажется в 1891 году... Еще мать рассказывала, что английская госпожа собрала в Якутске двадцать тысяч рублей на помощь для прокаженных. И дала эти деньги на постройку церкви около Вилюйска. А зачем прокаженным церковь? Их лечить

надо!.. Много лечить. Ну, иди к себе, тогор, спать... Все хорошо...

Сай-Сырт, родоначальница и вождь!.. У тебя остались достойные твоего имени внушки и правнучки!!

ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

В Усть-Хрому к медику Забоевой привезли больного. Молодой парень лет двадцати. Чуванец. Правильные черты лица. Нос с горбинкой. Темные ресницы поднимаются треугольником до самых бровей. Маленький, правильно вырезанный рот. И глаза... Вероятно, прежде это были молодые карие глаза, — сейчас вместо них два неподвижных шарика. Как у сваренной рыбы. В глазах абсолютно никакой мысли.

Приятное впечатление от красивого лица пропадает сразу, как только подойдешь к больному вплотную. От одежды чуванца идет тяжелый смрад. Больной потерял способность чувствовать функции своего организма. Этот взрослый парень отправляет свои естественные надобности, как новорожденный младенец. И одежда больного, повидимому, не менялась очень давно.

Родственники чуванца—дядя и брат—подсели к нашему костру, нехотя, боязливо рассказывают историю болезни.

Вчера приехал к ним на становище Иванов — начальник, красноармеец. Застал в полном разгаре лечение больного: шаман применял самое решительное, отчаянное средство—старался вернуть чуванцу душу, которую у него украли звери. Иванов накричал на шамана. Приказал немедленно везти больного на Усть-Хрому, к медику. Пусть капитан-няюча подтвердит, когда понадобится, что они привезли больного рано утром...

— Обязательно удостоверю... Можешь не бояться, тогор, больше Иванов сердиться не будет... Но как же звери украли душу человека?!

— Тохто! — говорит дядя больного и оглядывается.

— Не надо громко... зачем?!. Худое может быть, — одобряет Неустроев осторожность чуванца. Юкагир тоже чем-то обеспокоен... И я понижаю голос, чтобы не спугнуть разговорчивого настроения.

— Ладно, рассказывай!

Головы слушателей сближаются над потухшим костром. Тихо, медленно начинает рассказ старый чуванец:

— Якут Слепцов Михаил приехал из Якутска, пароходом, в Булун... якут Слепцов! Слышали такое имя?! И привез от большевиков ящик... маленький черный ящик... а в нем, в этом ящике — звери и люди. Только они не живые. Звери, из которых души вынуты.

Чуванец смотрит на меня внимательно: знает ли капитан, что это за ящик? Надо кивнуть головой с понимающим видом... чорт его знает что это такое?! Но что же дальше?!

Дядя больного продолжает:

— Рик сказал, чтобы все население шло в старую церковь. И все пошли. И племянник чуванца, который болен, — тоже пошел. А в церкви икон уже нет. Вместо них — большая простыня висит: белая-белая. И ничего как будто на этой простыне не нарисовано... А потом якут Слепцов начал вертеть ручку ящика, и сразу появился свет!..

Чуванец вытянул руку и начал шевелить пальцами...

— Вот так... была совсем пустая, белая простыня... и теперь по этой простыне бегут... новые иконы: которые большевики прислали... звери и люди... совсем, как живые... и совсем новые звери, — никогда чуванцы таких не видали!

Младший чуванец достает из-за пазухи фигурку животного, хвост с кисточкой... грива... младший чуванец специально ездил в Булун с поручением шамана узнать — какой зверь украл душу его брата... и оторвал угол афиши с картинкой... «Звезда и лев», кинодрама в 7-ми частях... (подходящий фильм для жителей крайнего севера!)

— Кепсе! Рассказывай дальше, тогор!

— Его племянник, больной, раньше был очень веселый парень. Очень много смеялся и хотел все узнать. Его племянник посмотрел на зверей, которые бегали по белой простыне... потом зашел сбоку, — это видели сидевшие в клубе, — и вдруг закричал, когда зверь прыгнул на женщину... и упал... и теперь сам больше не двигается! Не говорит. Совсем, как не живой: зверь украл его душу. Зверь, который сидел в ящике у якута Слепцова!

ШАМАНСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ

Больной чуванец раздет, лежит на одеяле. Старуха обмывает его ноги, запачканные испражнениями.

Забоева выслушала больного, помяла ему грудь и живот, тщательно осмотрела глаза. Чуванец не мигает, если у него перед носом зажигают спичку.

— Вроде как сумасшедший! — говорит Забоева. — Вроде как идиот. Вроде как спит...

И затем, слегка понизив голос, будто рассуждая сама с собой:

— Шаман думал так — зверь украл душу. Шаман сам видел кино: зверь бегаёт, как живой. Совсем похоже, как живой, а на самом деле — ничего нет. Посмотришь сбоку — ничего нет. Тонкая простыня. Верно. Когда я первый раз кино видела, мне тоже было смешно, потом страшно. Вот... зверь украл душу, — как её вернуть? Надо зверя просить. Это старая молитва, давно у нас так шаманы молятся. Делают фигурки зверей и кладут около них еду и мажут фигурки салом. Потом — в костер бросают. И шаман тоже все это делал. А потом уложил больного ногами в костер и взял его ноги в свои руки и стал его ногами по углям бить: чтобы звери испугались. Шаман хитрый, он по-своему, может, правильно думал. Видишь, как ноги обожжены. Чуванцу было очень больно. А он все-таки вроде как спит...

— А почему же у больного на животе шрам от ожога? Видишь, доктор, — большой шрам и даже старый ожог, как будто.

— Тохто! Тохто! — останавливает меня Забоева и замолкает, как будто пораженная новой мыслью. Потом медленно выходит из юрты.

Первый раз я вижу, чтобы северная женщина так думала: Мария Георгиевна, низко опустив голову, прогуливается на площадке перед юртой взад и вперед. Изредка жестикулирует. Бормочет про себя. Будто в длительном споре разбирает какой-то сложный вопрос.

Сажусь на опрокинутую нарту и закуриваю...

Сегодня к вечеру мы кончим смолить челноки. Двое суток ушло на отдых и починку снаряжения. Отряду пора двигаться дальше... Наша работа — обследование семьдесят первой параллели ЯАССР, обследование входного в реку Яну фарватера — тоже как-то примыкает к медицинской практике этого доктора.

Тяжело ей здесь, бедняге... Вот даже культура, поданная без подготовки зрителей, выходит боком. Уродует людей. И кто придумал показывать дурацкий этот кинофильм на дальнем севере!.. Во всяком случае, надо было рассказать зрителям перед демонстрацией фильма о механике всего этого кинодействия.

Чем скорее в тундру придут культурные учреждения, тем реальнее станет культработа среди нацмен дальнего севера. Колхозный отряд прокладывает дорогу этим учреждениям.

Колхозники — сотрудники отряда — тоже культуртрегеры. «Звезда и лев»!.. Я знаю, что Всесоюзный Институт Экспериментальной Медицины в Ленинграде занят специальными работами по изучению приспособляемости человека к специфическим условиям Арктики. Это совершенно правильно и своевременно: на дальнем севере начинается большая стройка.

Сюда будут засылаться партии рабочих, инженеров и техников. Надо заранее изучить, как влияют на человеческий организм местные климатические условия, местные болезни.

И подготовиться к борьбе с ними. Снабдить едущих в тундру строителей всевозможными профилактическими снадобьями.

Во время арктических плаваний на кораблях врачи методически производят наблюдения над состоянием здоровья — физического и психического — всего личного состава.

И уже есть результаты.

Да... мне вспоминается, как возражал профессор В. Ю. Визе против снабжения «Фоки», судна полярной экспедиции Седова, солониной в качестве главного продукта питания. Профессор Визе был одним из немногих участников

экспедиции, категорически отказавшихся есть солонину. И его не коснулась цынга. Да...

Даже по вопросу о том, сколько можно ежедневно спать человеку, работающему в Арктике, идут споры. Общее мнение — надо спать как можно меньше.

Только Фритиоф Нансен, по опыту своей зимовки на земле Франца Иосифа, говорит обратное: ешь как можно больше, спи пока спится. Правда, во время этой зимовки Нансен не вел научной работы. Только старался как можно проще убить время ожидания спасательной экспедиции, в приходе которой он был твердо уверен...

Но ведь и нашли его — страшным, обросшим волосами и грязью, полудиким, не похожим на человека.

Да... большая заботливость о тех, которые едут на север.

А коренным, прирожденным северянам можно «продвинуть» какую-нибудь — с позволения выразиться — фильму, «Звезду и лев», например. И в результате: искалеченный человек...

Забоева круто поворачивается и останавливается передо мной:

— Капитан! Это правда, что у него старый ожог?!

— Что?

— Ты же сам видел!

— Что я видел?!

— Большой старый ожог...

Так неожиданно врывается в мои размышления голос Марии Георгиевны, что я не сразу понимаю, в чем дело.

Забоева начинает терпеливо объяснять:

— Шаман по-своему верно делал. Больного чуванца видел? Совсем как будто спит... верно?.. Шаман говорил, что хочет зверей напугать, а сам ноги больного в костер положил. Зачем положил?! Шаман видел — человек спит: разбудить хотел. Понимаешь?! А чуванец не проснулся... Почему не проснулся? Чуванец помнит еще старый ожог, который давно у него был от костра... потом его испугал кинофильм... испугал сильнее огня: как огонь жжет, чуванец раньше знал; кино — раньше не знал. Потому чуванца огонь и не мог разбудить. Вот. Теперь надо чуванца по-другому лечить... Может, выйдет... Тогор-капитан! Тебе все равно завтра уезжать... конечно, мне должно быть

стыдно: я сама доктор, сама должна лечить... А тебя заставляю... теперь опять прошу тебя помогать.

Знаешь, тогор, ты сделай только, как я скажу, а я тебе заплачу... деньгами заплачу! — совсем неожиданно заканчивает доктор.

ЕЩЕ ОДНА «ОПЕРАЦИЯ»

Больного чуванца усаживают в мой челнок. Парень необычно легко одет, — сатиновая рубаша, черные брюки из бумажной материи... ноги босы. Больной все так же мертвенно равнодушен: еле перебирает ногами, пока его под руки ведут к берегу, послушно сгибает туловище, когда нажимают ему на поясницу.

Забоева объяснила провожающим нас мужчинам, что мы — она и капитан — будем лечить чуванца на другом берегу. Выбирать местность для более успешного лечения больного — это вполне соответствует местным обычаям. Поэтому никто не удивляется нашим поступкам.

Зато мой костюм — свитер, суконные (вместо обычных кожаных) брюки, носки и галоши — вызывает изумление, даже недоверие сотрудников экспедиции.

Однако необходимо, чтобы они не помешали нам своим неорганизованным вмешательством.

Говорю равнодушно:

— Челноки готовы и лепешки испечены; сегодня можно будет выйти дальше...

— Сегодня вернешься? — спрашивает Неустроев. — Смотри: сейчас тепло, потом скоро холодно будет... зачем раздelsя?

— Отдал чинить свои кожаные штаны... Мы быстро вернемся обратно!

Неустроев помогает мне столкнуть челнок с отмели. Забоева уже вышла на реку. Торопит нас.

Чуванец сидит пока спокойно, в носу челнока, спиной ко мне. В борт начинает давить течение реки. Если не работать сильно веслом — очень далеко отнесет вниз.

По диагонали челноки выходят к середине реки. Потом резко ворочают носом против течения. Челнок Забоевой держится слева от меня, ниже по течению. Это предусмот-

рено заранее. Сильно гребем. До противоположного берега осталось не более двухсот метров. Пора.

Как было условлено: я подымаю весло. Забоева испуганно кричит:

— Тохто! Тохто! Еще далеко!

— Знаю, что делаю! Держитесь под веслами, чтобы не сдрейфовало!

Это ошибка: Мария Георгиевна не понимает морских выражений. Она торопится подойти вплотную ко мне — узнать, в чем дело. А посмотрев в сторону нашей стоянки, я вижу, что Неустроев спускает на воду свой челнок, — не хватает только, чтобы и он вмешался! Мне холодно уже сейчас: сквозь подстилку из веток просачивается сырость; ноги — тоже промокли. Челнок, как всегда, немного подтекает.

Слабый ветер рябит поверхность Хромы. Вода кажется взъерошенной и мутной, как похлебка, от примеси глины... Пора!

Отбросив весло, резким поворотом вправо опрокидываю челнок... Ой! Какая холодная вода! Вполне понятно, что местные жители никогда не купаются...

Чуванец вывалился из байдарки без крика: как деревянный чурбан. Нелепой, согнутой фигурой парень зарылся в воду. Это уже плохо. Он совсем не бился, кажется, не сделал даже слабого движения руками... Только бы его не унесло далеко вниз... Приходится нырять!

Течение стремится выбросить меня наверх — ведь я нырнул против речной струи... а под водой усиленно грести руками — неблагоприятная задача... С открытыми глазами ничего не вижу в этой мутной воде... Неужели мы зря погубили человека?! Плохо... Ощущение холода все резче... Может свести судорога ноги...

Не пора ли мне позаботиться о себе самом?!

Что-то сильно толкнуло меня в живот... Коряга!? Нет. Бестолково дергая ногами и руками, выбивается на поверхность чуванец...

И первое, что я слышу, вынырнув наверх, — отчаянный крик:

— Ма-ма! Ма-ма!.. У!.. у!.. тымны... ы-ы-ы-у!.. (Мама... холодная вода!).

Мне сейчас некогда радоваться. Эксперимент, кажется,

удался. Но мы рискуем теперь оба, уже будучи «разбуженными» по способу доктора Забоевой, отправиться к морскому подшхиперу кормить собой раков... Определенно коченеют ноги... Только бы не скрутила судорога...

Хватаюсь сзади за рубаху чуванца и толкаю его вперед.

Парень оборачивается, кричит:

— Тогор!

На один миг отчетливо вижу его лицо: в глазах ужас быстро сменяется радостью... В следующий момент на выразительном лице парня опять изображается страх — животный, слепой...

— Держись! Земля близко!..

Чуванец не слушает меня. Ловким сильным движением цепляется обеими руками за мою шею. Обвивает меня ногами.

Да, несомненно он выздоровел!.. Но сумею ли я кому-нибудь об этом рассказать: утопающий тянет меня ко дну?!

Это, правда, не входило в наш план исцеления — изо всей силы бью чуванца кулаком по лбу... мало? ударяю еще раз и еще сильнее!!

Средство действует: руки чуванца разжались.

Снова поднимаюсь на поверхность. Теперь все в порядке: бесчувственное тело чуванца лежит на воде доской...

Забоева протягивает мне весло. Не вредно, конечно, и весло подложить за спину утопавшему.

Береговая отмель уже совсем близко... Вот я касаюсь ногами дна... тащу за собой чуванца, как бревно по накату.

Река отступает... И как только мои колени оказываются выше уровня воды — сразу иссякают силы... Падаю ничком в прибрежную грязь. И не могу сам повернуться.

— Тогор! Тогор! — слышу испуганный и заботливый голос Неустроева. Юкагир подымает меня и сажает на песок. Слышу еще знакомые голоса. Меня начинает бить непереносимая дрожь. Чувствую, как подняли меня на руки. Нет. Ничего не могу сказать пляшущими в ознобе губами.

Только через полчаса как следует отогреваюсь горячим крепким чаем. Ну, я никому не посоветую купаться летом в северной реке!..

А чуванец? Искусственное дыхание помогло... Парень садится без помощи доктора и оглушительно смеется. Потом вскакивает на ноги, начинает всем по очереди жать руки.

— Учугай! Учугай! — повторяет чуванец и не переставая хохочет...

Значит — «спящий» проснулся! Операция удалась!.. и я не даром купался в ледяной ванне...

— Этот человек как будто спал. Даже как будто был загипнотизирован. Есть такие медицинские опыты: надо взять курицу и положить ее на стол. Потом немного прижать голову курицы к столу и в то же время быстро сделать мелом черту... длинную белую черту от носа курицы... вот... и тогда птица будет лежать совсем тихо и не шелохнется... Или есть другие медицинские опыты: взять змею и посадить ее в темную клетку. Потом сразу осветить змею электричеством. Из маленького фонарика, вот какие бывают на метеостанциях. И змея делается как палка... Можно брать в руки как палку и можно бросать на землю, — двигаться не будет змея. Нам еще в техникуме один профессор говорил, что это простейший гипноз... и его очень давно люди знали...

Вот и я подумала: чуванец — простой человек. Много не знает. И на него этот кинофильм и электричество из аппарата кинопередвижки так и подействовали: вроде как простейший гипноз. И человек заснул...

А как разбудить? Шаман пробовал огнем его разбудить; знаешь шаман хитрый был, он правильно думал. Только чуванец огня не боялся... Он еще когда мальчиком был — в костер упал, сильно ожегся... Ожог для этого чуванца — знакомая боль... а вот холодная вода кругом — незнакомая боль. Наши мужчины на севере и женщины на севере тоже — никогда в реке не купаются. Очень холодная вода, потому что под землей всегда лед... и наши жители севера — никто не умеет плавать... значит, река могла чуванца разбудить... Только кто мне помог бы в этой операции? — улыбается Забоева. — Только ты мог помогать, тотор... другие плавать никто не умеет, вот... а река — хорошее лекарство. И знаешь — это наше якутское лекарство, ниоткуда из центра привозить не надо... и у нас еще другие свои лекарства есть, — оживляется Мария Георгиевна. — В Якутской Республике есть свои курорты. Доктора только в прошлом году нашли, а население знало очень давно...

Вот: есть реки Пеледуй и Кемпендйай — это около Лены. И там, в этих реках, есть особая грязь... она совсем рядом со льдом, с мерзлотой, как русские называют, лежит... эту грязь возьмешь — она холодная. На руку намажешь — грязь нагревается. Такой химический состав. И этой грязью много болезней лечить можно... А потом есть у нас и в Алданском округе, и около Вилуйска, и около Жиганска много соляных источников... они очень хорошо женщинам помогают от их болезней и старикам, у которых кости ломит... вот, а река тоже очень хорошо лечит...

— Хорошо, только холодно. В другой раз я купаться в Хроме не хотел бы...

Глава седьмая

«СОСЕДИ»

Пришлые с юга кочевники-якуты отодвинули из центральной части современной Якутии далеко к северу, в тундру исконных владельцев этих земель и лесов.

Отодвинули только после упорных боев, потому что даже против хорошо вооруженных русских казаков коренные полярники выходили «збруйны и ружейны, с луки и копья, в куюках и шишаках, в железных и костяных... и бились с нами во дни многое время» (из старинной русской хроники XVII века).

Якуты победили, главным образом, численностью. И, захватив достаточную для себя полосу земли—в районе среднего течения реки Лены,—якуты дальше на север не пошли.

Плохой мир лучше хорошей ссоры.

Вероятно, поэтому ушедшие в тундру хозяева земли получили очень миролюбивое собирательное наименование «дьюкак» — соседи.

Под этим наименованием подразумевались сначала все народности — эвенки и одулы, чукчи и чуванцы.

Впоследствии прозвище «дьюкак» стало применяться главным образом к одулам, как к наиболее близкому территориально народу, и, переделанное частым употреблением в юкагир, вошло в этнографическую практику уже именем собственным.

Чуванцы в настоящий момент очень немногочисленная

народность, — несколько десятков человек. Чуванцы не выдержали благ империалистической культуры старого режима, и их осталось очень мало.

Чукчи — вторая по численности, из мелких соседей, народность — в свое время спаслись от голодовок тем, что перебрались из царской Якутии на Чукотку, в непосредственную близость к базам иностранной экспансии.

Иностранные купцы безжалостно грабили чукчей, но все-таки хоть немного и подкармливали их.

Царские чиновники — только грабили.

В настоящее время на территории ЯАССР осталось всего лишь около двухсот человек чукчей, кочующих в районе нижнего течения реки Б. Чукочьей.

Одулы (юагиры) — народность чрезвычайно интересная как своей историей, так и современными ее моральными и интеллектуальными качествами.

Одулы — остатки коренных туземцев доисторического Ангорского материка, существовавшего тогда, когда на месте нынешнего Берингова пролива Азия соединялась с Америкой Беринговым мостом. Таким образом, одулы имеют американское происхождение и этнографически относятся к северо-американским индейцам.

Они делятся на несколько родов: сандиры, численностью около 100 человек, живут в низовьях реки Индигирки; дудкинцы, каменцы, эрбечкены — около 300 человек — живут вверх по Индигирке, в направлении к озеру Ожогину. Семейства хододинское, кургурское и юагирское живут на реке Алазее.

Всего на территории восточной якутской тундры одулов насчитывается около 700 человек.

И для детей этого народа, на реке Индигирке, выше г. Аллаиха, в 1933 году построена школа-интернат. Одулы — кочевники. В течение всей зимы они ставят свои палатки вблизи границы произрастания леса, двигаясь с места на место по мере того, как олени выбивают подснежные корма.

Летом одулы на челноках спускаются по рекам к морю, навстречу рыбе, идущей нерестовать.

Юагиры отличаются большой моральной стойкостью, волевыми качествами, способностью к учебе. Физически это хорошо сложенные, красивые и выносливые люди.

В ПОХОДЕ

Довольно гостевать на Усть-Хроме. Времени остается совсем в обрез. Да и медицинская предприимчивость Забоевой несколько пугает: какой еще эксперимент может она талантливо изобрести с непременно участием сотрудников экспедиции...

Челноки готовы. Впереди — разведчиком и проводником одновременно — идет Неустроев. Он должен повести нашу флотилию вверх по Хроме, потом свернуть в реку Сюрюктах, приток Хромы.

В челноке Неустроева — три заряженных ружья: юкагир сегодня исполняет обязанности агента по заготовкам продовольствия — дичи. Вторым идет челнок технорука экспедиции: дело технорука указать, где и какой надо сделать промер. Для сигнала употребляется свисток. Один короткий: по этому сигналу Неустроев тормозит ход и поворачивает свою байдарку. Третья и четвертая байдарки — сотрудники-тунгусы Кочкин и Щербацкий — смотрят за веслом технорука.

Если весло поднять вверх, значит промер надо расположить по хребту фарватера. Если весло поднято поперек челнока — делается промер через реку, перпендикулярно оси фарватера.

Кочкин берет глубины. Щербацкий достает пробы грунта. В местах промера технорук ведет кроки местности.

У сотрудников есть записные книжки для отметок глубин; но в наиболее важных местах (чтобы обезопасить себя от потери цифры или путаницы) промерщики — лотовые сразу же показывают второму челноку — техноруку — свои данные: пальцами левой руки.

Инструментом для промера служит лот — пятнадцатиметровый кусок веревки с грузом на конце. Лопasti весел разбиты на сантиметры для промеров на мелководьях.

Пятым челноком управляет Маруся Забоева.

Хорошо гребет доктор — ровно и сильно, уверенно сидит в байдарке, изредка даже песни поет — какое-то чудовищное крошево из советских мотивов и горлового северного курлыканья. В общем получается своеобразный звуковой коктейль.

Забоева настояла, чтобы ей тоже дали какие-либо обя-

занности в отряде. Постановили: доктору надлежит подбирать дичь, убитую гребцом первого челнока. Кроме того — это очень важно (Маруся хорошо стреляет и заядлый охотник) — доктору не разрешается палить вверх по реке, даже если бы удачный выстрел обещал на ужин целого мамонта.

Крепко, сплаванно идет отряд. Непривычный человек не ловко чувствует себя в легко кренящейся байдарке.

Но если присноровиться к этому суденышку, как велосипедист вбирает в себя центр тяжести движущейся конструкции, если в одно целое слиться с байдаркой (метacentр приходится где-то на уровне шейных позвонков гребца) — плыть одно удовольствие.

В ровных низких, одинаково черных, почти всегда параллельных берегах северной реки умелый гребец в байдарке словно мчится на хорошо смазанной дрезине под уклон далеко видимого железнодорожного пути...

Уже прошли десять километров. Счет приближенный, но с достаточной точностью: по числу гребков в минуту и по счету минут.

Часы есть только у технорука отряда.

Но — забавная деталь: хороший охотник — северянин обладает очень исправно работающим организмом. По числу ударов собственного пульса как-то автоматически может северянин измерять протекшее время. Который час — вполне точно — он скажет по солнцу. Но сколько прошло времени от одного момента до следующего — полчаса или сорок пять минут, — северянин отсчитает своим полнокровным сердцем...

Неустроев показывает рукой, что сейчас будет поворот вправо.

Низкий, выравненный полукругом, как слюнявочка на груди ребенка, справа на реку вылез песчаный мыс.

На мысу — человек. Человека сдвигает в реку свой челнок. Плывет к нам...

Предварительный разговор с Неустроевым. Потом встречный челнок скользит ко мне, ловко ворочается — как танцор на пятке — и прилипает к моему борту.

Маневр известный: если перекинуть ремешок с носа и с кормы и грести потом каждому только с одного борта, обоим гребцам в такт — челноки идут рядом.

— Здорово! — говорит встречный. Это якут. Одет в гимнастерку, меховую шапку.

— Здорово!

— Ты капитан экспедиции?!

— Да.

— Я — красноармеец Иванов, пограничник...

Такое вступление обязывает: кладу весло и достаю из полевой сумки мандаты.

— Тохто! Не надо! — удивленно подымает брови Иванов.

— Нет: надо... Читай! Давай знакомиться всерьез!

Тогда пограничник убирает свое весло. Некоторое время я гребу один. Формальности окончены. Мы расцепляем челноки и теперь идем рядом, вплотную, только чтобы не цепляться друг за друга веслами. Начинаем перекрикиваться фразами — речной разговор.

— Куда едешь? — спрашивает пограничник.

— Сюрюктах... артель «Красная заря»!

— Оксе! Заря?

— Да!

Иванов перестает грести.

— Кепсе!?

— Сох! Эн кепсе!?

— Ты ничего не слышал?

— Что?

Иванов опять подходит ко мне совсем близко:

— Там восстание!

— Кого? Кто восстал?!

— Все население... тунгусы...

Это неожиданно, и сначала я даже не могу найти ответа. Но слишком нелепа мысль о восстании в 1932 году летом, на крайнем севере. Восстание одной артели тунгусов!? Эти мысли сгоняют с лица всякую напряженность:

— Шутишь, тогор! Зачем восстание!?

Иванов смеется:

— Я тоже думаю — шутки... Прибежал оттуда учитель Николаев... очень боится... говорит, его очень пугали... ха! У него есть ружье, винчестер, он ружье — когда бежал — совсем бросил... надо все-таки смотреть, какие там дела... чего испугался Николаев.

Пограничник налегает на весла, опережает меня и вступает в разговор с Неустроевым...

Поход по реке Сюрюктах продолжается.

Большими скирдами побуревшего сена выстроились на берегу пять тордох. Слева от них виден черный квадратный ящик — бревенчатая юрта. Сплюснутая труба на крыше придает этой юрте вид большой копилки. От тордох к юрте движутся люди — женщины и ребяташки. Тонкие струйки дыма курятся над жилищами сигналами благополучия и довольства... Есть дым — значит есть костер. А в тундре даже зимой не разводят огонь только для тепла. Если горит костер — значит варят или жарят еду в тордах. Едят или будут есть: все хорошо.

Высаживающийся на берег отряд встречен благожелательным спокойствием. Старик-тунгус, у самой воды чинивший свою байдарку, помогает нам доставать поклажу, шамкает: «здорово»; от берега к юрте идет протоптанная дорожка: много людей ходили к реке за водой.

Прежде чем начать знакомство с жителями поселка, колхозный отряд разбивает свой лагерь. Никто особенно не интересуется нашими действиями. Вместе с Ивановым направляемся к юрте. Дверь открыта. Несколько женщин разговаривают около юрты, подталкивают друг друга — совсем как в очереди.

Да это и есть очередь: из юрты вышла женщина, в правой руке у нее большой ком яркожелтого масла, левой рукой женщина придерживает спереди подол сарафана, в подоле насыпана мука. Очередь расступается, давая нам возможность проникнуть в юрту.

Это — магазин и склад одновременно. За прилавком мужчина, запачканный в муке, орудует совком, весами, ножом. Развешивает продукты. На стенах — полки, на полках уложены меховые чулки, сыромятные ремни, ожерелья сушек, папуши листового табаку...

Среди женщин вскипает негромкий, дружелюбный говор: мы влезли, собственно говоря, без очереди, но мы — приезжие, а женщины хорошо знают, что такое путешествие с ограниченными запасами пищи.

Значит, пусть эти приезжие возьмут что им надо: женщины подождут. Дело происходит не в Ленинграде, а за полярным кругом...

Приказчик отрывается от созерцания весов, кивает головой Иванову, говорит ободряюще:

— Норма бар! (Норма есть!) — и, сняв с чашки только что взвешенный килограмм масла, протягивает его пограничнику. Иванов довольно улыбается: это не плохо! Масло, да еще экспортное — сайбириан баттер — не часто встречается в тундре... нъюча («нъюча-испидисси», — это шепчут женщины за моей спиной) тоже получает «норму»...

А мука у нас есть, отказываемся.

— Юс кило — бир эр! — предостерегает завмаг... — Юс кило!! Учугай бурдук! (Три кило на одного человека!.. три кило! хорошая мука!)

Тунгусу-приказчику непонятно, как можно отказываться от такой хорошей муки...

И когда мы все-таки поворачиваемся, чтобы уходить, приказчик спрашивает (плановость прежде всего!), сколько человек приехало? Пусть идут получать «норму». Он скоро закроет кооператив!..

В ближайшей тордохе, куда мы входим — как полагается — без спроса, застаем докторшу, которая уже осматривает какого-то младенца.

Идем в тордоху рядом, откуда слышен громкий разговор и аппетитно шипит масло на сковороде.

Здесь чаепитие в полном разгаре. Отворачивая лицо от брызг, жарит молодая тунгуска белые лепешки. Трое мужчин, сидя на шкурах вокруг костра, медлительно пьют чай.

— Здорово! Садись! Чай пей!

Вторая женщина уже ставит перед нами маленький, словно игрушечный, столик, сервирует его чашками, горстью сушеного мяса, даже — о! верх расточительного гостеприимства, — солонкой, сделанной из донышка консервной жестянки.

Разговор — как река, давно сбросившая в море буйную накипь половодья, — течет медленно, в берегах привычных, обыденных, насущных интересов:

— Нельма еще не попадалась... Ловится хорошо сазан, омули есть жирные. Большой оленьей охоты в этом году еще не было. Нет, никто не умирал... А больные есть, конечно есть больные. Как не быть людям больными после тяжелой зимы? Волки отогнали зайцев с юга почти на гра-

ницу леса и тундры. Зайцы съели кору со всех кустов: испортили оленьи пастбища. И дикие олени ушли за пищей далеко в горы. Людям нечего было есть. Совсем плохо было. Собак нечем было кормить. Собаки умирали. Совсем плохо... С большим трудом род Каменских перекочевал сюда, в Коннор, на базу кооператива...

— Здесь жил заведующий кооперативом якут Чернов Николай, — говорит пограничник, — почему его не видно?

— Чернов уехал в Устьянск, сдавать песцовые шкурки... еще до того, как сюда Каменские перекочевали. Чернов не скоро вернется... за него тунгус Михайлов остался, — видел?

— Видел... а здесь еще учитель жил... Николаев Владимир...

— Учитель — дурак! — говорит хозяин тордохи, как нечто всем давно известное и доказательств не требующее.

— Сеп! Сеп!.. Совсем дурак! — подтверждают и остальные собеседники.

Каменский допивает чашку, потом берет лепешку и не спеша отгрызает кусок...

— Учитель — дурак! — вторично заявляет тунгус. — Когда Чернов уехал, остался приказчик Сыроватский. Потом сюда пришли тунгусы. Много больных людей. Совсем голодные люди: муки давно не ели, масла не ели. Сыроватский дал всем норму. Три кило муки, хорошей белой муки. Кило масла — хорошего масла, жирного. Люди начали жарить лепешки, начали есть. Хорошо! Люди стали делаться здоровыми. На другой день съели «норму». Наши женщины пошли опять в кооператив: надо еще кушать. Верно? Целую зиму лепешки не ел, один день покушал: мало. Верно? Приказчик опять дал норму. Люди опять кушали. Хорошо! Потом опять получили норму. Хорошо!

— А что сделал учитель Николаев? — прерывает Иванов.

— Учитель начал кричать — есть не надо. И норму больше не надо брать. Он говорит норма — на один месяц, это как раз столько, сколько надо есть одному человеку. Верно?!

— Норма установлена... — начинает Иванов.

— Тохто! Ойбанов! Учитель сказал верно: норма — это сколько надо кушать одному человеку. Если человек съ-

тый — ему норма хватает на один месяц, а если человек всю зиму голодный, ему надо есть каждые два дня одну норму... Много есть надо — иначе умирай!

— Так что же вы с учителем сделали?

— Что надо делать с дураком? — пожимает плечами тунгус. — Сказали: уходи вон! Он испугался, куда-то бегал... Его жена Елена и сын остались, здесь живут... Им тоже, как и всем, приказчик каждые два дня одну норму дает. Хорошо кушают, вот!

— А какое же восстание? — начинает говорить Иванов и останавливается, пристально глядя на куски масла, полученные нами в кооперативе. — Оксе! Значит это и есть «восстание»! Тогор-капитан, ньюча! Значит, мы с тобой тоже — делаем восстание! — якут хлопает в ладоши и громко смеется.

Да. Вероятно, сейчас весь экспедиционный отряд берет в кооперативе масло, табак и муку: изголодались ребята. Но отряд получает «норму артели Заря»... и значит принимает активное участие в «повстанческом движении»!

И ведь по существу как будто бы все правы; голодные люди — в том, что они съедали каждый день по месячной «норме»; учитель Николаев — в своем протесте против расхищения запасов кооператива.

В конторских книгах ищем формулы примирения аппетита и «нормы». Мука подмокшая, масло в разбитых бочках горкнет, запас крупы почти не тронут, — тунгусы не любят варить кашу.

Похоже на то, что зимой из преувеличенной осторожности завмаг самовольно уменьшал ежемесячные выдачи. На дальние кочевья вообще не отпускал продуктов. Похоже, что тунгусы, наверстывая зимнюю вынужденную голодовку, имели некоторое право на вмешательство в дела кооперации. Мария Георгиевна свидетельствует, что среди тунгусов есть цынготные: детишкам необходимо было добавочное питание.

Составляем акт о моральном и физическом состоянии тунгусского рода Каменских. Пограничник Иванов деловито ходит по тордохам, расспрашивает мужчин, ведет с ними беседу.

Инцидент можно считать ликвидированным.

Поздно вечером, когда Иванов приходит в палатку ночевать, осторожно задаю пограничнику вопросы о его работе.

Как он справляется здесь — один!

И, спокойно покуривая трубку, размеренным, негромким голосом рассказывает мне якут — пограничник Иванов Александр Петрович о страже полярных границ Советского Союза...

Глава восьмая

СТРАЖА ПОЛЯРНЫХ ГРАНИЦ

За окном штурвальной рубки лежало серое, ленивое море, в которое врезался коричневый, невысокий мыс. На широкой зыби, ровной, как дыхание спящего человека, шхуна, идущая с попутным ветром, равномерно покачивалась, и от этого казалось, что мыс, словно рог упрямого животного, зарывается в море.

Капитан Щепин еще выше поднял редкие брови, собрав морщины вспотевшего лба в жирные складки.

Карта Гидрографического управления изображала нечто совершенно непохожее на ту Хромскую губу, в которую сейчас, осенью 1932 года, входила шхуна «Красный охотник».

Щепин сбросил надоевшую фуражку и, нагнувшись к люку, позвал:

— Христофорыч! Эгой! Христофорыч! Иди сюда! — и добавил вполголоса: — Чортов грек!

Из люка моторного отделения появилась седая всклокоченная голова, потом выставились небритые колючие щеки, мясистый красный нос. Маленькие черные глазки Христофорыча прятались вороватыми грачами в кустах седых нависших бровей.

— Цего?

— Вляпались мы с тобой... Кругом чистые пески. Если хватит штормом на этих песках, — верная гибель. А все ты!

— Це-це-це!.. — укоризненно чмокнул механик Зельянос и поднялся из люка во весь рост. — Зачем так рано начинать панихиду, господин капитан? Человек еще не умер. Человек еще хочет скумбрию кушать, вино пить, молодых девушек целовать... Зачем паника?

— Так ведь ты же уверял, что юкагирский шаман тебе настоящий путь в Хрому объяснил! Я тебе и поверил. Правление уговорил сюда шхуну послать. А теперь целый день бьюсь между песков — и никакого входа. Пожалуй, что и обратно не выберемся!

Зельянос внимательно рассматривал встревоженное лицо капитана. В глазах механика откровенно светилось торжествующее лукавство:

— Зачем говорил, что половинную долю не дашь? Зачем говорил — мне надо одну четверть, матросу другую четверть, тебе — половину? Немного песку увидел и уже струсил. Ну, а если бы у тебя в Омске отобрали слесарную мастерскую, что бы делал? Пропал Щепин! А вот Зельянос нет, не пропал Зельянос. На Алдан поехал, там немножко работал, золото собирал, в Якутск приехал — опять свой автомобиль завел, мастерскую. И опять большевики все забрали... «Раскулачили». Пропал Зельянос? Ничего не пропал. Зельянос теперь красный механик на шхуне «Красный охотник»... Понимаешь?...

— Ох! — простонал Щепин. — Опять ты свою философию разводишь? На кой она чорт нужна! Ты советом помоги...

— И помогу. Ты, Мироныч, хороший капитан, но плохой, совсем плохой командир. Я сейчас мотор запущу, а ты скажи матросу, чтобы убрал парус. Потом будем искать вход. Ты вместе с матросом Осадченко глубину меряй и кричи мне, куда рулить. Я рулить буду. Вспомню, как в Балаклаве за контрабандой на катере ходил. Эх! Поедим еще скумбрию... Не надо бояться! Понимаешь!? — бодрым тоном закончил механик и быстро исчез в своем люке...

Шхуна «Красный охотник» под именем «Киттивакки» появилась в устье реки Колымы впервые в 1917 году. Экипаж шхуны состоял из двух японцев и одного немца, которые одновременно были и владельцами судна. «Киттивакки»

предъявила удостоверение портовых властей Хакодате о том, что шхуна плавает с научными целями, имея заданием сбор орнитологических коллекций для Кембриджского университета. Даже насквозь проспиртованный мозг колымского исправника отказался переварить такую комбинацию без дополнительной смазки.

Шхуна была доверху набита японской дешევкой — линючими ситчиками, бусами, железными ножами, табаком и спиртом. Ассортимент товаров с несомненностью говорил о его назначении: меновая торговля с малокультурными жителями побережья — чукчами и юкагирами. И в то же время... сбор птичьих яиц... да еще японцами... для Кембриджского университета!

Исправник высадил бутылку рома и заявил решительно: — Ежели хотите собирать яички, кладите трех «петушков» об это место. Меньше чем за три сотни не соглашусь!

«Орнитологи» поморщились, но взятку уплатили. Исправник подписал разрешение на производство научных работ. И несколько лет потом шхуна хищничала вдоль нашего побережья, выменивая у населения ценнейшие меха на грошевые товары. Наконец шхуну затерло льдами в Чаунской губе. Интернационал хищников не пожелал дольше рисковать своей шкурой, тем более, что с каждым годом «торговать» становилось все труднее.

В Якутии с 1922 года установилась советская власть. Государственная кооперация тянула из центра — г. Якутска — свои питательные нити все дальше к северу. В главных пунктах побережья уже появились зеленые шапки советских пограничников.

Однажды шхуну затерло льдами.

Японцы бросили «Киттивакис» и пешком добрались по льду на материк. Как потерпевших кораблекрушение, их беспрепятственно отправили в Японию. Шхуну же вскоре нашли колымские зверопромышленники, потом ее отремонтировала кооперация, и под именем «Красный охотник» шхуна плавала вдоль побережья Восточно-Сибирского Полярного моря.

В этом году шхуна отважилась на совсем необыкновенный рейс: завезти из устья Колымы в устье реки Хромы грузы для охотничьих артелей. В устье Хромы до сих пор

не заходило ни одно коммерческое судно. Научные экспедиции, работавшие на побережья, никогда не интересовались фарватером в реку Хрому. И совершенно понятно, что правление охоткооперации сразу ухватило за предложение капитана Щепина — попробовать отыскать вход в устье Хромы с моря, не дожидаясь, пока через несколько лет это, может быть, сделает какая-либо научная экспедиция.

Иван Щепин — старый моряк, капитан с дипломом. Приехал он в Якутию совсем недавно, откуда-то из Каспия или с Черного моря. Никто этого толком не знает.

Моториста Зельяноса перевели из мастерских парководства на плавсостав за излишнюю приверженность к инструментам и материалам из государственных складов. Грек, параллельно с работой в парководстве, собственную частную мастерскую завел.

Щепин и Зельянос укрепились на «Красном охотнике». Первую навигацию плавали в устье Колымы, на второй год изобрели поход в устье Хромы. Парководство одобрило: не плохие, оказывается, работники. Парководство решило еще одного человека на шхуну подбросить: трудно ведь им вдвоем (третьим — матрос Тарасий Осадченко) плавать. Назначили на «Красного охотника» штурмана-комсомольца помощником капитана. Однако Щепин не дождался приезда из Якутска помощника.

— Обойдемся без сопливых, — сказал Щепин, получив телеграмму о назначении к нему комсомольца Гронского.

В ту же ночь «Красный охотник» вышел из Средне-Колымска вниз по течению...

«За поздним временем опасаясь наличия льдов районе Хромской губы... — сообщал по телефону Щепин. — Выхожу море сегодня...»

На этом оборвалась всякая связь между шхуной и правлением охоткооперации. Собственной радиостанции «Красный охотник» не имел. Кораблик всего лишь в пятьдесят пять тонн водоизмещением. Построенный из текового дерева, корпус его напоминал по форме ореховую скорлупу. Запросто может плавать во льдах. И все очень рационально устроили прежние хозяева-хищники. Мотором, например, управлять можно непосредственно из рубки, от штурвала. Специальный рычаг наверх выведен. Штурвальная

рубка служит вместе с тем и каютой для капитана и механика. Две койки одна над другой на задней переборке приделаны. Для третьего человека экипажа в носу сделан маленький кубрик. Оттуда же и вход в трюм шхуны. Шхуна имеет мотор в тридцать пять сил. Мотор старый, но все еще надежный, тянет, как слепая лошадь, колодезный привод. Для экономии топлива шхуна снабжена парусами.

Под ногами Щепина в моторном отделении несколько раз фыркнул мотор. Потом вспышки его зачастили, и ровная тряска, отозвавшаяся на всей шхуне, подтвердила, что мотор начал исправно работать. В рубке запахло едким дымком сгорающей нефти. Коротко чихнули клапаны, когда моторист отвернул краны, чтобы выпустить из карбюратора газы. Тряска судна стала еще ровней. Зельянос поднялся в рубку:

— Стоим, смотрим, рулим... Иди на бак, капитан!.. Щупай воду! Как бы на мель крепко не засесть... — говорил механик, становясь к штурвалу.

— Знаем! Этот раз на себя работаем!.. — Щепин вышел из рубки.

Впереди, прямо по носу шхуны, видна земля: низкая, плоская, как блин. Узкая песчаная кайма берега сразу, без ступенек, переходит в ровную болотистую зелень тундры. Только на западе видны холмы. К ним уже наполовину скатилось по безоблачному небу солнце. Обыкновенно темные волны Восточно-Сибирского Полярного моря здесь пожелтели, как будто сквозь них проглядывает песчаное мелководье. На баке шхуны с футштоками стоят капитан Щепин и матрос Осадченко. Измеряя глубину, они однообразно по очереди кричат:

- Двенадцать слева!
- Двенадцать с половиной справа!
- Одиннадцать слева!
- Десять справа!

Монотонные выкрики сливаются в тягучую песню. Самым малым ходом пробирается шхуна между отмелями. «Красный охотник» идет зигзагами, иногда неожиданно поворачивает в сторону от земли, описывает полукруги, словно танцует. Несколько раз судно боком попадало на банки,

вдавливалось в мокрый песок, тяжело шурша... Опасность была совсем рядом, но Щепин — опытный моряк. Он пристально вглядывается в каждую морщинку водной поверхности, в каждую слегка темнеющую впадину берега. Наконец судно уперлось в мель окончательно. Восемь футов!.. шесть с половиной!!!

Справа, слева, спереди — всюду пески.

Дальше идти нельзя! Выключили мотор. Механик вышел из рубки, осмотрелся, покрутил головой... и неожиданно полез на мачту.

— Ты что это? — вскинулся Щепин. — И с палубы хорошо видно!

— Когда скумбрия идет — рыбак на мачту лезет. Сверху скумбрия виднее...

— Да никакой тут скумбрии нет... Сдурел ты, Христорыч... Эх! Зря мы все дело затеяли. Все дни тихая погода стояла. А теперь, как хватит шторм, только поминай, как нас звали...

Но Зельянос был уже на рее и, угнездившись в наблюдательном пункте, тщательно высматривал водную гладь.

— Капитан! — крикнул через некоторое время механик с мачты. — Иди рулить, давай ход, здесь можно лавировать.

«Красный охотник» отошел задним ходом от песчаного барьера и развернулся носом вправо. Зельянос кричал и показывал рукой, куда править, матрос попрежнему работал футштоком, и шхуна осторожно поползла вдоль берега.

— Нашел! — радостно крикнул Зельянос и быстро спустился на палубу. Зачерпнул ведром из-за борта воды, попробовал на вкус.

— Нашел! — еще раз радостно крикнул Зельянос и понес ведро в рубку.

— Хальодный водда! Настоячий хальодный водда! — гнусавил механик нараспев, подражая разносчикам воды в южных городах.

Вода действительно была холодной и почти совершенно пресной.

С бака шхуны теперь уже вполне отчетливо видно, как врезается в лохматую скатерть залива широкий клин более темного цвета. Там, где река вбегает в мелководный разлив побережья, чуть пенясь, сшибаются между собой

воды реки и моря. Кажется, что неряшливой рукой пришит белыми нитками черный лоскут на светлокоричневое платье.

Шхуна повернула на середину черной полосы. Тускло зеленеющая тундра широкими складками протянулась к югу. Несколькими каналами, в низких черных берегах, впадает река Хрома в Хромскую губу. Ощупью, еле-еле ползет шхуна.

Вот двумя расчесами рыжей бороды выдались вперед песчаные отмели, обрамляя черный зев протоки.

— Семь с половиной! Шесть фут!.. — особенно громко доложил матрос.

И шхуна, слегка толкнувшись о взгорбину мели, вошла в устье реки.

— Двенадцать! Четырнадцать! Не достал! — кричит Осадченко.

«Красный охотник» идет уже по реке Хроме.

Невысокие берега вырезаны в земле, черной, как торф. По краям протоки, у самой воды, топорщатся низкие кусты полярной ивы. Дальше, насколько видит глаз, лежит волнистая равнина, чуть поблескивающая кое-где — словно осколки разбитого стекла на ковре — мелкими озерами. По горизонту тянутся черные увалы. За ними сейчас прячется солнце.

— Готовь якорь! — командует Щепин.

— Готово! — отвечают с бака.

— Клади якорь!..

Под носом шхуны слышен плеск воды, потом сухое щелканье якорной цепи о дерево клюза.

Шхуна до рассвета стала на якорь.

В штурвальной рубке темно. Из машинного отделения подымается тяжелый, налитанный керосиновыми парами воздух. Воздух насыщен резким, сладковатым запахом алкоголя.

Капитан и механик разговаривают. Мягкая, растянутая на гласных буквах речь Зельяноса и голос Щепина, с хрипотцой, изредка прерываемый хихиканьем, сливаются в нестройный концерт. Словно перекликаются лягушки в большой грязной луже.

— Скумбрия жареная, бычки, кефаль... Потом вино пить,

настоящее. Халва ореховый кушать... Ай! Какие девушки в Балаклаве!..

— Коньячок тоже вино доброе... А главное в нашем деле, Христофорыч, это то, что мы сами себе хозяевами станем. Беру с пароходства расчет — и айда в Крым! К чорту всякую работу!..

— Только глупый не работает, — возражает механик. — Газеты пишут: большую торговлю развели большевики на Черном море. Где есть торговля — есть и приказчик. А каждый приказчик сумеет свой магазин завести... Только надо быть немного хитрым...

— Хе-хе... Уж вы, греки, известно, народ хитрый. Молодцом сегодня на вкус фарватер определил... Только не подкачай дальше-то, Христофорыч, — опасно говорит Щепин.

— Насчет коммерции совсем не надо сомневаться... Все ясно. Все давно рассчитал. Флага советского не подымай: пусть жители думают, что мы иностранная шхуна. Нашего «Охотника» здесь еще под японским флагом помнят... Иностранцы всегда спиртом торгуют, а в кооперации его нет. Спирт — хорошая приманка. Пограничного отряда здесь нет, да и быть не может... Никто сюда не ходит. Разве в Туммате есть, может быть, один красноармеец. Так это больше чем пятьдесят километров... Нечего бояться... За сотку спирта здесь всегда песцовую шкурку дадут. А это значит — четыреста рублей на вольном рынке. Потом можно и в Усть-Хрому товар для кооператива привезти... Це-це! Еще господин капитан Щепин орден получит за открытие нового фарватера!...

— Хе-хе!.. Уж ты и орден!.. — довольно смеется Щепин. — Открытие, собственно говоря, твое, Христофорыч, но, конечно, как я капитан шхуны...

— Значит, мне лишний десяток песцов господин орденский кавалер уступит?.. Це-це? !

Еще долго капитан и механик подсчитывают ожидаемые барыши. Наконец смолкают их голоса. Храп — то глухой и урчащий, то резкий и залиvistый — наполняет рубку. Торопливые струи Хромы, сбегая к морю, приподнимают корпус шхуны, и, вытянувшись струной, упруго вибрирует якорная цепь.

Шхуну, входящую с моря в Хромскую губу, заметили еще рано утром. Пастух оленьего стада Семен Рожин приехал с этим известием в селение Тал. Стадо бродило на северных склонах холмов в районе устья Хромы, и с пастбища шхуна прекрасно была видна. Юкагир Рожин давно знает эту шхуну. Еще когда его род кочевал по реке Алазее, на шхуне «Киттиваки» приходили «ипены» (так зовут местные жители японцев). Ипены торговали с юкагирами, всячески их надувая, и были очень грубы с женщинами¹.

На Дальнем Севере японские купцы с «дикарями» совсем уже не стеснялись: существовавшая тогда царская власть не оказывала юкагирам и чукчам никакой защиты.

«Ипен»! Шхуна! — передалась весть по всему поселку. Женщины и дети быстро собрали наиболее необходимые вещи и ушли на челноках в один из узких боковых протоков.

Туда шхуна не сможет войти: женщины спокойно выждут, пока окончится визит иностранцев.

Но, может быть, мужчинам стоит выйти навстречу шхуне, поторговать мехами?

У каждого охотника есть по несколько связок песцовых и горностаевых шкурок, еще не сданных на советскую факторию.

В одной из урас — конусообразной деревянной хижине — собрался мужской совет. Говорил Рожин:

— На иностранной шхуне, конечно, есть спирт. В кооперативе, на фактории, спирта нет: продажа спирта воспрещена. А спирт... От выпитого спирта человек становится сильнее и храбрее и видит умом многое, что было раньше.

Рожина поддержало еще несколько человек. Отчего бы не выменять на спирт несколько шкурок!.. Две или пять... И женщинам можно купить материи на платья. На советской фактории уже почти ничего нет. Товары привезут только зимой. Долго ждать — почти четыре месяца.

Семена Рожина одобрил и чукча Элейко: от спирта прекращается ломота в коленях, человек перестает кашлять. Больному очень нужен спирт... И чукча долго искусствен-

¹ Последнее, между прочим, общеизвестный факт: во время японской оккупации Приморской области в 1919 году в некоторых прибрежных деревнях на Амуре японцы запирали женщин и девушек в амбары и там насиловали их.

но кашлял, чтобы доказать, что именно он болен и весьма нуждается в лекарстве. Большинство собравшихся начали колебаться.

Василий Данилов — уполномоченный деревни. Он — член наследного совета, а весь Усть-Хромский наслег (волость) растянулся на несколько сотен километров вдоль побережья.

Данилов был во время гражданской войны в рядах партизанского отряда, и он знал много хороших слов о советской власти, о том, что с иностранцами непосредственно торговать не следует. Но ведь, правда же, ждать привоза сухим путем продовольствия и мануфактуры надо еще много времени. И, кроме того, большинство односельчан Василия Данилова неграмотны, многие из них газеты и в глаза не видали.

— Пять шкурочек продашь, спирт выпьешь, покажется мало... Все продашь. В долг просить будешь. Всегда так, — говорил Данилов. — Юкагир всегда так: мало пить не может!..

По лицам слушателей пробежала улыбка. Юкагиры кивали головами с довольным видом: верно!.. всегда так!..

И тут заговорил Иннокентий Данилов, комсомолец, ученик хромской школы:

— Меха надо продавать только советской фактории. Почему? Потому что муку и масло, сахар и порох дает фактория!.. Сейчас на шхуну продал меха, напился пьяный, завтра ничего нет... Что потом есть будешь? Советская власть покупает меха. Советская власть в школах учит. Мальчиков и девочек учит и кормит их в школах, даром кормит. У кого нет детей, кто не хочет их учить в школе, пусть отдает меха и пенам!..

Юкагиры запротестовали: зачем детей не учить?! Нельзя не учить! Когда учится — хороший человек делается. Если у кого детей нет, тот сам — дурной человек, дурная кровь, порченный человек... Нельзя не иметь детей...

Иннокентий выкрикнул:

— Пускай старики расскажут, как раньше жили, когда были кулаки — тойоны, пока тойонов не прогнала советская власть. Кто против советской власти?!

Юкагиры возмущены: нет! таких среди них не найдется;

деревня Тал сплошь бедняцкая. Даже сети и охотничьи ружья получили из фактории в долг.

— Не выходить к ипенам! — решает мужской совет.

— А я знаю еще другое, — хитро подмигнул глазом Данилов-отец. Он, докуривая трубку, изложил свой план. План одобрили.

Нет, иностранцы не смогут безнаказанно войти в устье Хромы.

Капитан Щепин с утра недоволен. Ломит голову после вчерашней попойки и тяжелого сна в плохо вентилируемой рубке. Вместе с матросом Осадченко ходил капитан на шлюпке к берегу, где виднелось несколько хижин. Жителей в деревне не оказалось, но собаки привязаны под навесами. Значит, жители ушли очень недавно и не надолго. Щепин решил, что жители просто спрятались от страха. Это досадно. Щепин кричит и ругается. Ведь для того, чтобы дойти до устья Хромы, шхуне нужен лоцман. Иначе запутается «Красный охотник» в целой сети мелких протоков и проточек, пересекающих устье. Плохо. Даже Зельянос — и тот в затруднении. Говорит: ждать надо, пока какой-нибудь лоцман найдется. А сколько времени ждать? Дело к осени: скоро вода падать начнет... А тут еще этот дурак Осадченко сунулся: «Может, флаг поднять? Признают нас — и бояться перестанут». Ну, как ему расскажешь, что на отсутствие флага у Щепина главный расчет. Иначе не стоило бы трудиться вход в устье Хромы искать...

Пару лишних стаканчиков спирта выпил с досады Щепин за обедом. Вышел на палубу... К шхуне шел челнок с двумя людьми. Вот люди перестали грести, выжидательно разглядывают шхуну. Зельянос достал из кармана бутылку, приложил ее ко рту: будто пьет. Ю челнока приветственно махнули рукой. Потом один из юкагиров поднял вверх красный платок и, растянув его руками, показал стоящему на шхуне. Механик, взявший на себя роль переводчика, ответил: взмахнул красным флагом, демонстративно скомкал его и засунул к себе за пазуху. Потом еще раз показал бутылку водки.

Теперь юкагиры поняли вполне ясно, с кем они имеют дело. Один из гребцов крикнул: «Учугай! Барем!» (Хорошо!

Едем!) Второй поднял несколько раз вверх песцовую шкурку.

— Осадченко! Выхаживай якорь! Христофорыч, заводи мотор! — командует Щепин. — Это они нас в свою деревню приглашают. Там стоворимся!

Капитан Щепин сначала шел малым ходом, потом прибавил до среднего. Челнок продолжал оставаться впереди. Уже два, а может быть, и три раза шхуна сворачивала в боковые протоки. Больше часа шел «Красный охотник» за лоцманским челноком. Вот еще поворот. Лоцман предупредил, что будет ворочать вправо, и несколько раз крикнул: «Тургеник! Тургеник!» (Скорей! Скорей!) Щепин уже привык доверчиво подчиняться указаниям юкагиров. «Красный охотник» прибавил ход до полного. Сильный толчок отбросил капитана от штурвала к задней переборке рубки. Щепин ударился головой о ребро койки механика, но успел заметить, как сорвавшийся от сотрясения гик паруса пролетел над палубой. Гик ударил матроса Осадченко по спине и сбросил его за борт...

Шхуна «Красный охотник» с полного хода врезалась в отмель: сильное течение ударило в борт, и когда Щепин выбежал на палубу, судно уже вплотную прижалось боком к отмели. Палуба накренилась так, что на ней стало трудно стоять. Шхуна легла на борт.

Щепин искал лоцманов глазами... И увидел: юкагиры пристали к берегу протоки. Вот они подняли челнок и, даже не взглянув назад, скрылись в кустах.

Попытки сняться с мели не дали никаких результатов до позднего вечера. Тем более, что работать могли только двое: капитан и механик. Осадченко лежал на койке и стонал. Зельянос и Щепин окончательно переругались между собой. К вечеру у левого борта нанесло целый бугор песка. Ночь прошла в тревоге. Капитан и механик спали вполглаза. Карабины и револьверы были наготове.

Только около полудня на реке появилась целая флотилия челноков. Со шхуны в бинокль было видно: юкагиры плыли с женщинами и детьми, со всем домашним скарбом. Не дойдя полумили до шхуны, юкагиры высадились на берег. Через полчаса перед глазами встревоженных, ничего не

понимающих капитана и механика вырос целый поселок. Юкагиры построили восемь тордох — палаток из оленьих шкур — и тотчас же задымили костры.

Наконец, из поселка вышел на реку челнок. Щепин поглядывал на человека, который греб, и длинно выругался. Человек был одет в гимнастерку красноармейца, на голове у него ярко зеленела военная фуражка. Пограничник подходил к шхуне, держась к ней все время лицом. Когда челнок был уже в нескольких саженьях от борта, пограничник затормозил веслом и крикнул:

— Какая шхуна? Понимаете по-русски?

— Да мы—русские!.. Кооперация! — отчаянным голосом ответил Щепин. — «Красный охотник» из Колымска!

Пограничник отошел под корму шхуны, чтобы прочесть ее название. Потом пристал к борту и поднялся на покачую палубу. Механик и капитан суетливо помогали красноармейцу привязывать челнок, наперебой рассказывая:

— Дикари нарочно посадили на мель! Теперь здесь и зимовать придется! А мы ничего плохого не сделали.

Пограничник молча смотрел на обоих спекулянтов серьезными черными глазами. Безусое и безбородое лицо с приплюснутым носом, слегка раскосые глаза выдавали в нем якута.

— Тохто! Подождите! — сказал пограничник сразу по-якутски и по-русски. — Кто из вас капитан? Покажите ваши документы!

Вахтенный журнал и свидетельство о плавании оказались в порядке. Но в моторном отделении весь угол был заставлен мелкой стеклянной посудой. В некоторых бутылках тускло поблескивала жидкость.

— Спирт? — спросил пограничник. — А зачем?

— Может, выпьете! — заторопился механик.

— Зачем везли, спрашиваю? Кому везли?

— Так, для разных надобностей, — ответил растерянно Щепин.

— А менять пушнину на спирт предлагали? — в упор спросил пограничник.

— Ничего...

— Полно врать, — перебил красноармеец, — свидетели есть. И почему вы не подняли советского флага? Тоже свидетели есть, как вы его прятали за пазуху. Спирт весь

собрать и сдать мне! Я опечатаю. В Усть-Хроме найдем куда его употребить.

— Еще придем ли в эту Усть-Хрому, — подавленно ответил Щепин.

— Должны притти. Вы были задержаны юкагирским пограничным отрядом за попытку торговать спиртом.

— Каким отрядом?! У нас никто не был...

— Вот этим отрядом, — сказал пограничник, выходя из рубки и показывая рукой в сторону палаток. — Здесь вся деревня Тал. И все жители деревни приняли участие в задержании подозрительной шхуны. Вы пришли в советские воды без советского флага. Очень ясно показали, что пришли сюда выменивать пушнину на спирт. С вами разговаривал Василий Данилов, уполномоченный деревни Тал. Тогда решили срочно послать за мной в Усть-Хрому и шхуну задержать до моего приезда. Меня зовут Иванов, я красноармеец и командир этого отряда. Каждая деревня на берегу моря — вооруженный отряд!

Через два дня усиленной работы «Красный охотник» снялся с мели и пошел вверх по реке к Усть-Хроме. Теперь шхуне не угрожала больше опасность. Шхуну вели хозяева края — советские граждане — юкагиры и тунгусы.

Глава девятая

О КАДРАХ

К началу империалистической войны 1914—1918 гг. их было, в общей сложности, около 2 000 человек.

Блондины и брюнеты, толстые и тощие, от полусумасшедшего отпрыска царствующей фамилии до гладенького тихонького подхалима из выводка протоиерея дворцовой церкви, внешне часто очень не похожие друг на друга, но все и всегда из числа записанных по «шестой, бархатной» книге дворянства империи российской.

Они монополизировали вождение боевых кораблей императорского русского флота, сделав этот флот сытной и долговечной кормушкой племени морских офицеров.

Тайны военно-морского ремесла — от командования сторожевым кораблем до управления в бою эскадрой из нескольких десятков вымпелов (а каждый вымпел это — тысяча человеческих организмов, особо выдрессированных для управления какой-либо военной машиной, часто не менее сложной, чем мозг человека) — хранились в недрах специальных офицерских классов и военных академий в порядке нарастающей секретности.

Русский флот скачками — как бракованная лошадь — усложнялся и рос числом своих кораблей.

И в то же время катастрофически уменьшались кредиты, отпускаемые морским министерством на дальние, заграничные плавания кораблей.

Теперь уже не только теоретические знания, но и ко-

мандирский опыт становился достоянием немногих счастличиков, которые очень часто даже не могли воспользоваться своей удачей: близорукий рахитик из богатого княжеского рода фактически сдавал корабль в аренду старшему офицеру или вахтенному начальнику на время каждого ответственного маневра судна.

В империалистическую войну, жестокою логикой событий, на посты командиров новых быстроходных судов выдвигались зачастую офицеры вне зависимости от чинов и рангов. Это были заядлые, закоренелые карьеристы.

Они могли фрондировать против Гришки Распутина и дворцовой камарилы, но — и это чрезвычайно характерно — кают-компания именно тех кораблей, на которых портреты царя и царицы носили с оборотной стороны оскорбительные надписи (тоже... «революционеры», с позволения сказать!), опустели с началом революции в первую очередь.

Технический блеск конструктивных приспособлений, которые имела, например, белогвардейская флотилия на реке Каме в 1919 году, с несомненностью доказывал, что все эти так называемые «младотурки» русского флота переметнулись на сторону контрреволюции в числе первых и включились головными звеньями в позорный конвейер бесконечных обозов Деникина, Юденича, Врангеля.

Красной армии и матросским отрядам, на многочисленных водных артериях России, с первых месяцев гражданской войны противостояли очень крепкие — в отношении технической выучки и профессионального мастерства — речные флотилии контрреволюции.

Достаточно указать хотя бы на тот факт, что к лету 1919 года в Красной Волжско-Камской Военной флотилии было всего лишь... семь человек морских офицеров, из которых только двое могли считаться кадровыми по старому флоту.

Корабли надо было вооружать. Надо было эти же корабли, с еще непросохшим суриком под только что установленными орудиями, посылать в бой.

А бой — в те великолепные дни — гремел и сверкал совсем рядом с базой красных флотилий — Нижним-Новгородом, и снаряды белогвардейских четырехдюймовок едва

не залетали в парк, лежащий на мысу, отделяющем Оку-реку от Волги.

В городе Нижнем в трехэтажном кирпичном здании с выщербленными полами, в простуженных от вечных сквозняков комнатах, толпились загорелые, широкоплечие люди, очень разнообразно одетые (на бескозырке георгиевская лента с надписью «Строгий», серые клетчатые брюки, бушлат из небесно-голубого сукна и на левом рукаве штат комендора), занесенные в книгу Великой Революции под рубрикой — матросы.

Кирпичное здание служило переходящими казармами матросских отрядов.

Морских офицеров не было.

Были — матросы.

Революция требовала боевых и боеспособных кораблей.

В угловой, насквозь проплеванной и махоркой продышанной комнате эти исходные данные для решения некоей — мирового порядка — задачи еще раз были взвешены некоей отборочной комиссией...

Помню, снизу, от реки, доносились воющие гудки пароходов: кого-то провожали на фронт. Уходили корабли! Значит, кто-то их вел. Значит, командного состава оставалось еще меньше!

Решение комплекционной задачи было просто и бесспорно.

— Подходи, братва, в черед!..

— С какого корабля? С «Рюрика»?! Так. Специальность? Рулевой унтер-офицер?! Прекрасно. А как звали по отчеству старшего штурмана? Петрович, а не Семенович? Ага! Так, верно. Сколько лет плавал? Четыре года! Получай бумажку: катись на первый дивизион кан-лодок штурманом. Следующий! И сам вижу по штату, что комендор! Откуда? С «Полтавы»?! Башенный или плутонговый?! Ага! От противоминной артиллерии! Так! А когда бывает клиновой затвор у «каневки» (пушки, системы Кане). Никогда?! Ладно. Да ты не обижайся: всякому лестно в пушкари заделаться, беляков глушить. Это что? Часы? За отличную стрельбу?! Сказал бы, годок, сразу! На «Грозящий» старшим артиллеристом! Возьми предписание, товарищ!

В два дня было отобрано несколько десятков достаточно хорошо подкованных технически, пламенеющих классовой ненавистью товарищей командиров именем Революции...

Из них потом вышли победоносные флотоводцы, талантливые операторы, искусные командиры больших военных портов.

Ошибок не было, потому что в основе комплектации лежал классовый отбор: в нижегородские казармы сами пришли только те, кто хотел сложить голову за Революцию.

Плохо обстоит дело с кадрами ответственных работников на дальнем севере. Буквально каждый градус долготы, пройденный по побережью Восточно-Сибирского Полярного моря, являет новый пример совсем ненужного человека на нужном месте...

Специальная учеба нацмен в учебных заведениях далекого отсюда центра дает очень незначительный процент работников, возвращающихся обратно, в родные места.

А стройка непрестанно идет, подраиваясь в темпах к многомильным шагам пятилетки.

Значит, на основе классового отбора надо развернуть возможно более широкую политучебу здесь же, в тундре.

Инструктаж отдельных якутов—пограничников Ивановых уже дает крепкие, насыщенные подлинной мобильностью погранотряды береговых селений.

Инициативные работники в риках и наследных советах должны сами обучать административные кадры заполярной тундры.

Аполлон Неустроев с гордостью рассказывает о том, что один из его знакомых — юкагир тов. Н. Спиридонов — давно учится в Ленинграде, в Институте Народов Севера. Пишет—много и хорошо учится. Надо учиться! Надо учиться!!

Но север требует крепких, знающих людей не в качестве своих представителей для центра, а здесь же, в заполярье...

Тундра должна сама для себя и своими средствами вырастить большевистские кадры.

Примечание. Тов. Н. И. Спиридонов в мае 1934 года получил звание кандидата экономических наук. Тов. Н. И. Спиридонов — первый юкагир-ученый. Он родился в 1906 году, в 1929 году окончил Ленинградский университет имени тов. Бубнова. Дипломной работой тов. Спиридонова была диссертация на тему «Формы эксплуатации юкагиров с XVIII века до Октябрьской революции».

ПУДРА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перед отъездом захожу навестить жену учителя Николаева. Как живет она в этом, по словам ее мужа, восстановленном поселке?.. Елена Михайловна Николаева живет недурно. Повидимому, у нее не вызывает угрызений совести ежедневное получение нормы, теоретически рассчитанной на месяц.

Семилетний Юрка — сын учителя — уже внешним своим видом подчеркивает обеспеченность продовольствием его жилища. Мальчуган, краснощекий, плотный, неотрывно сосет — как медведь лапу — большой кусок сахара. Рубашонка спереди засалена, в складках рубашки Юры прилипли куски недоеденной лепешки.

Елена Михайловна — креолка — дочь чистокровного якута и полукровки; отец ее матери (дед) был русский, мать (бабушка) — якутка. Учитель Николаев — якут.

Мальчик исключительно капризен. Игнорируя чужого, не позволяет матери спокойно посидеть хотя бы минуту. Юрка дергает мать за волосы, закрывает ей рот ладонью, с упрямой требовательностью лезет на колени только для того, чтобы немедленно скатиться на пол.

Дети северян по преимуществу очень спокойны. Мне до сих пор не приходилось слышать детский плач в тундре.

А сегодня этот пеклеванный как будто старается наполнить мои уши грузом всхлипываний и стонов на многие дни авансом, вперед.

Елена Михайловна — уголками приподнятые брови делают ее лицо постоянно изумленным, а надежно присохший на левой щеке струпик безвременно и трагически погибшего комара свидетельствует, что она и сегодня позабыла умыться, — старательно выставляет свое полукровное происхождение.

Жалуется на тяготы жизни с тунгусами, которые «почти как дикие», на отсутствие культурных удовольствий и культурных связей...

Эти связи Елена Михайловна упоминает несколько раз, с очевидным удовольствием смакуя привычное слово.

— Это вы, собственно, о чем?!

— Ну, как же... как будто сами не знаете? — кокетничает Николаева. — Почта, телеграф, телефон, новая связь — как телеграф и телефон вместе: радио. Мой папа был почтовым чиновником.

Разговор наш, разбросанный и путанный, звенит, как нескладно подобранные бубенцы лошадиной сбруи.

Елена Михайловна весьма интересуется моими товарищами. Вернее, одним из них — Ивановым.

— Ведь он военный. Ах! Я видела много военных в городе Якутске. Они всегда такие красивые и гуляют с музыкой.

Елена Михайловна расспрашивает — зачем сюда Иванов приехал; и как долго будет жить в Конноре; и даже — имеет жену пограничник или нет.

Она говорит и прыгает сорокой около костра, над которым в котле варится олений окорок.

Жена учителя весьма радушно, однако не забывая манерничать, накрывает на стол. У нее есть даже молотый перец!

— Вы перец любите кушать? — любезно спрашивает Николаева, пододвигая ко мне коробочку.

— А я тебя ищу, тогор, — говорит и садится рядом вошедший в палатку Иванов. — Когда думаешь ехать дальше?

Елена Михайловна, не убирая с лица улыбки, только наполнив ее каким-то новым, чисто женским содержанием, продолжает накрывать на стол.

Перед Ивановым поставлена эмалированная тарелка. Из котелка вынут олений окорок. Елена Михайловна кладет оленину на тарелку Иванова и, опустившись на корточки, застывает в благоговейном созерцании пограничника.

— Мой мужчина тоже хочет есть мясо! — раздается за нашей спиной голос Марии Георгиевны Забоевой. Докторша разрезает мясо и кладет половину на мою тарелку.

. . . . .

Челноки выходят по узкой протоке в многоводную, широкую реку. Яна! Она лежит как плотная, в чешуйчатой броне, свежая белорыбица между колюшки и пескарей — сбежавшихся отовсюду проток и притоков.

Ватагу озорных молодцов-кудрявичей — широкогрудых валов развел на реке понизовый ветер.

Частой сеткой тончайших штрихов затянул дождь перспективу дальнего берега. Надо подождать выходить на реку. В Казачье подыдемся завтра, когда уляжется волна.

Дневка назначается в клубе Устьянской рыболовной артели.

Устьянск — бывшее селение.

Каждое лето река откусывает у берега двести-триста метров черных обрывов. Сначала люди переносили свои дома все дальше, в глубь долины. Потом начали выселяться в село Казачье, 28 километров вверх по реке Яне.

В Устьянске осталось четыре жилых дома, несколько амбаров бывшей здесь ранее фактории, клуб.

В поисках сухого места в этом клубе забираемся на сцену. Да, если на сцене установить палатку, под ней можно будет укрыться от дождя.

Так и делаем. Бревенчатые стены здания хранят в себе недвижимый квадрат воздуха. Полотнища нашего жилища, привыкшие к ветрам морского побережья, застывают в растерянном недоумении.

Яна...

«Елисей Буза — казачий десятник — был отправлен из Енисейска в 1636 году для того, чтобы осмотреть реки, текущие в Северный Ледовитый океан... Дойдя до Олекмы (на р. Лене), Буза перезимовал и в 1638 году достиг устья Лены, а отсюда морем добрался до реки Оленек. Елисей Буза в 1638 году, плывя из устья Лены по Ледовитому океану, открыл р. Яну, дошел до реки Чендона (Шадронь)...» (Д. Садовников. «Буза. Наши землепроходцы». Москва, 1874 г.).

«В 1712 году казак М. Вагин из реки Яны направился Ледовитым океаном к северу для отыскания земли, виденной Я. Пермяковым. Потерпев неудачу на море, он отправился зимой по льду и достиг Б. Ляховского острова. Пер-

мяков и три его товарища были убиты своими же людьми, воспротивившимися перенести лишения». («История плавания россиян». «Сибирский Вестник», 1821 год, стр 15—19).

Из личного состава Великой Северной Экспедиции 1733—1774 года (под командой В. Беринга) на якутском побережье работали Прончищев, Лаптев, Челюскин, Ласиниус.

«В 1735 году, в Якутске, когда был здесь Беринг, были построены две дубель-шлюпки «Якутск» и «Иркутск». На первой из них отправился лейтенант Прончищев с предписанием плыть морем из устья Лены на запад до встречи с Овцыным (сотрудник той же экспедиции, шедший из устья Енисея на восток), а на второй был отправлен Ласиниус с приказанием плыть морем из устья Лены на восток и затем через Берингов пролив войти в Великий океан.

2 августа оба судна прибыли к устью Лены, 8-го вышли в море и 9-го — расстались.

Ласиниус вскоре встретил на своем пути столько препятствий, что в 120 верстах от восточного устья Лены принужден был укрыться в реке Хараулах на зимовку. К весне среди путешественников развилась цынга, так что из 52 человек осталось в живых лишь 9. Умер и сам Ласиниус.

Начальником экипажа после этого был назначен Дмитрий Лаптев.

11 августа (1736 года) Дм. Лаптев направился от устья Лены на восток, он был окружен льдами и 22 августа возвратился в реку Лену.

29 июля 1739 года Дм. Лаптев снова вышел из Лены на восток, 11 августа добрался к устью Яны и 15-го — пришел на Св. Нос.

Вскоре однако судно окружили льды и унесли в море, где оно и было затерто. Лишь 20 сентября сюда явились по льду якуты и сообщили, что рукав Индигирки находится в 150 верстах. Участники экспедиции пешком перешли на берег». (А. Соколов, «Северная экспедиция 1735—1744 гг. Записки гидрографического департамента Морского министерства», 1859 г., часть 9. «Морской сборник», 1856 год, том 25, № 23).

В 1902 году в районе острова Беннета (к северу от

устья р. Яны), пытаюсь дойти до материка на кайяке (байдарке), погиб исследователь Э. Толль.

Для выяснения судьбы Э. Толля в следующем, 1903 году Академией наук была отправлена поисковая экспедиция.

«4 января 1903 года сотрудники поисковой экспедиции прибыли в село Казачье на реке Яне. (К этому времени из бухты Тикси в Казачье был уже переведен по зимнему пути на санях вельбот с парохода «Заря». Вельбот — открытая шестивесельная шлюпка военного образца.) На вельботе «Зари» экспедиция достигла острова Котельного, отправив две партии на острова к юго-западу и к востоку. 4 августа экспедиция была на острове Беннета, где нашла стоянку А. Э. Толля и три записки, из которых видно было, что А. Э. Толль прибыл на остров 21 июля 1902 года и 26 октября того же года выехал на байдарке к югу. Из этой поездки А. Э. Толлю уже не суждено было вернуться» («Предварительный отчет начальника экспедиции на землю Беннета для оказания помощи барону Толлю». «Известия императорской Академии Наук», т. 20, 1904 г.).

За последующие годы через село Казачье проходил ряд научно-исследовательских экспедиций. В 1930 году на Яну прилетел гидросамолет под управлением пилота Кальвица.

Низовья реки достаточно полно обследованы и занесены на планы и карты.

Однако фарватера, удобного для судоходства, до сих пор не найдено.

Отмели, закрывающие вход в Яну с моря, пугали капитанов судов, шедших вдоль побережья.

Существовал одно время проект сооружения особых маломерных судов для каботажа в Яну, но этот проект был забыт.

«ЭТНОГРАФИЯ»

— Оксе! Сатана! Турпан! — возмущенно говорит Мария Георгиевна, бросая книгу... — Оксе! Тогор-испидисси! Ты что пишешь?

— Рабочий дневник, Маруся: где шли, что видели, сколько метров глубины в реке. У меня тут целая бухгалтерия!

— А ты не врешь?

— То есть как? Зачем же врать?!

— Нет, ты действительно свою морскую бухгалтерию пишешь? А может быть, о нас — якутах, тунгусах и юкагирах — пишешь?

— Посмотри сама, дорогой товарищ доктор: одни цифры. Глубины, направления; вот здесь — температура воздуха и какой ветер.

— Оксе! Ты не сердись! Я на тебя не обиделась. Вот на эту книжку обиделась! Зачем так пишут — слушай! И ты, Неустроев, слушай. Оксе!

Грудным низким голосом, тщательно выговаривая слова, Забоева читает:

— «...Мне кажется, что переживания человека в моем положении не лишены интереса. Уже в Ленинграде, спустя 2 года, я читал записки политических заключенных, осужденных на одиночное сидение в камерах.

Меня поразило совпадение переживаний. Собственно, кем я был, как не узником, одиночником, добровольно заключившим себя в тюрьму, называемую тайга...

Со мной, правда, были люди, но психология их для меня была чужда. Они меня интересовали, как объект для изучения, но я не мог с ними говорить, о чем мне хотелось, не мог делиться своими чувствами». Вот! Это был тоже испидисси! Верно! Значит мы — северные люди — для вас, испидисси, не люди, а только «объекты»! — и Мария Георгиевна сердито ударяет книжкой по столу.

— Да ведь это кто писал!? Сто лет назад, какой-нибудь старорежимный ученый, академический сухарь!

— Что такое объект? — спрашивает докторшу Неустроев.

— Все равно — камень; или все равно — зверь, на которого можно только смотреть или только его щупать. Говорить с ним нельзя, — отвечает Забоева, — и совсем не сто лет назад, тогор испидисси, напрасно своего товарища защищаешь... Вот смотри: «Молодая Гвардия. Издание 1930 г.».

— Позволь, кто написал эту книгу? О ком?

Я протягиваю руку, но доктор не отдает мне книгу.

— Написал какой-то Попов Н. П., называется «В поисках тунгусской столицы», и он написал, как было с ним в

1928 г. Я всю книжку прочитала. Вот, совсем больной человек. Зачем только посылали? Вот, слушай!

И Забоева продолжала читать:

«Трудно рассказать о всех злоключениях, выпавших на мою долю. Ходить на лыжах с распухшей и налившейся гноем рукой было сплошное мучение. Голова кружилась. Я постоянно падал. Подниматься без помощи Василия не было никакой возможности. В чуме начиналось второе мучение. Нужно было как-то снимать с себя шубу. А как ее снять, когда рука почти не проходит в рукав? И вот сажусь на корточки и начинаю медленно выводить руку из шубы. Встать нельзя, потому что мешает низкий свод чума».

— Тохто! Тохто! — прерывает юкагир с громким смехом. — Я знаю: чум — это тордоха. Зачем он ходил в одежде? Почему не снимал шубу снаружи? Всегда так делают. Тогор, он что — поп? Это поп одевал сверху широкую одежду, чтобы войти в церковь.

— Нет, он этнограф, — сообщает Забоева. — Это такой человек, который изучает, как другие люди живут.

— Значит, ученый?! Зачем же этот испидисси не разговаривал с людьми, которых он изучал?!

— Тохто, Неустроев! Слушай, я дальше читаю: «Однажды, задыхаясь от дыма и тяжелого меха, закрывшего мне лицо, я потерял равновесие и упал в костер. Меня моментально подняли. Ни лицо, ни руки не пострадали. Обгорела только немного шуба».

Доктор и Неустроев заливаются дружным смехом.

— Ох! Ха-ха! Ох! Ха-ха-ха! Очень смешная книжка! Совсем веселая книжка! — выкашливает со смехом Неустроев.

Мне удастся завладеть необыкновенной книгой. Действительно — описание путешествия советского этнографа в район Подкаменной Тунгуски (бассейн р. Енисея). Действительно, издание «Мол. Гвардии» 1930 года.

Книга загружена совершенно ненужным и манерным «психоложеством», которое с большой пользой для автора можно было бы не отдавать в набор. Привожу из нее некоторые, наиболее эффектные места.

Автор рассказывает, как в порядке исполнения возложенной на него работы он забирался в спальный мешок и там его мечтательность доходила до галлюцинаций.

Но о чем грезит советский этнограф?!

«Вот я сижу в Ленинграде, в том учреждении, в котором работал до отъезда в Сибирь. Весна. Вечер. В комнатах пусто. Я диктую машинистке статью. Нервные пальцы бегают по клавишам. Стучит каретка. Шуршит вынимаемая бумага.

— Можно отдохнуть немного?

— Пожалуйста!

Машинистка оправляет гребенки в коротко подстриженных волосах.

— Допечатаю и пойду в кино. Вы проводите меня?

— Конечно...

Мы умолкаем... Весенний ленинградский вечер светится в окно» (стр. 175).

Или еще:

«В этот вечер я пережил настоящую галлюцинацию. Ничего подобного не приходилось мне испытывать ни до этого, ни позже. Не знаю, сон ли это был, дрема ли, или видения наяву? Опять дребезжащий музыкальный стон разлился по тайге. И вот я иду по бывшему Невскому. Часы Публичной библиотеки показывают 8 часов вечера. У гостиного двора толпится народ.

Ходят боты, ходят серые
У гостиного двора
И сама собой счищается
С мандаринов шелуха...

Откуда это стихотворение? Под подъездом «Музыкальной комедии» висит мутно-белый фонарь. Захожу в вестибюль. У кассирши розовый маникюр на пальцах. Слышу треск отрываемого билета. Тяжелая портьера у хода в зрительный зал. Полумрак в театре. Оперетта уже началась. Я ни в какой степени не обладаю ни музыкальной памятью, ни способностью петь. Но тут, сидя в чуме, клюя носом в колени, я с удивительной точностью переживал все три акта «Марицы». Я говорил то, что полагалось говорить артисту, и пел то, что нужно петь. Когда я очень увлекался, девицы и Данилка удивленно спрашивали:

— Друг, друг, чего это такое? Молишься, шаманишь?!

Я замолкал. Утыкался носом в колени. Натягивал на глаза шапку» (стр. 183)...

Мария Георгиевна и Неустроев занялись, повидимому, интересным для них обоих разговором.

Юкагир отложил в сторону пластинки мамонтовой кости, из которых он делал ножны, и горячо доказывает что-то доктору.

Николай Кочкин спит в углу, накрывшись с головой за-
ячьим одеялом.

Выхожу из клуба, иду к реке, чтобы проветрить голову.

Глава десятая

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

С берегового обрыва — предательски мягкого, ежеминутно готового осыпаться — видна только половина реки.

Поднятые ветром короткие волны — как рыцари в перистых шлемах — бегут и бегут нескончаемыми цепями. Дождь измелечал, обратившись в мокрую пыль. Не видно даже намека на прояснение в ближайшие часы.

Река живет своей, еще нерассказанной человеку, жизнью. Еще никогда пароходный винт не тревожил воды реки Яны. Подводные коряги давно наточили свои зубы. Отмели тща тельно расстелили свои мягкие ловушки.

В союзе с морем, всегда имеющим наготове свои танковые батальоны — нагромождения льдов, — река Яна готова к отражению нашествий пароходов.

До сих пор от Казачьего вниз по реке, к морю спускались только челноки якутов и тунгусов, шли как плоты — неуклюжие плоскодонные карбасы русских поселенцев; раз в десять лет недовольно урчал мотор какой-нибудь научной экспедиции.

Река много лет подряд вела упорную и победоносную войну с берегом. В половодье, вздуваясь прожорливым удавом, река ложилась на отмели во всю ширину русла — от края до края, слизывала целые полосы мягкого торфяного берега, торжествуя вынося в море многолетние деревья, как полагается выносить покойников: комелем вперед.

Потом, уже израсходовав весеннее бешенство, внешне

спокойная, даже как будто утомленная, река все-таки продолжала свою разрушительную деятельность.

Весенним штормом воды в берегах оголялись полосы чистого льда, прослойки вечной мерзлоты, залегающие на глубине полутора метров от поверхности земли.

В течение полярного лета река впитывала теплоту солнечных лучей, чтобы освободить ее, уже в виде испарений, для своего рода химической атаки против исконного врага — берега.

Слой мерзлоты, нагреваемый и сверху — через землю — и сбоку — в плоскости открытого разреза, — смягчал, увлажнялся, потел тысячами ручейков.

И тогда сила тяжести — будто лом, поднимающий каменную плиту, — начинала сталкивать верхний слой земли к реке.

Травяной покров берега лопался. Как с ледяной горы на салазках — скатывался в реку очередной кусок берега.

Низкорослые, чахоточные лиственницы покорно отступали еще на десяток метров в сторону от воды только затем, чтобы в следующий год стать жертвами весеннего разлива.

Серая река окраена полосами крупной черно-желтой гальки. Это еще не песок. Это — первая производная от камня на пути к созданию морского песка.

Река пустынна. Как во времена Елисея Бузы и служивого человека Вагина!

Слишком рискованно выходить на реку в такую погоду. Да и некому: промысловые угодья рыболовецкой Устьянской артели находятся много ниже, в 16 километрах, около Тубуттаха.

Пустынна река. И мокреть, пропитав шарф, начинает выпускать свои холодные щупальцы дальше, вниз по спине.

Неуютно...

— Цы... ы!.. Ух!... Олот!!.

Очень издали, с трудом пробиваясь сквозь завесу влаги, доносятся ритмичные звуки.

— У... у...ем...ня!! Ючи!!.

Кто-то поет. Если пригнуться к воде, — как будто видна черная полоска около середины реки. Голос делается слышимее. Это песня. Знакомая песня!

— Айся!.. Шше!.. Аш!..

Вот сверкнули хирургической сталью мокрые лопаточки

весла. В челноке — один человек; он пересекает наискось реку, гребет сильными короткими рывками; в такт гребкам кричит песню:

И! Не!.. На!.. Прас!.. Но!..
Мы!.. Тра!.. Тим!.. Си!.. Лы!..
Не даром молотом стучим!!

Голос мужской, звучный, полнокровный. В песне не слышно акцента.

Человек одет в меховую пестро вышитую спереди рубашку. На голове спортивный берет. Из челнока высвобождается ружье.

Течение заметно сносит челнок. Гребец правильно это учитывает: он пересекает главную струю фарватера, затем поворачивает вниз по реке и гонит челнок под острым углом к берегу.

Должно быть, кто-либо из работников кооперации или райисполкома. Иду к месту, где челнок должен пристать. Галька скрежещет под ногами, как зубы тревожно спящего человека. Гребец виден мне теперь сзади: на голове у него не берет — просто кепка одета козырьком назад. Вероятно, для того, чтобы удобнее было смотреть. И на меховой рубашке — не вышивка. Что-то похожее на ожерелье. Лоскутки: белые и темные; или камешки.

Человек последним ударом весла выбрасывает челнок на отмель. Используя инерцию разбега, как опытный спортсмен, гребец прыгает на берег. Поворачивается к воде, вытаскивает челнок — и замечает меня.

Человек поднял руку — сначала только к виску, потом вверх, жестом искреннего приветствия.

— Иваныч! Огребай пять!

— Парфенков! Откуда?

— Из Верхоянска: грибы тебе привез. Здесь этой роскоши ни за какие деньги не купишь...

Парфенков начинает снимать через голову ликовинное ожерелье — связку белых сушеных грибов.

От этого движения у Николая Александровича падает кепка. Я вижу путаницу светлых волос и на самой макушке — окошечко лысины.

* Тогда наклоняюсь и целую в голову старого товарища.

Мои сантименты плохо рассчитаны: Парфенков больно

ударяет меня лбом в подбородок. Мы отскакиваем друг от друга — и, прежде чем нам обоим расхохотаться, Парфенков успевает повесить грибы мне на шею.

— Тебе больше к лицу! Ишь, всего перекосило!

РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПУТЕМ

— Очень просто, — рассказывает Парфенков, идя рядом со мной по дороге к деревне: — Ты уехал из Верхоянска в начале апреля. В первых числах мая — не помню: второго или третьего мая — получил я радиogramму — оказать тебе помощь; в случае надобности — присоединиться. Они там в Якутске, вероятно, думали, что у меня в кармане собственный гидросамолет имеется. Но главное-то — дороги размякли. Возвращаться в Якутск летним путем — сплошная каторга. Моя непосредственная работа — помнишь: распределение продовольствия в районах — окончилась.

Начал я справки наводить. Нет, не плавают вниз по Яне. И проводника-то не найдешь, и комары. И чорт в стуле!

Выходит — сидеть мне в этом Верхоянске, как арестанту в канатном ящике. Савва Тарасов выручил. Старик-якут. Он еще прежних ссыльных революционеров помнит. И крепко их память любит. Пришел ко мне Савва и рассказывает: полсотни лет назад какой-то американский корабль погиб в Ледовитом океане. И часть матросов с этого корабля добралась до устья Яны, потом и до Верхоянска. На следующий год несколько человек политических ссыльных — во главе их были товарищи Лион и Арцыбушев — тайком шлюпку построили и сплавились вниз по реке до самого Устьянска... Рассчитывали товарищи морем уйти в Америку. Отважные были люди! Может быть, и удалась бы им эта невероятная экспедиция. Однако в Устьянске задержали беглецов фараоны.

Как почувствовал я все это, так и не раздумывал больше. Товарищи политссыльные дорогу указывают! Следую за ними! Оставил я жену в епархии Верхоянской ликбезничать, снарядил шлюпку и очень благополучно в Казаچه приплыл. О чем и доношу, товарищ капитан.

— Значит, американцы были в городе Верхоянске.

— Определенно были, — подтверждает Николай Александрович.

— Лет пятьдесят назад! Ну да, в конце восьмидесятих годов погибла «Жанетта», корабль Де-Лонга. Только до сих пор известно было, что спаслись только две шлюпки: их прибило к устью Лены.

— Значит, спаслись три шлюпки. Наверное. В Казачьем даже речка есть — называется «Американский мостик». Да ты чего об американцах забеспокоился?

— Матрос Джон! Длинная это история, Николай Александрович. В тундре я нашел следы какого-то матроса Джона. Может быть и кроме партии Мельвиля спаслись люди.

— Погоди. Мы куда идем? Печка там есть?

И Парфенков останавливается перед тускло освещенными окнами клуба.

— Вот уже и пришли. Все есть. Это наша база.

ПОД ЗАНАВЕС

Двери в якутских домах—всегда на ременных подвесах—открываются тихо, без скрипа. Через невысокий порог шагаем в полутьму. Слева докрасна накаленная железная печурка и около нее фигура спящего человека.

Впереди... сразу даже не понять, что это такое?! Неглубокая сцена ярко освещена лампой. Видны драпировки кулис. Палатка с отвернутой полкой. На стуле сидит женщина и ласково гладит по голове мужчине, сидящего на полу.

— К последнему акту пришли. Не пора ли давать занавес, товарищи?! — насмешливо гудит Парфенков.

Женщина быстро поднялась. Я и забыл, что мы растянули на сцене от дождя палатку.

Неустроев вскочил на ноги и, не здороваясь с гостем, скользнул вдоль стены к двери — на улицу.

Кажется, мы действительно пришли... под занавес!

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

— Лампу зря поставили в палатке! Того и гляди парусина затлеет. Отчего подвес не сделали? Проволоки нет? Ни-

чего подобного, — говорит Парфенков, своим острым глазом успев заметить необходимый материал. — Вот здесь совершенно лишний кусок проволоки накручен, около трубы печки. Сейчас мы его — рраз! Теперь двойной петлею.

Парфенков, соединяя слова с делом, ловко мастерит подвес для лампы. Однако не в его обычаях оставлять других без работы. Николай Александрович посмотрел искоса на Забоеву, еще не успевшую оправиться от смущения, спросил по-якутски:

— Говоришь по-русски?

— Сеп. То есть: да! Конечно, говорю!

— Замечательно. Меня зовут Парфенков!

Докторша выпрямляется и, сделав обычное свое каменное лицо, снова пытаясь вернуть самообладание, говорит:

— Забоева... Мария Георгиевна!

— Прекрасно! Сходите-ка вы, Маруся, к Николаю Горхову. Это председатель артели — живет рядом с кооперативом. И принесите молока литра два. Только посуду не забудьте вымыть.

— Знаю, — обидчиво говорит докторша.

— Теплой водой мыть надо. Я тоже знаю, как вы все посуду моете!

— Хозяин! Э... э! Как тебя зовут?

— Николай Кочкин, — отвечает юкагир, улыбаясь, — я чай варю!

— И без тебя сварится! А вот дров поколоть надо бы.

— Ладно, — соглашается Кочкин.

— Теперь мы с тобой, Иваныч, декорацию эту уберем. Представление ведь уже кончено. А палатку расстелим на крыше. Ну, бери с того конца. Если на крыше расстелить — весь дом предохранять будет от дождя. И лампу к потолку подвесить можно. Как сами не догадались?! Э! Одень шапку-то. Голову замочишь.

Через полчаса наша база приобретает совсем неожиданный, вполне культурный вид. С потолка висит ярко горящая лампа. Парфенков заставил нас прибраться в помещении, расставить необходимую мебель вокруг печки.

Маруся замешивает в молоке лепешки — под неусыпным контролем Николая Александровича, который в то же время готовит из сушеных яиц и галет какой-то необыкновен-

ный пуддинг. Неустроев попытался было молча засесть в уголке, но и ему Парфенков нашел дело: разобрать все ружья и смазать керосином. Сейчас же! Почему шомполов нет?! Как нет?! А нож есть, дерево есть?! Сделать немедленно. Ружья должны быть вычищены и смазаны.

Работа идет весело. Будто всех нас омолодило присутствие командира заполярья.

— Товарищ начальник! — продолжает командовать Парфенков. — Сейчас тебе светло и за столом удобно. Можешь разобраться в записях и заодно нам вкратце сообщить, как обстоят дела. Сегодня — 28 июля. Торговый караван уже вышел по Лене из Якутска. Считанные дни остались. На полный ход надо работать! Ну, слово имеет...

Перелистывая страницы дневника, слепленные раздавленными комарами, я начинаю доклад о том, что сделал колхозный экспедиционный отряд.

Обследовано 52 озера. Сделан промер на этих озерах, кроки местности, сделана глазомерная съемка вдоль пути отряда.

— Рыбу смотрели?

— На всех озерах, где делали промер, рыба есть. Иногда неводили. Прошли галсовым промером реки в местах переправ. А все переправы лежат на одной прямой линии: Аллаиха — Устьянск.

— Ну и что же? Если, например, самолету придется лететь отсюда в Аллаиху?

— Посадочные площадки — через каждые пять километров. Ширина — километр, длина — километр, воды не меньше двух метров. Поплавками грунта не заденет.

— Это ладненько. Кто работал? Своих рабочих отправил в Аллаиху, что ли?

— Кто живет около озер, тот и работал. Колхозники. Члены охотничьих и рыболовецких артелей. У меня их здесь в книжке добрая сотня имен записана. Толковые ребята.

— Добровольно работали?

— Добровольно.

— Но ты им все-таки платил? За рабочее-то время?!

— Конечно, платил. По таксе рика — пятнадцать копеек с километра за одного оленя и кроме того, особо, за участие в промерных работах...

— Расписки брал?

— Брал.

— Не забудь в рике заверить подписи. И чтобы печать поставили. А то знаешь, хозяйственники такую муру разведут, что сам рад не будешь. Им хоть гору золота привези, а на двугривенный подай ведомость в пяти экземплярах, за тремя подписями. Значит с озерами все в порядке. Еще что?

— Нашли горный хребет, не помеченный на карте. Больше тысячи метров высоты. На хребте есть признаки железной руды и угля.

— Комбинат! Готовый комбинат за полярным кругом! И близко от берега моря?

— Двести километров.

— Это здорово! Теперь и порты и фабрики строить можно. Великий Северный путь техническую снабженческую базу займет... У вас, однако, с лепешками ничего хорошего не выйдет, товарищ Забоева: подошвы получают. Я положил вам пакетик соды. Забыли взять? Напрасно. Надо — пол-столовой ложки. Да, да, не бойтесь — не взорвется. Так ты говоришь, — не меняя тона, продолжает командир, — колхозники постановили назвать хребет Сталинским. Правильно. Из Булуна надо двинуть радиogramму ЦЕКА.

Я рассказываю о неизвестном американском матросе, который первым обследовал Темир Тас; о том, что указание Парфенкова на приезд в город Верхоянск спасшихся с парохода «Жанетта» моряков проливает свет на происхождение этого матроса.

Вероятно, и третья шлюпка «Жанетты», которой начальствовал лейтенант Чинн, добралась к материку. Одним из спутников Чинна, вероятно, и был матрос Джон, поселившийся в юрте кузнеца Богданова.

...Пуддинг вышел на славу. Николай Александрович не выдержал роли наблюдателя и сменил Марию Георгиевну около сковородки. Мне искренне жаль докторшу, провалившуюся на экзамене по кулинарии у строгого мастера Парфенкова.

И я начинаю повествовать о блестящей операции, сделан-

ной Забоевой трудно рожавшей женщине, об излечении «спящего» чуванца.

— А! Так вы докторша? Очень ждут вас здесь. В Казачьем всего-навсего одна акушерка и та совсем замоталась. Медика нет, а в Казачьем больше двухсот человек жителей! В Тубуттахском колхозе — 78 человек, в Устьянске — 54 человека.

— В Устьянске больных нет. Я уже спрашивала.

— Успели?! Это хорошо: я было думал, что вы по театральной части больше, — усмехается Николай Александрович.

— Думали, Забоева совсем дура! Совсем баба?!—вспыхивает Мария Георгиевна. — Вот! Пускай капитан расскажет!

Парфенков тянет обе руки вверх, торжественно протестуя:

— Чтобы я когда-нибудь против женщины дурное слово сказал — ни в какую. Ни за что! А насчет лечения чуванца — это вы, товарищ доктор, талантливо придумали. Подождите! Вот эти олады вкуснее будут: поджаристее. Давайте-ка я вам еще положу.

Уже поздно. Николай Александрович не любит зря тратить время. У этого человека, в любых условиях, жизнь вклинена в твердые рамки наиболее рационального использования времени.

— Надо спать! — командует Парфенков. — Завтра с утра выйдем в Тубуттах и Казачье; челноки есть и люди есть. Можно начинать обследование.

И, не ожидая нашего мнения, Парфенков производит размещение людей на ночевку.

— Мы с капитаном ляжем здесь, около печки. Сильно оба промокли. И одежду подсушить надо. Значит, мы и огонь ночью поддерживать будем. Кочкин, ложись рядом. А вы, — Парфенков обводит соединяющим жестом докторшу и Неустроева, — молодожены, ложитесь спать на сцене. Вам это место, кажется, понравилось.

— Мужчины всегда — как собаки, — возмущенно говорит Забоева, — очень любят жениться и других тоже женить! Мне никогда мужа не надо!

Мария Георгиевна, взяв свое пальто, собирается уходить.

Пробую выяснить недоразумение:

— Куда? Просто он не знал. Ну, извините его!

— Зачем извинять?! Ничего не надо! В кооперативе — большой дом. Жена приказчика меня к себе звала. У нее что-то болит. Прощай!

И докторша захлопнула за собой дверь.

АНЬДЫЩИНА

Заунывный тягучий перебор слов. И слова как будто русские; однако неожиданные ударения и придыхания делают их только с трудом понимаемыми.

Проснувшись утром, я не застал уже дома Неустроева. И жена заведующего кооперативом сказала, что доктор Забоева успела напиться чаю и уйти.

— Может, уехала? — сказала женщина.

Скользя по глинистым ямам, тороплюсь к берегу. И уже с оврага слышу однообразный — как стон работающей в корабельном трюме донки — мотив.

Поет Неустроев:

— Уж! какого ты меня Ва..с..сю... матери родила...

— Сама видишь... сама знаешь...

— Был я.. Ва..а..ся... подначальненький!!

Овраг делает поворот, и я теряю кусок песни...

— Пришло время раздобушка... расставатися...

— Нам с то...о... бо...о...ю!..

— Понужал то я.. Ва...а...ся... (это уже совсем отчаянным голосом!)... На... доезде!!

— Одногнездых своих... да... Ва... а... ся... я... кобелей!

Юкагир сидит на кочке, обхватив голову руками. Он слышал мои шаги, но как будто не желает их замечать.

Мария Георгиевна Забоева сидит в челноке. Из его носового отделения высовывается узел с вещами. Челнок повернут против течения, в сторону Казачьего.

— Вот хорошо, что ты пришел. Смотри: Неустроев — юкагир, а плачет, как русский мальчишка.

— Понужал то я на доезде!..

— Одногнездых.. сво... и... их... ко... бе.. лей!!.

— Тохто! Полоша! Слушай: капитан правильно скажет... тохто, слушай! Зачем нам жениться?! Много больных есть наших женщин и мужчин и русских тоже. Верно? Медиков совсем мало. Зачем мне делаться женой Неустроева?! Работы очень много. Медик не может жить все время в одной юрте. Если медики будут жениться — совсем плохо. Медику надо жить одному. Так надо.

— Когда солнце делает из льда воду, солнце тоже говорит: так надо. А лед совсем пропадает. В Бириляхском колхозе тоже люди есть, тоже доктор надо. Самому Аполлошке тоже плохо, как больной. Да... — говорит юкагир, глядя себе под ноги.

— Смотри, Неустроев: капитан имеет жену, там далеко, в центре, а работать надо здесь: и ездит один.

— А его жена сидит в его юрте, дома, и ждет, когда он вернется.

— Кимбиллер? (Кто знает?) — кого она ждет, когда муж далеко? — неожиданно лукаво спрашивает Маруся. — Ты работай, много работай. Маруся тоже много работать будет. Ты говоришь — солнце?! Разве солнце, когда уходит, — совсем уходит?! Не возвращается?! Глупый Полошка! — ожидай — да! — Маруся закидывает голову назад и, весело рассмеявшись, сталкивает челнок в реку.

Низкая журчащая, как горный ручей на камешках, якутская песня слышится нам ее последним приветом.

Неустроев ожил, — он вслушивается, вытянув шею.

Значит, хорошую песню поет Маруся, если так радостно светится лицо Неустроева...

И про «одногнездых своих»¹ забыл.

— Ибге! (Хорошо!) Ибге! Она говорит — хорошо: ожидай надо! — и, схватив мою руку, юкагир тискает ее обеими своими ладонями.

---

¹ «Аньдыщина» — песни старинных русских поселенцев, которые иногда поют и юкагиры, кочующие в районе устьев рек Индигирки и Алазеи.

Глава одиннадцатая

КАЗАЧЬЕ

Нахохлившись вороном, с встопорщенными, неприбранными перьями, на высоком желтом обрыве расположилось село Казачье.

Десятка три домов, как неоконченные срубы изб, без крыш, все на скорость и простоту. Окна-бойницы, без наличников; двери без приступок и навесов; трубы — в полметра высотой, только чтобы отвести дым от потолочного настила.

Приходили на кочах — открытых беспалубных шлюпках, сквозь барьеры ледяных полей и многомильную страду только волоком осиливаемых мелководий.

Оседали — вот здесь, на обрыве, — вороньем, тотowym одинаково жадно клевать и падаль, и живое еще мясо инородцев, — оседали только на время, только чтоб запастись на будущее мехами и серебром, «рыбьей костью» и золотом.

Городищу своему не трудились даже имя какое-нибудь надумать. Пришли и обсели казаки — так и слыть ему отныне Казачьим — передовым форпостом царей московских на путях к неведомым и богатым (обязательно богатым), чужим (обязательно чужим) землям...

Когда по Восточной Сибири и Приморью согнанные милостью царя-освободителя с насиженных своих земель (от земли мужиков «освободили» в первую очередь) селились по реке Амуру русские крестьяне — вырастали деревни: Сарапульская, Воронежская, Вятская...

Крепко держались за память о родных нивах обездоленные мужики.

Но служилые люди — добычники только затем и шли сюда, на дальний север, чтобы вернуться домой богачами, хозяевами беззаботной гульливой жизни.

В подчеркнутом презрении к местным обычаям и навыкам, идя против собственного удобства, не желали казаки поступиться даже мелочью своего туалета: здесь, на севере, носили широченные бумажные шаровары, неудобные и нелепые в краю, где зимой нужна человеку меховая одежда, чтоб лежала вплотную к телу; где летом в каждую складку одежды забиваются тучи комарья и гнуса.

Шаровары с мотней в добрый невод и посейчас еще встречаются на улицах села Казачьего.

Церковь — как старый облезлый шандал из-под сгоревшей свечи. Под новыми цинковыми листами — амбар Северопушнины, туго набитый ватниками и сапогами, рыболовными снастями, мешочками дробы, плоскими коробками — пороховницами. Над тюками мануфактуры развешано по стенам золото: пушистые, тщательно отобранные — волосок к волоску — первосортные песцовые шкурки.

Медпункт, кооператив (без очереди и без ограничений меры и веса: понадобился кусок полотна — можете взять штуку в пятьдесят метров длиной — нести удобнее); школа старая, новостроящийся интернат.

Оригинальное впечатление производят эти новостройки: фундамента в мерзлоте делать не принято, поэтому сруб, свежее обтесанный, желтый, как русское масло, лежит прямо на зеленом ковре тундры. И от этого кажется, что постройка не настоящая, в другое место предназначенная: выведут до крыши, а там — перекачат куда следует. Однако набор в казачинский интернат уже производится: с осени начнутся занятия.

Все село — оно по размерам не меньше города Верхоянска — имеет вид кочевья, недолгой стоянки, временного — для роздыха, что ли — поселения.

А между тем Казачье — старинная база колонизаторов. Именно отсюда двигались чиновники и научные исследователи к Ляховским островам, к неведомым «американским» землям, на Индигирку-реку, на Колыму.

И здесь же — в Казачьем — стоял полицейский кордон,

преграждавший дорогу из политической тюрьмы — Якутии — к морю.

Иван Петрович Белов гладит атласистую шкурку песка, меряет длину волоса на сустав пальца, говорит пренебрежительно: «Второй сорт!..»

И кашляет — долго, с надрывами, настойчиво противясь болезни, стремящейся вывернуть его легкие, словно пустой карман наружу.

Фактория доверху набита пушниной. Шкурки тщательно проветриваются на солнце каждый ясный день.

Уже третье письмо (с нарочным, по летней дороге!) получил из Якутска от своего начальства Иван Петрович Белов, заведующий факторией.

И, вероятно, уже вплотную к порогу третьей стадии туберкулеза подошел измочаленный болезнью организм Белова.

Но чуть заговорят только с ним о необходимости сдать факторию и ехать лечиться, — глаза Белова вспыхивают непреклонным упорством, и уже не по-русски — с мягким пришепетыванием, а на своем родном, якутском языке отвечает Иван Петрович:

— Сох! Надо сначала план перевыполнить! У меня вторая стадия, ладно, значит надо в два раза перевыполнить. Если будет третья стадия, значит в три раза больше плана надо Белову песцов собрать. Белов совсем не дурак: если кырса (песец) оставить — кимбиллер?! — кто знает, какой будет другой заведующий?! Сначала надо все шкурки сдать. Уже теперь наша Казачинская фактория план перевыполнила и побила Булунскую факторию. Кха! Кха!..

— И я тебя побил бы сейчас, — не выдерживает Парфенов, — если бы ты не был таким дохлым! Не человек, а белье застиранное!

— Кха! Кха! Смеяться много любишь...

— Вот тебе смешки и будут: как придет сюда пароход, самолично тебя в трюм запишаю, вместе с планами и с «кырса» твоими...

— Пароход! Это хорошо! Это совсем хорошо! — по-детски всплескивает руками заведующий факторией. — Как пароход сюда приедет, я сам пойду на пароход и буду

свистать в свисток. Я знаю: большой свисток! Я в Якутске слышал.

— Тьфу! — уже как будто и всерьез начинает сердиться Николай Александрович. — Мы к тебе за делом пришли, а ты, Петрович, как младенец свистку радуешься. У тебя на хранении барахлишко прежних экспедиций?! Показывай! Нам лют нужен свинцовый, настоящий!

— Свинец? Круглый большой кусок? Это есть. Но я могу его дать только под настоящую расписку и только на время. Я все должен сохранить здесь, до конца.

— Ладно. Мы и позаботимся, чтобы ты здесь своего конца не нашел. Идем в склад, чудило морское!

КАЗАЧИНСКИЙ РЕЙД

Неустроев работает на промере Казачинского рейда.

Юкагиру очень понравилось, что для измерения небольших площадей совсем не обязательно пользоваться особенно точными инструментами.

Достаточно иметь ноги и желание шагать этими ногами и коробок спичек в кармане. Неустроев обмеривает надводные отмели, в такт своим шагам громко подсчитывая:

— Вот вам раз! Вот вам два! Вот вам три!

Каждый десяток таких фраз отмечается надломленной спичкой. Одна спичка — 30 метров.

Аполлон Неустроев нашел себе товарища — Ивана Петровича Белова.

По вечерам, закрыв магазин своей фактории, Белов спускается к устью маленькой речушки Казачинки, служащей базой челноков промерного отряда. На возращения Парфенкова Иван Петрович отвечает решительно:

— Сох! Если бы якуты сами, отдельно, строили социализм, Белов мог бы лечиться. Тогда еще много лет надо было бы ждать. Тогда, может, сын или внук Ивана Белова начал бы по-настоящему строить. Сейчас социализм весь Советский Союз строит. Сразу на всей советской земле, значит, и на якутской земле — тоже. Значит, у нас — якутов — есть своя работа: вот мои песцы — чистое золото, и это очень важная работа для всего Советского Со-

юза. А пароходы для Якутии строит другой Белов, русский Белов, в центре.

И если пришли мерять реку большевики: сегодня меряют, завтра пароход придет. Не надо десять или сто лет ждать! Вот как делает советская власть! Потому что сразу все работают одно дело: и русские, и якуты, и юкагиры. Вот вам раз — смерили весь песок, и вот вам два — пароход свистит!

Иван Петрович смеется, машет рукой и начинает вышагивать по отмели.

На обороте каких-то залежалых ведомостей (бумажный кризис) вырастает своеобразная лоция Казачинского водного района:

«Казачинский водный район¹ — участок реки Яны от села Устьянска до села Казачье (административный центр района) — приобретает сейчас исключительно важное значение в связи с предполагаемым заходом коммерческих судов в реку Яну осенью 1932 года.

Расстояние по реке от Устьянска до Казачьего 28 километров. Яна в этом районе имеет ширину от полутора до двух километров. Река течет в северо-восточном направлении широким потоком и делает всего лишь один поворот, на двадцатом километре от Устьянска.

Река поворачивает с востоко-северо-востока на северо-восток. В точке поворота, у правого берега, выступает наполовину надводная отмель, общей площадью до одного квадратного километра. Фарватер, шедший до сих пор (до заимки Крестях) у правого берега, склоняется теперь к середине реки, чтобы еще через пару километров резко пойти вправо, к левому берегу.

Скорость течения реки, достигающая около Устьянска 4 км в час, в Казачинском районе увеличивается до 5 и даже до 5½ километров.

Казачинский рейд очень труден в навигационном отношении. Село Казачье лежит на взгорьях правого берега реки Яны. Высота обрыва правого берега от 50 до 70 метров. Почва торфяная, верхний покров — травянистый. В

---

¹ «Материалы к лоции Восточно-Сибирского Полярного моря». С. Абрамович-Блэк, Гидрография, ГУСМП, 1933 г., декабрь, Ленинград.

одном километре к востоку за селом — болотистая, кочковатая впадина. По окраинам впадины и дальше на восток и северо-восток, вдоль реки, — низкорослый, редкий лиственничный лес.

У южного конца села Казачье в реку Яну впадает река Казачинка. Ширина реки Казачинки 15 метров, глубина от 2 до 4 метров. Грунт вязкий, илистый, черный. К югу от реки Казачинки правый берег реки Яны зарос лиственницей, кустами полярной ивы.

Холмы села Казачьего осыпаются в реку. У самой реки полоса вязкого, зеленого ила, дальше — крупнозернистого красноватого песка, усеянного галькой. Галька преимущественно черная, из сланцев. Встречаются обломки кварца и крупнозернистого гранита светлой окраски.

Река против села Казачьего перекрыта рядом длинных отмелей, расположенных по направлению течения. Отмели, в значительной своей части, надводные. Грунт на отмелях илистый, вязкий: песок, смешанный с глиной.

Главных отмелей, хорошо показывающихся в низкую воду, три: Центральная — идущая по середине реки, длиной до 2 километров и шириною 200 метров; Восточная — расположенная от устья реки Казачинки, под углом 30 градусов к центральной отмели; длина Восточной отмели 500 метров, ширина — 60 метров; Западная отмель — длиной около 40 метров, шириной 50 метров. Между отмелями лежат узкие проливы глубиною от 50 сантиметров до 1 метра.

Центральная отмель с севера прикрыта еще Добавочной отмелью, похожей по своей форме на короткую лопатку. Площадь Добавочной отмели — около 1 кв. км.

Нижний конец добавочной отмели лежит против устья речки Кельсэна, впадающей в правый берег Яны. Ширина речки 10 метров, глубина 1 метр, грунт — серо-зеленая глина. Речка течет по оврагу со стенками высотой до 10 метров. Борта оврага поросли кустарником и низкорослой лиственницей.

Левый берег Яны в районе села Казачьего значительно ниже правого и представляет собой торфяные обрывы высотой от 50 метров. Верхний покров берега — густые заросли полярной ивы, ольхи, орешника. Встречаются заболоченные участки: кочковатые, покрытые травой.

Под левым берегом, против устья реки Казачинки — невысокий, заросший кустами мыс, выступающий в реку на 30—40 метров. Под мысом образовалась отмель веретенообразной формы, расположенная по направлению с востока на запад. Грунт отмели черный, вязкий. Длина отмели 100 метров, ширина 25 метров. Между Западной отмелью и Мысовой отмелью лежит пролив шириною 100 метров и глубиною 6—7 метров. В этом проливе река имеет течение повышенной скорости, примерно до 6 километров в час.

Движение каравана судов в этом проливе требует особой внимательности.

Струя воды отбивает суда к нижнему концу Центральной отмели, стремясь их выбросить на Добавочную отмель (в хвосте Центральной отмели).

Другой подход к селу Казачьему может быть осуществлен вдоль правого берега реки, однако не выше устья реки Кельсэна.

Второй фарватер отходит от середины реки влево к правому берегу, оставляя Добавочную отмель в 600 метрах к югу. Затем поворачивает вдоль восточной стороны отмели к берегу, на расстоянии от него 150 метров, и кончается якорным местом с глубиной $1\frac{1}{2}$ метра на траверзе р. Кельсэна, не дойдя до хвоста Западной отмели 500 метров.

Этот фарватер можно считать наиболее удобным для судоходства, и именно в районе устья реки Кельсэна предстоит в будущем расположить пристани и пакгаузы. Береговая полоса имеет здесь ширину около 100 метров. Грунт — песок и глина, покрытые крупной галькой. Дальше, к востоку, находится обрыв высотой 4—6 метров, поросший кустарником».

Это описание района Белов и Неустроев знают наизусть. Каждая цифра описания проверена сотрудниками отряда — Неустроевым и Беловым, их собственными ногами и лотом. Иван Петрович начисто переписал лоцию Казачинского рейда и вывесил ее у себя в комнате на стене.

Парфенков говорит одобрительно:

— С умом сделал, Петрович! Мы с капитаном — только единицы, разведчики. Если и пропадем, работа останется.

— Не надо,— подымает ладонь Белов.

— Да и мне пропадать не хочется,— соглашается Парфенков. — За нами идет армия советских строителей. Сеп-ту? (Понятно?) И для них вот, для строителей, которые придут на советских пароходах, должны быть готовы лоцмана. Ясно?

— Я — лоцман! и Аполлон — лоцман! и весь колхоз — лоцман! Верно? Кимбиллер? Белов завтра умрет: дело не умрет, верно?! Да, Кочкин приехал из Табуттаха: говорит, там завтра утром все рыбаки соберутся. Тебя и капитана ждут, совещание будет.

— Что ты мне раньше не сказал, Иван Петрович, мне бы Кочкина расспросить хотелось.

— Кочкину отдыхать надо: завтра опять с тобой вниз по реке ехать. Тебе, капитан, надо отдыхать и Парфенкову отдыхать. Кочкин кушал пельмешки и спать лег. Вот теперь жена даст нам пельмешки кушать. Много ешь — потом много спи. Силы надо.

ЯНСКИЕ ПОХОДЫ

Пельмешки катятся в желудок словно по конвейеру. Но разговор — сердитый и оживленный — не умолкает ни на минуту.

Перед нами очень трудная проблема.

И в прежние годы делались попытки наладить сообщение водным путем из устья реки Лены в устье реки Яны.

«В 1649 году служилый человек С. Булгаков, направившийся из устья Лены на Колыму, принужден был вследствие льдов и неблагоприятного ветра остановиться в устье р. Омолой.

Тронувшись в путь месяц спустя, Булгаков тем не менее до Колымы не дошел и вернулся обратно на Лену.

В пути он встретил восемь судов «с царскими слугами... и купцами» и, обогнув Св. Нос, увидел еще четыре коча, шедших с Колымы.

Все эти суда ветром были унесены в море, где и погибли: люди же спаслись на льдинах и со страшными муче-

ниями добрались до устья реки Индигирки» (П. Словцов, «Историческое обозрение Сибири», СПб, 1886 г. «История плавания из рек Сибири в Ледовитый океан» — «Сибирский Вестник», ч. 15—19, 1821 г.).

«Попытка достичь с торговыми целями Яны от Устья Лены была предпринята пароходом А. И. Громовой «Леной». 20 августа 1897 года «Лена» вышла в океан и, идя по двенадцать верст в час, к вечеру того же дня достигла мыса Борхая. 21 августа поднялась буря и затопила шедший на буксире баркас. Пароход изменил курс и достиг острова Макара, лежащего в верстах 50-ти на восток от дельты Яны. Отсюда «Лена» тронулась в обратный путь, не достигнув цели» (А. Бычков, Очерки Якутской области. Томск, 1899 г. Б. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности. Петербург, 1898 г.).

«28 июля 1908 года из Якутска отправился пароход «Север» (рейсировавший ранее по Байкалу, под именем «Иоанн Кронштадтский») к устью Лены и Колымы.

Владельцы парохода М. А. Мандалевич и К^о заключили договор с якутской администрацией на доставку 10 тысяч пудов груза до Булуна по 35 коп. с пуда и 3000 пудов до устья реки Колымы по 4 р. 50 коп. с пуда.

В связи с проектом устройства доставки товаров на Колыму через устье реки Лены был закрыт Ольский путь, обслуживавший Колымский край на протяжении свыше десяти лет. Попытка пройти к устью Колымы Ледовитым океаном не увенчалась успехом: «Север», выйдя в море, вынужден был сейчас же возвратиться в устье Лены» («Якутская жизнь», 1908 год. В. Николаев. «Якутский край», стр. 54).

— Подвел, значит, «Иван Кронштадтский», — говорит Парфенков, — и ведь как ловко: по одному только проекту уже прихлопнули Ольский тракт. И весь округ будто в мышеловке. Дохни с голоду во славу компании Мандалевичей! Но это все о морских переходах. А что, Иваныч, ты скажешь о реке, о входе в реку.

Мне не хочется сразу выложить то, что все эти дни стучит в моей голове.

Парадокс убедителен (и правдив) только тогда, когда он тщательно проверен.

— Экспедиции, которые здесь были, — а их было на

Яне несколько, — судоходного фарватера не нашли. Экспедиции обследовали все устье и из всех протоков сосредоточили свое внимание на Средней протоке и Правой протоке.

— Ага! Значит есть еще и левая! Да чего ты тянешь, Иваныч! Возьми вот перчику к пельмешкам! Хороший перец! Может, живее дело пойдет?!

— Я по порядку. Есть и левая протока!

— Илингисаар? — подсказывает Белов.

— Вот именно: Илингисаар. Насчет этой протоки у меня возникли сомнения. На морской карте, по старым данным, эта протока называется Ильин Шар. Казачье название. Так и у Новой Земли есть Маточкин Шар, у Вайгача — Югорский Шар. «Шарами» казаки называли проливы. Вероятно, те проливы, по которым они шли на своих кораблях.

— Еще перчику? Или так говорить будешь?!

— Подожди, Николай Александрович, и так доскажу. По Ильин Шару, вероятно, проникли в Яну суда казаков. После них никто еще сюда не заходил с моря. И никто Ильин Шаром не интересовался.

— Точка! Не интересовались и дороги не нашли. Мы заинтересовались и дорогу найдем, — так я понял? — резюмирует Парфенков.

— Экспедиции были научные. Работали каждая по целому лету.

— Это которые Сталинский хребет проморгали?! Никто от них учености не отнимает. А только наше дело рабочее: надо провести торговый караван в эту же осень. Значит — послушаем, что скажут рыбаки-колхозники. Народ свой, знают, зачем пароход сюда придет, кому советская власть харч посылает. Эти не подведут. И если они тоже за этот Шар выскажутся, — почтим этого самого казака Ильюшку вставанием и дернем по его фарватеру. И скорее! — заканчивает Парфенков и тянется к чайнику.

О ЦЕННОСТЯХ

Созещание рыбаков Туматтского колхоза и рыболовецких артелей высказалось в один голос за целесообразность обследования, в первую очередь, Ильин Шара.

Уже посланы к морю в деревни Ал и Ордал гонцы, чтобы предупредить о нашем приезде.

В устье протоки нужны будут люди: три-четыре товарища для работ на баре, на входе с моря в протоку.

А юкагиры из деревни Ал кочуют с оленями на побережье. Надо, чтобы какое-нибудь одно стадо (и его пастухи) было в районе устья дня через три.

Тогда решится очень просто вопрос и о сотрудниках и о снабжении продовольствием всего отряда.

Сейчас приходится сжиматься до последней возможности: Кочкин возвращается на Бирилях. Неустроев берет на себя заботу поддержать обстановку фарватера (если нам удастся ее выставить) до прихода в устье Яны парохода. Потом он получит товары для своей артели и вернется домой.

Неустроев очень хотел плыть вместе с нами к устью Лены. Нет, не взяли. Обиделся парень.

А расчет прост: итти придется на байдарках по океану. Ледовитому океану. Больше 200 миль пути морем. Местные жители поголовно не умеют плавать. И можно ли рисковать жизнью этого, несомненно талантливого, энтузиаста социалистической стройки?!

— Это наше «рукомесло», — тихо и зло высказался Парфенков, — как думаешь? А?! Полжизни убили на то, что «ходили вокруг адмирала» на шлюпке. А? Верно?! Так, значит, должны были научиться и в байдарках плавать не хуже царских казаков. Жизнь Аполлона Неустроева — особенная ценность для севера. Он из тех, кто может открыть социалистическую Америку. Вон как ты рассказывал — провалившуюся крышу погреба все ищет. Погреб-то, ведь это вроде как вся Россия при царском режиме. Дойдем на байдарках вдвоем. Нам с тобой надо доставить лоцию в Булун. И все. Кончено.

— Скажи по совести, Николай Александрович, ты себе ясно представляешь, как мы будем в Булун добираться?

— Скажу по совести, Иваныч: не знаю — как, одно знаю — обеими ногами вперед прыгать буду. И еще знаю, что ты от меня не отстанешь. Амба!

.....
Прощание было скомканным, печальным. О том, что ду-
малось, — говорить не хотелось.

Копию отчетов о работах в Яно-Индигирском междуречьи, кроки местности, зарисовки озер в пакете, обшитом клеенкой, должен был отправить первой зимней почтой в Якутск Иван Петрович Белов. Ему тоже предстояло много работы: к приходу нашего парохода следовало всю пушную продукцию Казачинского района собрать на склад и приготовить факторию к приему товаров с парохода.

Не вскипел чай, а без чая ехать совсем неудобно. И скорее бы оттолкнуться от последней нашей базы в Туттахе....

И как тогда—в Усть-Хроме — из юрты вышла женщина. Синее платье. Все то же платье!

Приехала Маруся: проститься.

Девушка шагает торопливо и в то же время старается замаскировать эту торопливость намеренной твердостью поступи. Лицо совсем каменное. Маруся курит: никогда не видал до этого.

Поздоровалась, протянув негибающуюся ладонь. Показывает: привезла нам по две пары меховых чулок.

— Когда холодно! И сушить негде! — не ожидая нашей благодарности, Забоева идет к челнокам и укладывает вещи.

Нет, так нельзя.

Парфенков достает описание Казачинского рейда и начинает экзаменовать наших лоцманов:

— Сколько главных отмелей? Три. Верно. А где лежит добавочная коса? А как надо вести пароход с баржей? Где приставать?

— Сам приедешь, тогор Парфенков. А капитан пароход вести будет, он знает, — пробует отшутиться Белов.

— Ибге! («хорошо» по-юкагирски). Капитан сам придет! — поддерживает Неустроев.

— Чудаки вы оба, дорогие товарищи! А если война?! И сразу телеграмма по радио: явиться таким-то и таким-то в ноль часов ноль минут на сборный пункт. Ведь мы с Иванычем — командиры запаса. Некогда нам будет с вашими пароходами здесь болтаться, если война! — изобретает новую тему для разговора Парфенков.

Это действует. Должно быть, путают необыкновенные слова «ноль часов ноль минут». Часы и вдруг: ноль, даже минуточки ни одной — просто ноль! Это страшно!

Мария Георгиевна первой хочет оттолкнуть от себя, от всех нас, кажущуюся такой нелепой, мысль о войне.

— Войны не будет. Не должно быть. Уже вторая пятилетка строится. Большевики огромные культурные ценности построили. Для всего мира огромные... Все рабочие и все крестьяне могут этими ценностями пользоваться... Никто не будет в нас стрелять...

— Реймский собор... — начинаю я.

Николай Александрович перебивает:

— Хороший ты доктор, а политграмоты, товарищ Забоева, не знаешь! Это Бакунин — когда-то был такой анархист-индивидуалист — учил революционеров, что королевские офицеры не будут стрелять в культурные ценности. В 1848 году, вот когда это было. В Германии, в Дрездене. Бакунин предлагал революционерам выставить против войска лучшие картины из дрезденской галереи. Сикстинскую Мадонну. Кажется, так, капитан?! И ничего не вышло. А в германскую войну пушки империалистов очень исправно грохали по соборам тысячелетней древности. А в крепости Верден дети-школьники ходили в противогАЗах. Если дело касается наживы для империалистов, никаких ценностей кроме их собственного кармана нет и быть не может...

— И главная...

Опять меня перебивает Парфенков:

— Погоди, ты о чем хотел сказать?! О них?

— Да.

— Главная ценность, правильно капитан хотел сказать, которую большевики сделали, это — люди: вот такие, как вы трое. Нечего улыбаться. Докторша и председатель артели и этот скелет — Белов, который скорей подойдет, а не допустит, чтобы его песцы испортились. И еще ценность: большевистская спаянность таких вот, как мы все, людей. Предлагаю спеть «Интернационал»! — кричит Парфенков.

А теперь все наверх на все гребные суда! И — полный вперед!

Парфенков гребет так, как будто спасается от погони. Оставшиеся на берегу машут руками.

Эх! Жаль, что не обнял их... всех трех... на прощание!

Высшая ценность, которую большевики создали, — новые советские люди!

Знатные люди советской тундры!

ИЛЬИН ШАР

Протока шириной около полукилометра. Невысокие, будто искусственно насыпанные, берега покрыты мелким кустарником.

В сучьях запутались, кое-где придавили своей тяжестью кусты, серые, тиной обвешанные бревна плавника.

Весной, с буйной полою водою, бежит здесь река поверх кустов, широким бесформенным потоком наводнения.

Вдоль берегов — полоска желтого песка, кое-где расцвеченная красными каплями лепестков мака.

Два челнока быстро, почти не останавливаясь бегут вниз по течению, к морю.

Глубина протоки, в среднем, 6 метров. Рыбаки утверждают, что меньше 2 метров нельзя найти глубины даже на перекатах.

Вся длина Ильина Шара — 170 километров.

Шестнадцать часов в сутки челноки идут по реке, восемь часов стоят где-нибудь на берегу, пока люди спят.

Поселков нет.

Но совсем недавно перед челноками рекогносцировочного отряда прошли люди: в устьях проток, впадающих в Ильин Шар, стоят вежи. Воткнутая на мысу палка указывает, что в эту протоку ворочать не надо. Главное русло идет в сторону от нее.

Челноки бегут день, второй...

Парфенков сделал из тростника подобие флотской боцманской будки и каждый раз перед сном высвистывает ригурнель корабельного, обиходного сигнала: «По сеткам! Койки брать!!» Если поутру ему удастся проснуться раньше, меня будит не менее знакомая «дудка»: «Вставай, довольно спать!»

Третьи сутки на исходе. В реке появились заколы — нечто вроде забора из кольев, на котором подвешены сети. Обследование нами одной такой западни дает пятнадцать рыбин — сазан и омуль, — каждая весом в несколько килограммов.

Сазаны жарятся на омулевом жиру. Оказывается, это очень нехитрое дело: поджарить одну рыбу за счет другой.

Целый выводок молодых псов — несомненно «одногнзых» (были повязаны белая и черная собаки, — получились очень забавно раскрашенные щенки: на белые морды пятна легли как черные полумаски) — встречает нас, дружелюбно помахивая хвостами, около деревни Ал.

Шесть урас на берегу чернеют на фоне закатного горизонта.

Старшина поселка Харламбий Николаевич Сыроватский выходит на челноке к нам навстречу.

В деревне — условная ночь. Но привычно вставшая к исполнению своих обязанностей, хозяйка быстро готовит чай и поджаренную муку. Больше в деревне ничего нет. Чай и мука, которой слишком мало для того, чтобы из нее можно было что-нибудь спечь.

Муку поджаривают и едят в качестве приправы к чаю.

НА БАРЕ

Семь челноков — как пауки-сорокоходы на лесном пруду — чертят зигзаги через линию скрещения вод Ильин Шара и Янского залива. А чуть только море начинает вскипать и бурлить серо-желтой пеной — челноки бегут на берег.

Этому тоже нужно научиться: влипнув бедрами в борта челнока, гнать его — не переводя дыхания — к песчаной окраине берега. Когда дно челнока приподымается — вскакивать, сразу же выбрасывая правую ногу за борт, упираясь слева в землю веслом.

Следующим движением — схватывать челнок за форштевень и бежать вместе с ним «в глубь страны», чтобы не захлестнула волна.

В 1928 году на устьи реки Яны работала экспедиция гидрографа П. К. Хмызникова.

Объектом работы были Средняя и Правая устьевые протоки Яны и фарватеры на выходе из этих протоков в море. Обследование велось очень умело и настойчиво. К осени экспедиция получила возможность обставить вежами наиболее удачный путь в заливе. Изготовление этих веж и баканов своими средствами, так же как и установка их на якорях-камнях (экспедиция имела в своем распоряжении моторный катер), потребовало больших самоотверженных усилий от личного состава.

Но уже через несколько дней после окончания работ шторм не оставил ни одной вежи на месте, снес знаки, и залив сделался опять немой картой неизвестного моря (по свидетельству начальника Булунской метеостанции Д. В. Кушнарева, бывшего сотрудника экспедиции Хмызникова. Август 1932 года. Булун).

Печальный опыт этой экспедиции ценен в том отношении, что он заставляет искать какие-то новые, не совсем обычные пути к овладению тайнами глубин залива.

На устьевом участке залива водная поверхность протяженностью в несколько десятков квадратных километров испещрена желтыми плешинами отмелей.

Частые ветра беспрестанно мутят воду. Она похожа на суп из плохой столовой, который обедающие вынуждены скрашивать обильными порциями торчицы.

Море, стесненное отмелями, разбило, измельчило свое основное течение на целую сеть мелких скрещивающихся течений. Они путаются между отмелями, то ослабляясь, то усиливаясь в зависимости от направления ветра, и помогают штормам взбалтывать песок и воду.

Течение реки, наоборот, всегда неизменно по направлению и почти всегда одинаково по силе. Мощная северная река ежедневно выбрасывает в резервуар Восточно-Сибирского Полярного моря тысячи тонн черной земли.

Вероятно, если посмотреть на поверхность залива сверху, с гидросамолета, речной поток будет казаться неосвещенной улицей, прорезывающей большой, мутно-светящийся город. Тяжелые, пружные от примеси речные воды вспарывают своим никогда не останавливающимся бегом гладь морского залива.

Кажется, что острый и широкий резец идет вдоль по-

досы цветного металла. Вытачивает глубокую выемку в этом металле.

И от рвущего усилия резца по краям выемки вихрятся тонкие, светлые, закрученные как стружки полоски кружевной пены.

Это хороший указатель. Лучше сделанных человеческими руками вех. До тех пор, пока река будет течь в море,—эти указатели неизменно (и точно) будут отмечать действительное русло водного потока. А вместе с ним, и в нем, главный входной фарватер.

Осторожность штурмана, ведущего судно с футштоками, меряющими глубину с обоих бортов, дополнит указания самой реки, где она несет главные массы воды.

Харламбий Сыроватский бережно заворачивает набросок плана устья в оленью замшу и прячет его у себя на груди.

Да! Как только он увидит пароход вблизи устья Ильин Шара, Сыроватский выйдет к нему навстречу в челноке и передаст капитану пакет. Но отчего тогор испидисси не хочет взять в дорогу (тяжелую дорогу!) жареной муки. У Сыроватского на всю его урасу (восемь едоков) еще горстей десять останется. Он, советский гражданин Сыроватский, может поделиться.

Глава двенадцатая

В МОРЕ — ДОМА

Фарватер найден. Вход в речку Яну с моря, через протоку Ильин Шар, вполне доступен для коммерческих судов.

Следующим заданием первой очереди является доставка нас самих из устья Яны в устье Лены. Как можно скорее.

Если пользоваться оленями — придется ехать через места летних кочевок, двигаться по ломаной кривой линии, медленно и долго. Другой способ — проскользнуть на челноках вокруг мыса Борхая, войти в губу Борхая вплоть до Тас-Тумуса — селения в южном углу губы и оттуда, уже на оленях, через Хараулахский хребет выехать на Булун.

Здесь девяносто процентов удачи зависит от выносливости и опытности самих мореплавателей.

В челноках по океану! Парфенков строит насмешливую гримасу, спрашивает:

— Кораблями командовал?

— Ну?!

— Учил краснофлотцев, что в море...

— Дома! Учил!

— Докажи!

— И докажем!

Челноки направляются в узкий пролив. Здесь нельзя идти рядом: разговор обрывается.

Пока держится тихая погода, мы торопимся выйти как можно дальше в море. Если судить по карте — от крайней

точки нашего пути, мыса Борхая, начнется поворот к западу, сначала медленный (берег отступает к югу почти незаметно), потом идет резкий обрыв в южном направлении и наконец — вход в губу.

Мы идем старой дорогой казачьих кочей, вдоль берега. Кругом — отмели, не показанные на морской карте.

Впрочем, это и понятно.

Последние наши официальные данные — промер экспедиции Вилькицкого с пароходов «Таймыр» и «Вайгач» в 1914 году. Они шли в приличном удалении от берега, по двенадцатисажженным глубинам.

Мысы западной части Янского залива — Сексюрдах, Мохсогол, Эйелях — сейчас окончательно недоступны с моря. На милю и на две от берега тянутся песчаные отмели. Мы пробираемся вдоль их восточного края, изредка щупая воду лотами.

Три метра. Пять метров. Десять метров.

Пароходу хватит воды под килем.

Нашу дорогу пересекает большая и широкая коса. Она несомненно очень давнего происхождения: середина косы загромождена бруствером плавникового леса в человеческий рост. Кое-где успела вырасти трава.

Коса начинается в пяти милях к югу от мыса Борхая и, медленно суживаясь, идет прямо на восток.

Высаживаюсь на косу, чтобы ее заснять, Парфенков продолжает грести вокруг косы, чтобы промерить глубины. Это занимает много времени. И я успеваю не только сделать свою работу, но и вскипятить чай к тому времени, когда возвращается Николай Александрович.

— Чай! Это замечательно! — одобряет Парфенков, выходя на берег и ложась около костра.

— Подбрось в чайник немного соды, — говорит Парфенков, — лучше заварится и кроме того: желудок почистит. Докторов здесь нет, — сами заблаговременно подлечиваемся. А помнишь, как матросов в прежнее время лечили?

В сибирской флотилии был такой флагманский врач — Баранов. Про него офицеры рассказывали, что он будто бы незаконный сын царя Николашки. И в Медицинской Академии ничему не учился. Нанял какого-то доктора экзаме-
ны за себя сдать, А чтобы заплатить ему за этот

подлог, продал бриллианты с иконы, которая ему царем была подарена.

Может, оно действительно так и было. А лечил этот мерзавец таким образом. Приходишь бывало в лазарет. Баранов глядит на тебя зверем:

— Что болит?

— Грудь, ваше высокоблагородие!

— Козлов! — (Это у него фельдшер был). — Дай ему касторки!

— Уже давали, ваше высокоблагородие, не помогает.

— Ладно, Козлов! Намажь его иодом!

— Мазали уже. Вся кожа слезла.

Тут Баранов окончательно свирепел. Вскочит, как ошпаренный, распахнет дверцы шкафчика с лекарствами, кричит на весь лазарет:

— Вот! Бери лекарство какое хочешь: все равно ни черта не поможет!

А потом ногами затопает и матерно ругаться начинает.

Если матрос во-время не скроется, — суток на пять отправит под арест: зачем расстроил флагманского доктора...

Так вспоминая минувшие, недобрые дни царского режима, и не заметили мы, как вышли из залива в открытое море.

Слева — море Лаптевых, справа — Восточно-Сибирское Полярное море; впереди — через двадцать градусов широты — Северный полюс. Одна тысяча и двести миль до него. Только и всего.

Мыс Борхая. «Бор-хая» по-якутски значит глиняный. Никакой глины, однако, на мысу не усматривается. Сбросы черных земляных глыб, будто вскапывали берег гигантской лопатой.

Вдоль песчаной ступеньки у самой воды — выплеснутые морем, прозрачные, как вареное саго, медузы. Через стеклянистую оболочку хорошо видна буро-красная пятиконечная звезда, заключающая в себе жизненные органы медузы. Рядом еле ползают — тоже бледные и худосочные — креветки.

Мыс — высотой пятьдесят метров. На зеленой его макушке видны остатки деревянной постройки... Навигационный знак?! Нет, должно быть, шаманская могила.

Деревянные козла из толстых бревен. Под ними лежит совершенно истлевшая деревянная колода, напоминающая расколотый пчелиный улей. Рядом на палке воткнут лошадиный череп, выбеленный дождями и ветром до ослепительности. Еще один череп — коровий — и несколько костей — тоже коровьих — говорят о том, что здесь было некогда большое пиршество.

Парфенков, знакомый с древними якутскими обычаями, объясняет:

— Должно быть, знаменитый шаман здесь был похоронен. Эта долбленка — остатки гроба-арангаса. И вероятно, много лет назад умер этот шаман: коня убили и съели тогда, когда делали подъем гроба. Это значит — первый могильник успел сгнить и развалиться. Тогда сделали вторые козла и снова гроб подвесили. Видишь, теперь все это сооружение окончательно развалилось. И никто уже больше не думает подымать шамана. А ведь раньше бывало: по два и по три раза подымали шамана. Это значит — лет сто, а то и всех двести почитали шаманскую могилу!

Большевистским духом веет с юга. И шагает якутский народ, минуя этап капиталистического развития, прямо к социализму.

И знаешь, у морюшка вид что-то очень паскудный. Должно быть к непогоде. Вокруг мыса глубины известны. Что если мы сложим наши корабли один в другой, подвесим их себе на лямках и двинем наискось — пехтурой?!

Парфенков быстро готовится к сухопутному переходу. Эта возможность у нас была предусмотрена. Сложенные, как пустые корзины, один в другой, челноки подхватываются лямками, идущими у каждого из нас через правое плечо. Тяжесть невелика. И, подравняв взаимно свой шаг, мы выступаем на пересечку мыса.

Море уже закипело широкой зыбью. От норд-веста ползет густой, как прязная мыльная пена, серый туман.

Переход длиной около четырех километров. Шесть раз отдыхали. Опять находка — тоже своего рода могильник.

Опрокинутый челнок — «ветка». Под челноком — заржавленный корпус мотора, жестянка из-под керосина, два весла. Челнок, повидимому, бывалый: сильно помят, видны

заплаты из кусков жести, прибитые гвоздями. Чинили русские. Мотор системы «Буффало», марка 8—9 л. с.

Судя по внешнему виду, все это аварийное имущество лежит уже несколько лет. По всем вероятностям, этот мотор принадлежал катеру экспедиции партии П. К. Хмызникова.

Осенью двадцать восьмого года, закончив работы на устье Яны, тов. Хмызников пошел на моторном катере вокруг мыса Борхая, рассчитывая самостоятельно добраться к устью р. Лены.

Однако вскоре после входа катера в губу Борхая его захватил шторм: судно было разбито и выброшено на берег. Люди нашли себе убежище в покинутых урасах — зимовниках вблизи устья реки Омоллой. Там и жили, питаясь запасами сушеной рыбы, разысканными в погребах местных жителей, — вплоть до зимы, когда по санной дороге приехали на осмотр капканов зверопромышленники. Вместе с ними отправились в ближайшие населенные места и дальше — в Якутск.

С возвышенного места, где лежат остатки имущества экспедиции, хорошо виден мыс Борхая и значительная часть водной поверхности губы. Здесь можно отдохнуть, тем более, что топливо имеется в изобилии.

Парфенков начинает готовить ужин (сегодня его очередь).

— Сейчас у тебя рыба в костер свалится! Сковородку набок повернул.

— Не извольте беспокоиться, товарищ капитан, хотя жисть наша чижолая и чай мы любим пить густой, — Парфенков делает паузу и, переменяя тон, торжественно заявляет: — Однако такого гранитного изделия, как вы изготовили вчера под названием ом-лет, у нас все-таки не получится. Ужин будет соответствующий.

Утренними часами воздух свеж и прозрачен. Через всю губу Борхая хорошо видны островерхие горы Хараулахского хребта на западном берегу.

Разбираясь по карте, нашли надпись около устья реки Хараулах: «Могила лейтенанта Ласиниуса и 37 человек команды. 1725 г.».

— Это кто же?

— Один из отрядов Великой Северной Экспедиции Беринга. Стали на зимовку и умерли от цынги.

— Ну, вечная им память. А мы будем двигать к этому Омолою, пока не стихнет море. Тогда в челноки сядем — верно?

Парфенков берет лямку на плечо и запекает высоким сильным голосом:

Наверх вы, товарищи,
Все по местам!
Последний парад наступает!

Научили ходить в экипаже, во втором Балтийском! У Поцелуева моста. Дай ногу, Иваныч!

Врагу не слается наш гордый «Варяг»,
Пошаты никто не желает...

НА ГОРИЗОНТЕ — ДЫМ

Волны катятся на песчаный берег с грохотом сотен поездов, одновременно въезжающих под гулкое перекрытие дебаркадера. Глаз утомляется зрелищем этой неутомимой атаки бешено пенящихся волн. Густая, в узор мелких ячеек, пена оседает на песке обрывками старинных кружев.

Мелкий, как пудра, дождь. Все еще нельзя выходить на челноках в море. Поэтому продолжителен наш утренний чай. Сколько десятков километров придется еще идти пешком по кочковатому болоту. Рыба в такую погоду не ловится. Дичи совсем мало. Продовольственные запасы на исходе.

Парфенков подымает глаза от костра — потухающего, серого — к стене горизонта, тоже серой.

— Дым! — и уже профессиональной фразой: — На горизонте дым!

— Пароход?!

Будто из тайников старой, задерганной, стертой киноплёнки — сквозь досадную, рваную сетку миганий — из дождевой мглы выдвинулся пароход. Дым, как свернувшееся на ветру знамя: чем дальше от древка, тем шире — стоит трубой. Влажный тяжелый воздух прибавляет дым к воде. Знамя вытягивается узким выпелом. Постепенно вырисовывается и корпус парохода. Это не совсем обычный

тип коммерческого судна. Носовая часть парохода срезана с боков, как бастион старинной крепости, как бетонный ледорез, защищающий мост от яростного штурма ледохода. Ледокольный пароход!

— Ледокол?!— спрашивает неуверенно Парфенков. — Похоже на ледокол. Только кто же это? «Ермак»?

— У «Ермака» — одна мачта.

— «Красин»? Нет. У «Красина» — две трубы. «Малыгин? У того корпус совсем не такой...

«Сибиряков»! — вспоминаю я, наконец, силуэт. — Форштевень, выпяченный вперед, будто грудь молотобойца. Разнос бортов. Мостик, вплотную прилаженный к трубе...

— И верно, Иваныч! Я что-то слышал еще в Якутске. «Сибиряков» должен быть сейчас в этих местах.

«Сибиряков» держит курс на северо-восток. Идет из бухты Тикси к мысу Борхая и дальше на ост, к Берингову проливу. Видение парохода — настоящего сильного морского бродяги — на некоторое время расслабляет наши мускулы.

Корабль!.. Это твердый, размеренный, как движение солнца по эклиптике, черед вахт. Переклик склянок, — ни один час не может уйти с парохода тайком, без того, чтобы не сказала об этом всему экипажу рында — судовой колокол.

У каждого человека на корабле свой кусок жизни и работы, навсегда припаянный к жизни и работе всех остальных моряков, вполне самостоятельный и счастливый коллективным характером своего бытия...

В полдень — обед и радостный скачок освобожденной пружины секундомера в руках штурмана, берущего секстаном высоты светила. А внизу, в кубриках — парад белых тарелок на чистом столе и сводка утренних радиogramм в определенном квадратике стенгазеты.

В двадцать два часа — тушение огней и книга, засунутая под изголовье, равномерный стук машины, сырость мостика (если твоя вахта), сырость, отнюдь не страшная, потому что только два часа отделяют тебя от смены, от тепла корабельных недр...

Корабль!.. Это коллектив, в котором все, от трюмного машиниста, ведающего исправностью заклепок на швах

междудонных пространств, до командира, точно знающего, какую звезду можно видеть сегодня ночью в определенном квадрате неба, — живут одинаково ритмичною жизнью, дышат как бы одновременным вздохом.

Корабль! Это плановость, закономерность, уверенность математика, заботливо округлившего мысль в буквочки формулы. «Сибиряков» скрывается за мысом. Конец дымовой вуали уже припал к воде. Дым сделался таким же серым, как горизонт. Вот уже и не видно «Сибирякова».

Корабль ушел. Парфенков встряхнул головой, будто стараясь отогнать воспоминания:

— Нечего задумываться. Расскажи лучше, что знаешь о Великом Северном пути. Я всегда эти проходы смешиваю. Восточный, Западный. Ну, имеешь слово. Да подтяни свою лямку выше: легче будет итти.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРОХОД

Плавания в район Восточной Арктики имеют за собой двухсотлетнюю давность.

Чрезвычайно интересным документом в этом отношении является рукописная книга «лекаря Якова Фриза», хранящаяся в Архангельском музее. Рукопись озаглавлена: «Руководство к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого, сочинение 1793 года».

В этой рукописи собраны записи о населении, быте, истории и торговле города Устюга (на р. Сухоне, притоке Северной Двины), различные геоботанические и гидрометеорологические данные. Особую ценность представляет запись о пятилетнем плавании устюжских жителей Никиты Шелаурова и Афанасия Бахова в Полярное море.

Запись сделана по рассказу участника этой экспедиции, крестьянина Максима Старкова, одного из немногих, оставшихся в живых.

Рассказ восстанавливает следующую картину этого одного из первых организованных штурмов Северо-Восточного прохода.

В 1758 году, сплавившись по реке Северной Двине в Белое море, мореходы Шелауров и Бахов отправились вдоль

берегов Сибири на Восток. Судно экспедиции, очевидно, было достаточно больших размеров, потому что в личном составе насчитывалось семьдесят пять человек. В тот же год экспедиция достигла устья реки Яны, где и стала на зимовку. В дальнейший путь Шелауров мог двинуться только в июле 1760 года, предварительно разведав через местных жителей о больших реках, впадающих в Ледовитый океан к востоку от Яны.

Экспедиция благополучно дошла к устью реки Индигирки и после недолгой стоянки отправилась дальше, к устью Колымы.

В сентябре 1760 года Шелауров был уже в Нижне-Колымске. Необходимость дать людям отдых для восстановления сил заставила Шелаурова провести в Колыме две зимы.

Только 20 июля 1762 года, оставив Афанасия Бахова в Нижне-Колымске, Шелауров вышел из устья Колымы на восток к мысу Шелагскому.

В пути судно экспедиции было затерто льдами «от 4-х до 15-ти сажен толщины» — по рассказу М. Старкова.

Участники экспедиции пробовали тащить свой корабль бечевой сквозь льды, однако пробиться дальше им не удалось, и после шестнадцати суток плавания Шелауров вернулся в Нижне-Колымск. Афанасий Бахов был найден мертвым: запись не говорит о причинах его смерти.

Шелауров все-таки не отказался от попытки достичь «угла Северной Земли» — мыса Дежнева.

В 1764 году Шелауров опять вышел к мысу Шелагскому и благополучно его достиг.

Что было дальше с экспедицией — точно не известно. Через несколько лет во льдах к северо-востоку от мыса Шелагского нацмены-моряки нашли остатки сгоревшего корабля Шелаурова и трупы участников его экспедиции. (Рукопись Якова Фриза. 1793 г. Архангельский музей).

Экспедиция Шелаурова свидетельствует о возможности каботажного плавания на значительном протяжении берегов Восточно-Сибирского Полярного моря. Шелауров благополучно дошел из Архангельска до Колымы, то есть сделал девять десятых Великого Северного Морского пути... в конце XVIII века на деревянном парусном корабле!!

В 1878 году на средства шведского короля Оскара, си-

бирского купца А. М. Сибирякова и доктора О. Диксона была снаряжена полярная экспедиция, во главе которой стал А. Норденшельд. Задачей экспедиции являлось обследование прямого рейса из Атлантического в Тихий океан через Северный Ледовитый океан, вдоль берегов Сибири. В состав экспедиции вошли пароходы «Вега», «Фрезер» и «Экспресс», имевшие помимо экспедиционного снабжения коммерческие грузы. Вместе с экспедицией шел пароход «Лена», приобретенный в Швеции для Ленского бассейна компанией якутских пароходоладельцев.

Пароходы «Вега» и «Лена» достигли устья реки Лены 27 августа 1878 года. «Фрезер» и «Экспресс» остались в устье Енисея для исследовательских работ в районе открытого ими острова, носящего с тех пор имя доктора Диксона.

Вследствие того, что лоцманы, обещанные по договору с пароходоладельцами, для проводки «Лены» вверх по реке своевременно не прибыли, капитан «Лены», Иогансен, самостоятельно повел судно в Якутск, куда и пришел благополучно 9 сентября. Весь рейс этого морского парохода от Булуна до Якутска, протяженностью в 2 000 километров, занял 45 суток. (Отчет капитана Иогансена о плавании от устья р. Лены до г. Якутска. СПб, 1880 год).

«Вега» с Норденшельдом отправилась дальше на восток. В районе Колючинской губы судно было затерто льдами, вместе с которыми дрейфовало около года (294 дня).

Наконец, освободившись от льдов, «Вега» прошла через Берингов пролив, 2 августа 1879 года была в Иокогаме (Япония) и через Суэцкий канал возвратилась в Скандинавию. (Длительное бездействие «Веги» в дрейфующих льдах и отсутствие о ней сведений были причиной организации спасательной экспедиции на судне «Жанетта», трагическая судьба которой общеизвестна.)

Северо-Восточный проход, дорога из Ледовитого океана в южные моря через Восточный пролив — пролив Беринга, был открыт Норденшельдом в 1879 году.

После этого русское правительство пыталось использовать Великий Северный путь для своих империалистических целей.

В 1910 году в Санкт-Петербурге на Балтийском заводе

были построены для военно-морского ведомства ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач». Эти суда за период с 1911 по 1914 год прошли Северо-Восточным Проходом пять раз.

Впервые в 1911 году рейсом из Владивостока до устья р. Колымы; второй раз — в 1911 году, из Колымы во Владивосток; третий раз, в 1912 году, когда, выйдя из Владивостока 31 мая, «Таймыр» и «Вайгач» к 24 августа подошли к полуострову Таймыру, однако из-за скопления льдов не могли его обогнуть и с широты 76 градусов северной повернули обратно на восток, после чего 10 сентября того же года, в четвертый раз, прошли Северо-Восточный Проход и 18 сентября были во Владивостоке.

В 1914 году «Таймыр» и «Вайгач» вышли в пятый рейс Северо-Восточным Проходом, из Владивостока вокруг Сибири. Они благополучно миновали Таймырский полуостров, перезимовали у западного его побережья и весной 1915 года пришли в Архангельск.

Этими пятью последовательными рейсами из Берингова моря в Ледовитый океан и обратно была установлена практическая возможность ежегодного пароходного сообщения Владивостока с устьем Колымы.

12 августа 1911 года в Колыму пришел первый коммерческий пароход «Колыма», видевший у мыса Северного льды, однако сумевший и 22 августа — уже на обратном пути — найти свободную воду и выбраться из океана в Берингов пролив.

В 1912 году пароход «Котик» повторил рейс «Колымы».

Придя в середине августа на устье Колымы, «Котик» вышел обратно 23 августа и 31 августа был уже в Беринговом проливе.

Таким образом. Северо-Восточный Проход с начала XX столетия уже был как бы сдан в постоянную эксплуатацию торговому мореплаванию.

Специфической особенностью этого морского пути является почти неизменное присутствие в районе мыса Северного большего или меньшего количества плавающих льдов. В результате многолетних наблюдений установлено, что август месяц — наиболее благоприятный период времени для прохода этим районом даже неприспособленных в ледовом отношении, обыкновенных пароходов.

В остальные месяцы навигации движение торговых судов также возможно, но с проводкой ледоколов. По мнению большинства полярных исследователей, в районе мыса Дежнева никаких постоянных течений нет: льды движутся в направлении преобладающего в данный момент ветра.

Советское строительство на крайнем севере ознаменовалось установкой вдоль всего побережья Полярного моря метеорологических радиостанций, на обязанности которых лежит наблюдение за движением льдов.

Пользуясь указанием этих радиостанций, пароходы могут расположить свои курсы так, чтобы избежать ледовых тисков.

«Сибиряков» — вполне приспособленное к ледовой навигации судно — проходил мыс Борхая в первых числах августа. У «Сибирякова» были все шансы на благополучное окончание плавания (и, как показала дальнейшая история этого рейса, «Сибиряков» блестяще свой поход завершил).

НА ОТМЕЛЯХ

Губа Борхая своими очертаниями напоминает треугольник, вершина которого — самый южный угол берега: Тас-Тумус.

Отмели надводные и подводные, над которыми всего лишь пятьдесят сантиметров воды, заполняют собой всю южную половину губы.

От устья реки Омолой (Омудевой) мы опять перешли на водные пути. Итти в челноках трудно. В поисках достаточной глубины приходится часто менять курсы: иногда мы составляем челноки и бредем по колени в воде.

Погода неустойчивая. Небо в облаках — багрово-сизых, как дым над горящей тайгой.

Август. Солнце каждый день уже начало спускаться к самому горизонту, на час—два часа прячась за туманный барьер мглы.

Сегодня на восходе, в два часа ночи, солнце меняло форму, как вылитый на тарелку яичный желток. Сначала это был сплюснутый комок огненно-красного теста. Потом комок сузился, и восточная его часть приняла форму каблука: грубый деревянный сапог. Через десять минут солнце

принимает форму секиры: два узких полумесяца, соединенных полукругом общего массива. Под вырезами полумесяцев просвечивает горизонт. Потом очертания конечностей расплываются. Опять виден грубый ком теста, слегка приплюснутый с боков. Он наливается светлым золотом. Распухает. И наконец, оторвавшись от низких, сгущенных слоев атмосферы, — видимо для глаза подпрыгивает, расплывается в правильный круг.

Как повязка на глазах приговоренного к смерти — лежит на севере ровная черная полоса.

— «Если солнце село в тучу, берегись — получишь бучу», — говорят рыбаки на Черном море. Ну, а если солнце вылезло из тучи, тоже что-нибудь неладное? Как думаешь? — спрашивает Парфенков.

— Ничего определенного не думаю. Некогда: челнок прыгает так, как будто из-под меня хочет выскочить. Волнишка подозрительная.

— А мы попробуем удрать!

И мы, действительно, пробуем это сделать, сначала как будто и не без успеха. Волнение усиливается. На отмелях, в закрытом большом заливе, волна коротка и яростна. Дно челнока сделано из одной доски. Челнок имеет осадку около тридцати сантиметров. И сидящий в челноке гребец чувствует себя как бы едущим верхом на гладильной доске. А доской этой часто и сильно бьют по воде.

Ощущение не из приятных. Следовало бы снять сапоги и пальто на всякий случай. Но сапоги — болотники — выше колена. Как их снять, не выходя из байдарки? А если не снимать сапог, то стоит ли трудиться вылезать из пальто?

Налитые водой сапоги потянут на дно, как свинцовые. Волны заливают байдарку. Уже промокла одежда. Холодовато.

Все труднее держаться поперек волны. Берега совсем не видно за разбушевавшимся морем. Еще темнее стало. Ревет ветер. Внезапно сбоку на Парфенкова набежал высокий серый вал и покрыл его с головой. Другая волна обрушилась на меня. Тонем оба. Тону! Отталкиваюсь руками от воды, чтобы выбиться на поверхность, — хватаю пальцами песок. Мелко!

Встаю на колени. Выпрямляюсь. Навстречу мне по грудь в воде, кланяясь каждой высокой волне, с трудом идет Пар-

фенков. Разговаривать некогда и не о чем. Крепко взявшись за руки, подставив ударам волн согнутые спины, идем по ветру. Пробуем буксировать челноки, но где уж тут о челноках думать! Закинув ружья за спину, предоставляем челнокам идти к берегу самостоятельно.

Ах, как бьет в спину волна! Наглотавшись песком, будто готовый к заливке цемент, волна громит нас своим тяжелым, смертоносным и не оставляющим знаков насилия тараном.

Будто швыряют нам в спину мешки, туго набитые мокрым песком!

Километр... два... пять... берег! Плавник. Перелезть через него уже нет сил. Скатившись на внутреннюю сторону плавникового бруствера, мы ложимся между бревен и засыпаем.

МАРШ-МАРШ!

Спички в бутылочке. Бутылочка заткнута пробкой. Поэтому спички загораются. Значит, есть огонь. Дров на морском берегу всегда хватает.

Разводим такой костер, что на нем можно было бы зажарить быка.

Шторм треплет верхушки пламени, но это не мешает нам спокойно лежать за прикрытием древесного вала. Высохла одежда. Это уже хорошо. В карманах — вяленая оленина.

Около Тас-Тумуса должны быть люди. Идем...

Люди действительно есть. Двенадцать ровдужных тордох стоят заснувшим лагерем на высоком взгорье Омудьяна.

Даже собаки мирно спят: не желают на пришельцев лаять.

В первой же тордохе, куда вползли на коленях, будим хозяина. Якут протирает глаза, осматривает нас и, сев на постели, взбивает подушку:

— Тебе спи нада! Ложись здесь! Хорошо!

Мы раздеваемся и ложимся, тесно прижавшись друг к другу. Якут, имени которого мы не знаем и который не интересуется нашими именами, заботливо укрывает нас одеялом, подтыкает его с боков...

— Спи! Учугай! (Хорошо!)

Сквозь полусон мы еще слышим разговор хозяев, голоса мужской и женский:

— Повесь сушиться камасы и пальто.

— Должно быть, русские. Совсем пропали люди!

— Я поставлю вариться рыбу: омулей или сазанов взять?!

Парфенков подымается на локте и через меня хрипит совершенно неузнаваемым голосом:

— Конечно омулей: они жирнее!

Потом его голова падает на подушку, отдавливая мне ухо. Но повернуться и высвободить ухо я уже не могу. Сплю.

ГИМНАСТИКА

В Омудьяне можно достать лошадей. Нассовет дает проводником якута Николая Попова. Кстати, у него есть личное дело в Булуне.

Ехать надо через Хараулахский хребет; местные жители считают все расстояние до Булуна — 250 километров. Так как эти расчеты исходят из единицы — «кес» (25 кес до Булуна), то надо думать, что на самом деле расстояние не более 150 километров.

Чем меньше — тем лучше. Последние дни походов на челноке изрядно утомили. Во всем теле — ощущение вялости, избитости. Парфенков чувствует себя, повидимому, не лучше. Он проделывает гимнастику, особенно часто повторяя упражнения по сгибанию спины, кряхтит и наконец выкапывает из сокровищницы своей памяти какую-то необыкновенную битву...

...В тринадцатом году на острове Поросе, в Средиземном море. Греки-солдаты хотели извести нашего корабельного пса — «Виго». Пес был действительно неказистый, но умный. Мы его крепко любили. Греки сбросили «Виго» с пристани и начали в него камнями постреливать. Тут наши матросы подошли. Ясное дело — вступились за собаку. Слово за слово. Потом кто-то предложил — дать грекам поплавать вместе с собачкой. Ну, искупали нескольких. А там их подмога бежит. Целая рота и все с тесаками да с винтовками. Жаркая схватка была. Мне тогда какой-то

грек сзади по спине прикладом съездил. Две недели потом не мог разогнуться, чтобы Грецию добрым словом не помянуть. Вот так же спина болела, как сейчас. Однако — разомнемся!

Действительно — размялись. Верхов на лошади по руслам горных ручьев. С необходимостью спешиваться через каждые сто сажен, карабкаться по скользким, мокрым и мшистым камням. Увязать в травянистом болоте. Опять садиться на лошадь, чтобы через несколько минут опять спешиваться.

Хорошая гимнастика.

Глава тринадцатая

В ГОРАХ ХАРАУЛАХА

Горы торчат, как остро заточенные карандаши. На склонах гор нет мало-мальски ровных поверхностей.

Кажется, что весь этот горный хребет — громадный склад всевозможных строительных материалов...

Глыбы, приготовленные для сооружения мавзолеев, камни под фундаменты небоскребов, плиты для тротуаров, щебенка. Миллионы тонн щебенки — бурой, коричневой, черной, серой, белой...

В долине реки Дарфэ тонкие пласты известняка, покрытые сверху травой, изломаны в мелкие куски. Они не выдерживают тяжести человека. Переход по такому пласту — как по движущейся мостовой — может окончиться тяжелым ранением.

Ноги скользят в траве, куски плит уходят из-под ног, зазубренные края отдельных камней готовы ежеминутно переломать кости путешественнику.

Русла неглубоких горных рек устланы крупной галькой всех цветов и размеров. По бокам главного потока лежат обломки горных пород, не успевших еще размельчиться.

Струи воды, бьющие в эти камни много лет подряд, как неустанно работающие долота, вытачивают в камнях отверстия, углубления, причудливо изменяют прямые линии граней...

— Фабрика пепельниц! — говорит Парфенков. — Что, действительно, если бы набрать этих камешков несколько

барж и отправить в город? Прекрасные пепельницы, массивные, прочные. Спрос был бы на них. У нас куда ни приди — в любом учреждении пепельниц не хватает. Однако ты что это?

— Взял себе пепельницу, как ты говоришь!

— Брось. Нельзя лошадь зря утомлять, не на себе же камень потащишь.

...С трудом взбираемся на очередной водораздел. Будто стая испуганных крабов в разные стороны убегают из-под ног мокрые, скользкие обломки. На вершине перевала — так уж завелось — останавливаемся для отдыха.

Э! Внизу белеет палатка: большая и, видимо, надолго, прочно установленная. Законное основание сделать привал, может быть, и ночевать остаться: дело к вечеру. Лошади ищут наиболее безопасный спуск.

Палатка стоит на берегу реки Нялбангуя... В расщелине между камнями забиты колья, на кольях привязаны термометры. Хозяев нет. И в палатке людей нет. Стреноживаем лошадей, выбрав для них сравнительно ровную луговину около реки. В хозяйственных заботах проходит час.

С горы слышен треск обваливающихся камней: идет человек. Кожаная тужурка, сапоги, фуражка, обмотанная кисеей накомарника. Через плечо — полевая сумка. Человек ловко прыгает по глыбам, избегая движущихся каменных насыпей.

Молодое, загорелое лицо. Открытый взгляд серых глаз.

Знакомство начинается с вопросов:

— В Булун?

— Да!

— Я оттуда. Пароход еще не приходил. Как раз поспеете. А вы моего проводника не видали? С ружьем, в меховой шапке?

— Нет.

— Далеко увели, значит, козы. Охотиться пошел с утра. У меня есть чай, сахар и печенье. Сейчас принесу. Рис будете есть?

— А вот нет ли у вас томата? — вмешивается Парфенков.

— Есть.

— Это замечательно! — Николай Александрович встает

и направляется к палатке. — Где он у вас? Давайте, я распоряжусь: мы сейчас такой соус к рыбе наладим. Замечательно!

ЭНЕРГО-АРКТИКА

— Арсеньев, Сергей Петрович, геолог из Оленекской геолого-разведочной экспедиции. У нас сборный пункт в Булуне. Еще не все приехали, тронемся в дорогу не раньше чем через месяц. Вот я и решил разведку в горы сделать. Любопытные горы!

— Чорт ногу сломит! Мусорные кучи. Сплошной обвал. Как будто нарочно дробила их армия каменщиков сто лет назад, — ворчит Парфенков.

— А! Не любите! Это вам не ровный пол, как на пароходе.

— На пароходе — полов нет: есть палуба.

— Ну, извините, ха-ха! Одним словом, не понравились горы?

— Нет.

— А горы — стоящие внимания, — серьезно говорит Арсеньев. — Подождите-ка! Время делать отсчет термометрам. Я сейчас вернусь.

На берегу реки установлены четыре термометра. Один на склоне горы, другой в земле около воды, третий и четвертый — под водой на различных уровнях. Арсеньев тщательно осматривает свои приборы, записывает отсчеты, удовлетворенно качает головой.

— Горы очень показательные, — налегая на последнее слово, говорит Арсеньев, вернувшись. — Обратили внимание на формацию? Раздробленные горные породы. Известняки, гнейсы и сланцы. Есть сапропелевые угли, есть графит... Есть очень ценная красящая глина. А главное в том: кто их раздробил?!

— Ветер, дождь, ну от солнца потрескались...

— И от мороза. Да? — спрашивает геолог, как заботливый школьный учитель. — Теперь остается эти явления соединить в одно: кто раздробил?! Нет, вы послушайте, товарищи, это же — мировое дело!

Геолог вскакивает и, блестя глазами, взволнованно кричит:

— Разница температур! Понимаете, товарищи? Вот главный двигатель целой серии взаимно связанных процессов, летопись которых мы читаем на склонах этих гор. Разница температур — основная первопричина бесчисленного множества силовых установок, существующих на земном шаре. В этих установках разница температур есть дело человеческих рук. Здесь, в Арктике, мы имеем чудовищной мощности природную силовую установку. Вот она напоминает о себе каждым обломком породы, валяющимся под ногами! Надо уметь только ухватиться за основу явления. Полярный холод буквально движет горами — холод разрушает их и сбрасывает обломки в долины! Полярный холод — явление мирового значения! Позвольте! Я, кажется, увлекаюсь. Давайте разберем вопрос детально, — останавливает себя Арсеньев, задумывается на минуту и продолжает более спокойно. — В Советском Союзе около половины территории приходится на северные, безлюдные окраины. Царство холода. Здесь нет городов, нет промышленности. И едва ли одна сотая доля естественных богатств севера обследована и взята на учет. Что тормозит освоение Севера?! Нет технической базы. Это понятно?! Нет электростанций, нет путей сообщения, нет топлива в тех местах, где оно необходимо. Но везде есть холод. Арктический холод. Все связывающий и убивающий. Это понятно? Так... Пойдем дальше. Вы, моряки, — народ политехнически образованный. У вас на кораблях имеются силовые установки. Большею частью — паросиловые. Что их приводит в движение?!

Парфенков морщит лоб, стараясь уловить мысль геолога:

— Движет пар. А пар — от испарения воды. А вода испаряется под влиянием тепла. Нужно топливо: уголь или нефть. Конечно, и уголь есть в этих горах...

— А никакого угля не надо! — победоносно вскрикивает Арсеньев. — Никакого топлива! Это понятно?

— Нет. Это уже совсем непонятно!

— Ах! Да ведь так просто: что движет любую турбину, любую поршневую машину?! Разность температур! Перепад тепла! Только наличие разности температур является единственным необходимым требованием.

— Ну?

— Подождите. Это понятно?

Мы оба честно сознаемся:

— Не очень!

— Сейчас я вам объясню. Это же очень просто, — торопится Арсеньев. — Как работает паровая машина? Котел нагревается, получается пар, пар идет в цилиндры, движет поршень и переходит в конденсатор. Это понятно? В конденсаторе пар опять охлаждается. Вот этот температурный перепад между паровым котлом и конденсатором фактически движет машину. Теперь слушайте дальше: сколько градусов холода здесь бывает зимой?

— До шестидесяти градусов. В прошлом году чуть ноги себе не отморозил, — говорит Николай Александрович.

— Прекрасно! Нет, не ноги, а мороз! Ну, даже если только сорок градусов мороза. А сколько температура воды подо льдом? Ноль градусов. Понимаете — ноль градусов, даже немного теплее, во всяком случае: ни тепла — ни холода. А по сравнению с наружным воздухом ведь это же горячая вода!

— Здорово! У нас в Павлове на Оке находились любители купаться зимой в проруби. А ведь и правда: похоже, что они теплую ванну брали, — удивленно говорит Парфенков.

— Конечно теплую. Горячую ванну! Теперь вы понимаете, в чем дело? В Арктике около любого водоема — реки или озера — можно строить энергетическую станцию. Всегда есть температурный перепад в сорок градусов. Значит, есть электроэнергия, есть тепло и свет, движутся станки, работают машины...

— Слушайте! Товарищ Арсеньев! Ведь если это удастся технически оформить, — вы перевернете всю экономику Арктики! Это ж гениальная идея!

— Идея не моя, — спокойно отвечает геолог: — Иностранные ученые лет пять уже работают над этим вопросом. Все дело только в том, что капиталистический мир, охваченный неизбежным кризисом, не в силах поднять расходы на массовое строительство таких установок. Французские ученые Клодт и Бушери еще в 1926 году предложили использовать для силовых установок разность температур

между верхними — нагретыми слоями морской воды и глубинными — холодными.

В 1930 году канадский инженер Баржо разработал проект использования температурного перепада арктического воздуха и воды арктических водоемов. В Канаде уже строится первая температурная установка, рассчитанная на 70 000 киловатт.

— Энерго-Арктика! Составляйте проект организации Советского Энерго-Арктик-Строя! — восклицает Парфенков.

— Знаете, тут нет ничего фантастического. Такая установка, Энерго-Арктика, как вы говорите, обойдется много дешевле, чем старая, паросиловая. Я — немножко химик. Знаете: ничего особенно сложного не потребуется. Вот примерно, — Арсеньев берет лист бумаги и начинает рисовать: — Котел, турбина и конденсатор — как в обыкновенной установке. Водяной пар здесь не годится. Мы воду используем в качестве своего рода резервуара тепла. Теплохранилища. Берем какой-нибудь газ, не растворимый в воде. Например: бутан или пропан. Углекислый газ. Знаете — из тех, что горят на болотах. Болотные газы. Теперь вливаем в котел жидкий охлажденный углеводород и ледяную воду. Углеводород — температура ниже нуля. Вода — «горячая», — она испаряет углеводород. Получается газ, он идет к турбине и движет турбину. В котле образуется лед: как шлак от сгорания угля. Лед выбрасывают. И снова повторяется весь процесс. Теперь нужно конденсировать, сгущать наш пар — углеводород. Для конденсации будет использован полярный холодный воздух. Газ снова обращается в жидкость и снова идет в котел. Здесь, вероятно, надо будет ввести какой-нибудь промежуточный охладитель, — например, замороженный соляной раствор. Но это уже дело конструкторов. Главное в арктической силовой станции — это ее простота. Не надо топлива! Не надо транспорта! Можно строить установку в любом месте тундры. Сразу, в любом месте для этой установки есть все необходимые материалы!

Огромная энергетическая база! Для всей Арктики! И подумайте, — какой мощный рычаг для социалистического освоения Арктики. — Арсеньев кончил говорить и теперь смотрит в костер, как будто в переливах оттенков углей

ему видится будущее «Энерго-Арктики». Действительно, картина, нарисованная геологом, подавляет своей простотой и в то же время грандиозностью.

— Здорово, — говорит после долгого молчания Парфенов, — здорово придумано! Вы, собственно, по специальности кто — геолог?

— Геолог. Два года назад институт окончил.

— Да... а химию где изучали? А механику?

— Химия у нас попутный, так сказать, предмет. Механика? Так ведь советскому технику надо все знать понемногу и всем интересоваться. Сейчас время — политехнически образованных людей.

Арсеньев улыбается, продолжает немного смущенно:

— Вот, знаете, со мной какой забавный случай был этой зимой: стекольщиком пришлось сделаться... чинить сломанный капкан.

СЛОМАННЫЙ КАПКАН

Стоявшие на очаге дрова успели сгореть и расколоться на крупные угли. Потом эти угли размельчились, покрывшись тонким серым налетом золы. Сквозь щели бревенчатых стен в юрту властно проник и заполнил ее целиком пятидесятиградусный мороз якутской полярной тундры.

Угли на очаге все еще продолжали отсвечивать, но теперь они казались только красноватыми камешками, лишенными всякого тепла. Прошло уже больше часа с тех пор, как люди в юрте улеглись спать.

Кереметь, девятилетний мальчик-тунгус, высунул голову из-под одеяла. К его лицу сразу же прижался холод: давно сгорели дрова на очаге.

Кереметь внимательно оглядел нары, на которых спали его родители и сестра Лютта под ворохами одеял и меховых одежд. Потом мальчик особенно долго и настороженно всматривался в тот угол юрты, где расположился приезжий русский. В этом приезде и заключалась причина, которая заставила мальчика больше часа лежать, затаившись, в своей постели.

Русский был «испидисси» — так зовут в Якутии сотрудников научно-исследовательских экспедиций, еще задолго до Октябрьской революции работавших в необъятных и мало исследованных просторах Якутии,

«Испидисси»! — в этом слове так много заманчивого для каждого жителя дальнего севера.

Сотрудники экспедиции имеют в своих чемоданах много удивительной и вкусной еды. У них бывают даже фрукты — яблоки и пруши: фруктовые деревья не растут в Якутии. В тундре нет других ягод кроме морошки и клюквы. Суровые условия жизни на севере предоставляют для питания жителей только дичь и рыбу.

Кроме того «испидисси» везут с собой необыкновенные, чудесные вещи...

Кереметь сел на постели и недоверчиво прислушался в последний раз: нет, все спокойно... даже не слышно дыхания спящих, — так плотно они с головами укутались в меховые одеяла.

Мальчик, стараясь производить как можно меньше шума, одел меховые чулки, куртку из оленьей шкуры и крадучись подошел к очагу. Очаг якутской юрты — это большой, открытый камин, единственная задняя сторона которого сложена из жердей, обмазанных глиной.

Кереметь подложил сухих дров на очаг и раздул угли. Юрта осветилась.

Около стола лежит «испидисси». Он закрылся кожаным пальто поверх одеяла.

Кереметь быстро пересек юрту: да, он верно запомнил. На столе рядом с чайником лежат большие карманные часы.

Странная живая вещь. Когда вчера вечером «испидисси» доставал часы из кармана, Кереметь подошел поближе. Русский понял заинтересованность мальчика. Он совсем добрый, этот русский «испидисси», — у него белые волосы, каких ни у кого из тунгусов Кереметь не видел, серые глаза, большой нос. Русский показал мальчику часы: круглая плоская коробка, как будто два чайных блюдца положены одно на другое. На белом кружке верхнего блюдца, по краю видны черные узкие палочки. А по середине кружка тоже черная круглая головка какого-то зверька с длинными усами.

Еще ниже — вторая головка и еще один ус, который все время бегаёт. Зверьки живые: Кереметь ясно слышал, как они трещат, сидя в «коробке».

Очень хотелось мальчику подержать в руках диковинную коробку, но «испидисси» не дал. Положил себе в карман. Потом Кереметь спросил отца, что это за звери у русского, приезжего.

Отец сказал, что это не живые звери, а сделанные в городе и называются они — часы, «чйска».

Часы показывают, когда надо спать ложиться и когда надо вставать пить чай.

Кереметь не поверил.

А мать Керемети — очень умная женщина — усмехнулась и сказала: как же могут звери знать, что надо пить чай?

Отец тогда рассердился и начал рассказывать, что вот, например, летом солнце никогда не прячется, круглые сутки ходит по небу, а ведь птицы знают же, когда утро, когда вечер. Утром петь начинают, вечером ложатся спать в камышах.

— Так ведь это живые птицы! — ответила мать. — Разве их советские люди могут сделать?..

— Коммунисты все могут сделать, — сказал отец и щелкнул языком: — «Темир-кетер» («Железную птицу» — самолет) видела, как летел в прошлом году?! Видела?! Ведь сделали же ее коммунисты...

И верно: Кереметь тоже видел, как летела большая железная птица над тундрой и громко гудела.

Низко летела птица. Кереметь разглядел даже, что у нее на спине сидело два человека. Должно быть, коммунисты, из Москвы.

На этом спор родителей кончился. Потом все легли спать. Но Кереметь не мог заснуть.

Значит... часы — это маленький-маленький капкан и в нем сидят маленькие железные птицы? Они и трещат, тикают.

А черные палочки по краям — это, должно быть, окошечки, щели для воздуха, чтобы птицы в капкане не задохлись.

Кереметь решил обязательно взять капкан в руки и посмотреть как следует этих птиц... Вот так!

Капкан совсем легкий... в одной руке держит его мальчик... Кереметь несет часы к огню... Нижний усик быстро кружится и все на одном и том же месте... Ага! Вот и

длинный ус потихоньку двинулся. Медленно, медленно. Три уса живых!..

И все они прикрыты тонким стеклом. Кереметь знает, что такое стекло: отец привозил из кооператива бутылки с маслом.

Интересно: как этот капкан открывается?! Чуть-чуть приоткрыть бы. Что сделают тогда зверьки?

Мальчик нажал твердым ногтем на закраину стекла. Стекло в оправе неожиданно отскочило. Упало на очаг и с мягким звоном расколосось пополам.

Кереметь в ужасе замер.

«Сейчас птицы улетят! Нет! Еще не улетели!» Мальчик быстро закрыл циферблат ладонью и в два прыжка очутился около ящика, где хранилась посуда. Крепко зажал часы в одной руке: все равно, пусть кусают ладонь железные птицы, лишь бы не улетели. Левой рукой достал чашку.

Теперь ясно, что надо делать. Кереметь на цыпочках подошел к столу, положил осторожно часы циферблатом вверх, взгляделся. Все три усика на месте и живые. Маленький бежит попрежнему. Раз! И мальчик накрыл часы большой чашкой: не убегут.

И только теперь Кереметь понял непоправимость случившегося.

Скоро проснется «испидисси». Он все узнает. Страшно рассердится. Что делать? Бежать к матери? Просить помощи?

Уже спазма перехватила горло Керемети. Глаза наполнились слезами. Мальчик глубоко вздохнул, готовясь заплакать.

И остановился... Оксе! Что он сделал? Взял чужую вещь? Нет. Он сломал чужой капкан. Ловушку для зверей. Это не просто — чужая вещь!

Закон охотничьего народа, впитанный мальчиком с молоком матери, заговорил в сознании Керемети строго и повелительно.

Кереметь перестал быть мальчиком. Он думает сейчас как охотник.

Каждый мальчик-тунгус, с того момента, как он начинает ходить, чувствует силу и власть охотничьего закона. Охота дает право на жизнь в тайге и в тундре. Охотничий закон — главный закон на дальнем севере.

Если тунгус едет зимой по тундре, где нет ни одного деревца, если тунгус замерзает от холода и случайно находит чужой капкан, — тунгус не имеет права взять щепку из чужого капкана. Даже когда ему нечем развести костер. Чужой капкан неприкосновенен в тундре. Для того, чтобы построить ловушку, охотник должен везти материал иногда сто, двести километров. Только на берегу Полярного моря, Северного Ледовитого океана, охотник может найти плавник — выброшенные волнами обломки деревьев. И только в нескольких днях пути на собаках, к югу от берега моря, начинают встречаться первые низкорослые, чахлые деревья. Леса нет в тундре. Для костров, для варки пищи по одной веточке собирают тунгусы в оврагах тальник — мелкий кустарник.

Нельзя трогать чужой капкан — так говорит великий охотничий закон. Круглое лицо Керемети сморщилось.

Да, надо поступать как охотник!

Что же делать?! Что же делать?!

Кереметь бережно собрал осколки стекла, отнес их на стол. Пусть «испидисси» знает, что он не позволил себе взять ни кусочка из чужого капкана.

А старшие все еще спят. И не у кого спросить совета.

Очень хочется плакать. Но разве может охотник плакать? Какой же это охотник плачет?!

Думать надо. На огонь смотреть и думать.

Маленьким стариком Кереметь садится против очага.

Отец рассказывал, как много лет назад был великий голод. Не пришли совсем пароходы с мукой в реку Колыму. И зимой не было в тундре диких оленей: угнали волки. И зайцы убежали далеко на юг, в тайгу. Охотники ходили в тундре помногу дней и ничего не приносили в юрту. Не было дичи.

Вот тогда действительно разрешено было, если очень нуждаешься в горячем чае, — брать одно бревно или доску из чужой ловушки. С тем, чтобы обязательно потом к этой же ловушке привезти другое бревно с берега моря. И чтобы владелец капкана знал, что бревно взял не вор (воров в тундре нет), а честный охотник: надо ставить свою «печатку». Каждый взрослый тунгус, и ламут, и чукча имеют свою печатку — медный кружок с вырезанным зна-

ком своего тавро или начальными буквами имени и фамилии.

У мальчика Керемети нет печати... И все равно ловушка этого «испидисси» сделана не из дерева, а из стекла. Стекло тонкое и твердое, через него все видно. Нет, бутылка здесь не подойдет. Плоское стекло нужно. Плоское, твердое и прозрачное.

Вот как те камни на берегу реки Эрге-Урех, которые нашел Кереметь прошлым летом. Эти камни можно резать ножом на тонкие пластинки и через них все видно. Верно! И отец говорил, что в Борогонском наслеге эти пластинки вставляют в окна вместо льдин!

Что если часы «испидисси» прикрыть таким камнем? Может быть, тогда тогда охотничий закон будет выполнен?!

Кереметь встал как взрослый человек, принявший определенное решение. Он пойдет сейчас же ночью. Он знает, где лежат камни, которые можно резать ножом и сквозь которые все видно. Он принесет такой камень. Пусть русский чинит свою ловушку. И охотничий закон будет выполнен.

Быстрыми уверенными движениями одевается мальчик. Одел камасы — меховые сапоги и туго стянул завязки у шиколотки. Теперь через голову натягивает кухлянку — меховую куртку с капюшоном. Подвязал к поясу нож. Одел шапку, стянул ремень от наушников под подбородком и натянул его на голову. Можно идти. Страшновато немного... Но... На дворе привязан Кутуях — годовалый ездовой щенок, верный друг Керемети.

При мысли о том, что он пойдет не один, а вместе с другом, мальчику стало даже весело. Вот только надо на чужой поврежденный капкан поставить свою печать. Может быть, пока Кереметь будет ходит за камнем — «испидисси» проснется? Как узнает русский, что его ловушка-часы будет исправлена им, честным охотником Кереметь?..

Мальчик снял рукавицу и положил ее рядом с часами вместо печати.

Осторожно стукнула входная дверь, обитая коровой шкурой. Кереметь вышел на свою большую охоту.

В черном небе большие яркие звезды. Воздух совершенно недвижим, будто сплавлен он в огромную глыбу пятиде-

сятиградусным морозом. Только безветрие и сухость воздуха дают возможность человеку на дальнем севере переносить такие низкие температуры.

Не слышно никаких отдельных резких звуков. Замерло в тундре все живое. Насквозь промерзшая земля закутана снежным одеялом в несколько метров толщиной.

И все-таки ночь заполнена постоянным мелодичным шумом. Люди севера называют этот шум — шопот звезд.

Может быть, человек слышит, как сталкивается его собственное дыхание с ледяной стеной воздуха.

Может быть, земля, корчащаяся в тисках мороза, лопаясь и трескаясь на всем пространстве арктической тундры, порождает эти непрерывные, скрежещущие звуки.

Или, может быть, световые волны от ярких звезд, пробиваясь сквозь слои замороженной атмосферы, так шумят в своем непрестанном приливе.

Звезды шепчут — говорят тунгусы, — и Кереметь посмотрел на Аранхас-Суллус — созвездие Большой Медведицы. По тому, как она располагается в небе, можно судить о времени ночи. Хвост Большой Медведицы (ручка ковша) еще далек от горизонта: еще долго будут спать люди в юрте.

Ночь подвластна Улуу Тойону — сильному и злому духу. Страшные сказки про Улуу Тойона рассказывала Керемети его бабушка... Хорошо бы вернуться обратно в юрту. Но закон! Его нужно исполнить. Кереметь только исполняет закон.

Страшен Улуу Тойон. Но его сын — Великий Ворон — друг и покровитель охотников. Это Ворон принес умирающему от холода первому охотнику кремь и огниво, чтобы охотник мог развести костер. И это Великий Ворон, сын Улуу Тойона, на глухой охотничьей тропе разряжает чужой настороженный самострел, чтобы охотник не был убит вместо ожидаемого медведя или лося.

Великий Ворон — первый исполнитель закона!

Кроме него есть еще Уусхан-Терде — покровитель всех людей, делающих железные ножи и наконечники для стрел. Уусхан-Терде — Великий кузнец. Конечно, ему подвластны и те железные зверьки, которые сидят в часах — ловушке русского «испидисси», подвластны и те железные птицы, которых коммунисты заставляют себя возить по небу.

Уусхан-Терде должен помочь Керемети. Ведь Кереметь заботится о ловушке для советских железных птиц. А боги тундры — на стороне коммунистов, советских людей. Это совершенно очевидно.

Пес Кутуях — пепельно-серый, как мышь (Кутуях по-якутски значит — мышь), — издали заметил подходящего к нему мальчика. Кутуях встал и натянул ремень, которым он привязан к своему колу. Ездовые собаки никогда не лают. Кутуях машет широким хвостом.

— Здорово! Здорово! Надо итти, пойдем вместе! — говорит мальчик.

Кутуях очень доволен неожиданной прогулкой. Пес расправляет смерзшуюся на спине и боках шерсть, изгибая все тело. Вытянул сначала передние лапы, потом с усилием выгнул спину, протянул задние лапы.

И пошел вперед, чуть повернув голову в сторону хозяина.

— Кай! — говорит вполголоса Кереметь, и собака поворачивает вправо, на тропинку, ведущую к реке. Ремень собаки захлестнут петлей на руке мальчика. Рука мерзнет без рукавицы — но ведь надо же было оставить печатку. Нечего и говорить об этом. Таков закон.

— Та! Та! — произносит Кереметь.

Пес ускоряет свой шаг. Снова поворот. Здесь дорога уходит вправо к тому месту, где из реки берут лед, который потом растапливают в котелках и чайниках. Кутуях хочет пойти этой тропинкой, но мальчику надо дальше, вдоль реки. Много дальше.

— Чуй! — говорит Кереметь, и собака послушно бежит влево. — Та! Та!

Дальше и дальше бегут мальчик и собака.

Твердый снег почти не оставляет на себе следов. Пятьдесят градусов мороза плотной стеной смыкаются вокруг движущихся живых существ, жадно глушат все звуки.

И уже нет Керемети-мальчика, нет верного пса-Кутуяха... Только две тени бегут и бегут.

Только звезды, не уставая, шелчут. И ежится от арктического холода полярная якутская тундра.

Сильно мерзнет правая рука Керемети. Мальчик совсем втянул ее в рукав кухлянки и зажимает конец рукава левой рукой.

— Та! Та! — понукает собаку мальчик.

Кутуях обиженно передергивает ушами: он, конечно, может прибавить еще шаг, может и галопом помчаться. Но тогда упадет хозяин. Кутуях знает, как надо бежать. Собака, наструнив ремень, тащит за собой мальчика так, чтобы он не успевал упасть.

Ровным изгибом выглянул речной лед в канале из невысоких черных обрывов.

— Тохто! Кутуях! Тохто! Остановка, товарищ!

Кереметь переводит дух и осматривается. Собака присела на снегу, дышит спокойно — не открывая рта, будто насмешливо посматривает на хозяина: «А еще погонял все время? Вот теперь и отдышаться не можешь». Широкий хвост Кутуяха усиленно метет смерзшуюся поверхность наста.

Мальчик и собака спустились на лед. Здесь итти менее удобно: высокие сугробы. Но мальчику надо внимательно разглядывать береговые утесы. Где-то совсем близко. Вот как будто эти черные глыбы. Они или не они?

Мальчик прилег на снегу. Надо посмотреть на камни снизу. Так, чтобы совсем рядом с их краем были звезды. Немного левее. Вот так, чтобы свет от большой звезды задел камень. Вот теперь видно, как блеснула слюда.

— Учугай! (Хорошо!) — громко крикнул мальчик и начал взбираться на утес.

Камень затвердел от мороза. Нож сначала только скользит по его гладкой, как будто отполированной поверхности. Но хороший нож у Керемети. Настоящий, кованый нож. И тот же мороз обратил в лед капли воды, попавшие в мелкие расщелины камня. Если ударить ножом в такую расщелину, слюда откалывается как щепка от сухого полена. Вот так. Еще и еще кусок отламывает Кереметь. Собака лизнула языком камень и недовольно уселась в сторонке: только язык царапает и никакого вкуса.

Три больших толстых пластинки слюды прячет Кереметь за пазуху. Ох! Как замерзла рука!

Трет мальчик снегом окоченевшую руку. Теперь скорей, скорей домой! Радостно сбегает Кутуях на лед. Хозяин выбрал самый простой путь — по реке. Здесь можно бежать и смотреть по сторонам, на утесы. Каждый утес похож

ночью на какого-нибудь зверя. Кроме того, река — узкая полоска — не подавляет однообразием, как открытая тундра.

Собака обернулась посмотреть, готов ли хозяин.

— Та! Кутуях! Та! Вперед! Кутуях! Вперед!..

Рысью бежит собака, высоко подняв хвост и насторожив уши: может быть и съедобное что-нибудь встретится в пути.

Хорошо бежать. На льду нет твердых кристаллов снега, забивающихся между пальцев лап, ранищих до крови. Встречаются наледи — замерзшие поверх основного льда наплывы воды. По ним совсем хорошо бежать. Наледи — пушистые, мягкие, как толстый ковер.

Второй час уже в пути Кереметь. Мальчик начинает все сильнее ощущать холод.

— Та! Та! — торопит мальчик собаку.

Здесь совсем бы не надо ускорять бега. Лучше бы вовсе сторонкой обойти эту выпучину льда. Она подозрительно высока. Она похожа на пузырь воздуха, застрявший в гладкой стенке бутылки. Но снова и снова понукает мальчик собаку.

Кутуях сильно рванул ремень. Кереметь поскользнулся и упал на спину. От удара его тела лопнула крыша громадного воздушного пузыря во льду.

Кереметь вскрикнул и... провалился под наледь.

Собака услышала треск, почувствовала, что ее тянут назад, присела, впившись всеми четырьмя лапами в лед. Потом, медленно поддаваясь натяжению ремня, скользнула к самому краю ледяной ямы.

Из ямы слышен знакомый голос: «Кутуях! Та!» Собака понимает, в чем дело: Кутуях бегают вокруг ямы, пытается вытащить мальчика на лед. Кутуях сначала тянет осторожно, потом начинает рваться на привязи. Но другой конец его ремня привязан к руке мальчика.

Керемети нестерпимо больно. Он сильно расшибся при падении. И силы окончательно покидают мальчика. Из-под наледи слышен жалобный детский плач: «Мама! Мама! Эллем! (Пропал!) Эллем!»

Тогда Кутуях садится на лед, вбирает голову в плечи и, напружив горло, прямо в темное, звездами исколотое небо бросает отчаянный дикий призыв.

Свирепый, безысходный волчий вой поднимается над равниной.

Еще и еще.

Кутуях знает, что с его хозяином случилось несчастье. Собака пугается опасности, которой она не может понять. Кутуях привязан. У него не хватает сил вырваться. И волчья кровь предков подсказывает Кутуяху единственный выход: Кутуях хочет сражения, хочет смерти в бою.

Ездовой пес Кутуях начинает выть боевую песню одинокого волка, который готов сразиться со всем миром.

В морозном воздухе арктической ночи далеко-далеко летит дерзкий, вызывающий, наглый вопль...

Белые холмики на собачьей стоянке около юрты отца Керемети один за другим оживают. Отряхивая снег, в который они зарывались для тепла, вскакивают на ноги ездовые псы.

И, поднявшись, сразу ерошат загривки, скалят зубы.

Что за наглец осмелился здесь, совсем рядом, позднюю ночью устраивать скандал?!

Он кричит, что в одиночку вызывает всех на бой. Конечно, это правда. Конечно, где-нибудь спряталась целая стая волков. Но все равно этот пришелец не смеет так издеваться. Ах! Если бы не цепь, привязывающая каждую собаку к отдельному колу...

Пусть подойдет только поближе...

...Подойди... и... и... по... бли... же! Мерр... за... вец! — заканчивают псы лязганием челюстей.

В ответ на вызов Кутуяха с реки, здесь, рядом с юртой, взмывается водяным смерчем клокочущих, насквозь пропитанных ненавистью звуков, собачий многоголосый концерт.

Первым услышал тревогу отец Керемети — Иван Чолко.

Неужели волки напали на его собак? У самой юрты. Не может быть?! А вдруг волков целая стая?

Большое горе — потерять зимою в тундре хотя бы только одну ездовую собаку. Собаки — единственные помощники человека там, где нет ни лошадей, ни упряжных оленей. Чолко схватил ружье и полуодетый выбежал из юрты.

Коротко, сухо щелкнул выстрел. Второй!

И геолог Сергей Петрович Арсеньев окончательно прос-

нулся, быстро сел. В сознании еще бродили остатки какого-то нелепого сна, будто соседи за стеной его комнаты, там, в Ленинграде, опять завели ночью какой-то джаз-банд. А он — Арсеньев — хочет постучать им в стену и не может: целый шкаф меховых пальто лежит на груди.

Вернулся Чолко.

— Хозяин! В чем дело? А? — спросил Арсеньев у тунгуса.

— Собаки очень сердятся. Волки близко, — ответил Чолко. — Слышишь?

Сквозь щели в стенах юрты действительно врезался звенящий гомон собачьих голосов.

— Верно! Что ж, пойдем отгоним серых воров! Может, и вставать пора?

Пока тунгус разводил огонь на очаге, Арсеньев поспешно одевался. Чолко и его жена только теперь обнаружили отсутствие Керемети: мальчик, уходя, оставил свою постель незакрытой.

— Кереметь ходил куда, знаешь?

— Кереметь? Мальчик? — переспросил Арсеньев.

— Мальчик. Ходил куда-то?

Арсеньев зажег свечу.

— Не знаю. А где же часы?

Часов на столе не оказалось. Мешочек сахара, чайник и опрокинутая чашка. Перчатка. В кармане куртки часов тоже нет.

«Неужели я во сне нечаянно сбросил часы на пол?» — думает Арсеньев досадливо и лезет со свечой под стол.

Подошел тунгус:

— Что ищешь, товарищ?

— Часы уронил.

— Часы? Ча...сы! — испуганно протянул Чолко. — Очень плохо часы уронить. Можно стекло разбить. Очень, очень плохо! — говорит тунгус все более взволнованно. — Хозяйка! Лютта! — зовет Чолко жену и дочь. — Ищите здесь скорей часы. Скорей ищите! — голос Чолко нервно вздрагивает, и занятый поисками часов Арсеньев очень ясно эту нервность слышит.

«Что-то неладно здесь, — думает Арсеньев. — Уж не украли ли часы? Не может быть: тунгусы никогда не воруют.

Но часов-то ведь нет. Нигде нет. Ни под столом, ни под нарами».

Арсеньев поднялся, вопросительно смотрит на тунгусов. Что такое сделалось с Чолко?!

Да и мальчишки в юрте нет. Убежал куда-то. Не он ли взял часы и скрылся? Часы экспедиционные. Необходимы для работ.

А тунгус Иван Чолко, отец Керемети, смотрит растерянно, твердит все одно и то же: Оксе! Плохо! Совсем плохо!

Арсеньев поставил свечу на стол. Лютта протянула руку, взяла чашку.

Под чашкой размеренно тикают часы. Арсеньев обрадованно рассмеялся и вдруг увидел, что верхнее стекло часов разбито.

— Это кто же ночью часы трогал? — сказал геолог недовольно.

Чолко подал геологу рукавицу Керемети. Потом закрыл лицо руками, только и выговорил: Эллем! Эллем! (Пропал!)

Арсеньев удивленно посмотрел на него. Заплакала Лютта.

— Ну, ты о чем?

Девочка заплакала еще сильнее.

Арсеньев обернулся, чтобы позвать ее мать: тунгуска стояла, просителью сложив руки. Крупные слезы бежали по щекам тунгуски, искрились бриллиантами в ее ожерельи из серебряных монет.

— Товарищи! Э! Друзья мои! Погоди воду лить! В чем дело?!

Арсеньев чувствовал, что в этих слезах всего семейства каким-то образом он виноват. Геологу стало уже совсем неловко и неприятно.

С реки долетел и ударил в уши новый, казалось, еще более остервенелый волчий вой.

— Иван! А где мальчишка-то? Слушай, ведь это, может, его... Может, его... волки! Э! Иван! — тряс геолог за плечо тунгуса. — Живо! — Заряжая карабин пятнадцатью пулями, Арсеньев говорил нарочито весело, чтобы скрыть свою тревогу: — Ну, собирайся, товарищ, живо! Надо искать мальчишку!

Чолко тряхнул головой, посмотрел геологу прямо в глаза:

— Кереметь разбил стекло. Я отец — заплачу. Бери всю юрту!

— Дурак! — ответил геолог и побежал к дверям.

Снова и снова, все отчаянней, все с большими переливами и взвизгиваниями, выл Кутуях. Он слышал, как ему ответили собаки. Но из-под льда Кереметь уже не кричал больше, не звал Кутуяха. Собака пробует грызть ремень. Но в ремень вплетена проволока. Не перепрызть годовалому псу зубами проволоку. Кутуях лег на живот. Прижал морду ко льду на самом краю ямы. Никакого движения, никакого звука оттуда больше не слышно.

Значит, умер хозяин. Пес остался один! Один в тундре. Дикая тоска охватывает Кутуяха. Он подымает голову, и плачущий вой, перемешанный с визгом, выбрасывает его горло.

С обрыва над рекой злобно чиркнул выстрел карабина. Кутуях подпрыгнул на воздух и упал подстреленный на лед. Не даром геолог Арсеньев целый год, каждый свободный вечер тренировался в осоавиахимовском стрелковом тире.

Раздетый догола лежит Кереметь в юрте на столе. Геолог Арсеньев, засучив рукава рубашки, ощупывает кости мальчика: пока благополучно, кости целы.

— Сильнее трите, сильнее, мамаша! — говорит Арсеньев тунгуске, растирающей снегом отмороженную руку мальчика.

— Лютта! Принеси еще снега. Иван Михайлович, поддержи ему голову! — распоряжается геолог, как заправский хирург. — А здесь малость поранился мальчишка. Ну, тоже ерундовая рана. Жив будет ваш наследник, не волнуйтесь, мамаша. Еще крепче растирайте руку. А мы его сейчас всего спиртом оживить попробуем.

Растертый спиртом, размятый движениями искусственного дыхания Кереметь, наконец, вздохнул, как человек, просыпающийся от глубокого и тяжелого сна.

— Дышите глубже, молодой человек! Не бойтесь — воздуху хватит! — балагурит геолог, и лицо его теряет напряженность. — Совершенно все в порядке, мамаша! Сто лет будет жить ваш сынище...

Кереметь открыл глаза и узнал геолога — «испидисси».

— Тас! (Камень!) Тас! — слабым голосом проговорил мальчик. Лютта быстро подала брату плоские куски слюды, которые нашли у него на груди.

Кереметь взял один кусок, протянул Арсеньеву:

— На... исправляй капкан!

Геолог недоверчиво взял камень, ощутил под пальцами холодную, будто салом вымазанную поверхность, поднес камень к свече. Тусклым золотом отливает слюда.

— Это здорово, брат: это слюда. Настоящая слюда! — удивленно проговорил Арсеньев и сразу же спохватился: — А! Понимаю: ты думал, что это золото, деньги. Хотел заплатить мне деньгами за разбитое стекло. Это не золото, но все равно ты нашел очень ценный минерал. Одним словом — все хорошо. Учугай! (Хорошо!) Понял?

Кереметь, натянув на себя одеяло, молча смотрел в лицо Арсеньева, с трудом понимая его быструю речь...

— Я буду платить! — вмешался Иван Чолко. — Я знаю, как надо платить за часы...

Тунгус сходил в угол юрты, принес оттуда связку песцовых шкур.

— Вот, — протянул Чолко шкурки, — бери все! Если мало — ружье отдам. Другое могу ружье отдать. Только не надо говорить начальнику, чтобы мальчика били. И не надо отнимать норму муки. Зачем тунгуса Чолко в капкан сажать? — Голос тунгуса стал плаксивым.

— Да что ты опять волнуешься, товарищ! Брось! Этому стеклу грош цена-то вся. Ну! Э! Э! Мамаша! И у вас, я вижу, глаза на мокром месте. Подождите. Мамаша, налаживайте нам чаю, за чайком и поговорим. А этому кавалеру-водолазу я сейчас голову иодом смажу и забинтую...

Через несколько минут Кереметь с перевязанной головой был усажен на почетное место в угол.

— Теперь займемся ветеринарией, и в этом деле экспедиционному человеку надо кое-что понимать, — заявил Арсеньев, начиная осматривать Кутуяха. — А, пуля навывлет прошла и не повредила кости. Заживет быстро. Очень рад! Все в порядке. Можно чайку выпить.

Тунгусы молча и важно выпили по несколько чашек чаю. Наконец, Иван Чолко опрокинул на стол свою чашку вверх дном и начал говорить:.

— Слушай, тогор (товарищ), — обратился Чолко к Ар-

сеньеву, — ты хороший человек и сильный человек. И много знаешь потому, что ты «испидисси» — сотрудник экспедиции. И я, Иван Чолко, тунгус, я тоже немного знаю, потому что я был раньше тоже в экспедиции. Да, проводником большой русской экспедиции. И потому я знаю, сколько надо платить за стекло и сколько надо платить за часы.

— Верно, он знает, — грустно кивая головой, подтвердила жена Чолко.

Тунгус продолжал:

— Давно, может быть, двадцать и два года назад Иван Чолко был проводником русской экспедиции в устье реки Яны. Иван Чолко тогда был совсем мальчик. Такой вот, как сейчас его сын Кереметь. И тунгус Иван Чолко, когда начальник экспедиции лег спать, вошел в палатку начальника посмотреть часы. И взял их в руки. И разбил. Ох! Как плохо брать в руки вещи начальников экспедиций.

Много кричал начальник экспедиции на тунгуса Чолко. И два раза бил по лицу. И потом, когда приехали в Усть-Янск, сказал начальнику-уряднику, и тот много бил Ивана Чолко по спине прутьями. И еще, самое страшное, — все равно как Чолко в капкан попал: приказал начальник экспедиции, чтобы семье Ивана Чолко не давали в долг «нормы» — пайка муки из магазинов. А год был голодный и совсем помирала семья Ивана Чолко без муки.

— Как звали этого живодера-начальника? — возмущенно спросил Арсеньев.

— Господин Диство, большой-большой начальник.

— Превосходительство?

— Да, вот, ты его знаешь? — удивился Чолко.

— Как не знать! При нашей советской власти никаких превосходительств больше нет. Их всех после революции лишили нормы. Навсегда. И они постепенно и благополучно вывелись, — добавил Арсеньев.

— Но часы. Ведь часы разбиты? — осторожно напомнил тунгус.

— Ну и что же?

— Тогор! Говори правду: ты — сотрудник экспедиции?

— Да, я геолог, ищу разные камни. Уголь, золото ищу.

— Как же ты без часов работать будешь? Ведь часы в экспедиции нужны? Ага?! Нужны? — настаивал Чолко.

— Нужны конечно, — ответил Арсеньев.

— Ага, значит, теперь ты должен обратно в Якутск ехать: часы исправлять, новое стекло делать. Это значит, один месяц ехать на собаках и на оленях. Значит, тебе сей год работать в экспедиции уже будет некогда. Мне урядник тогда все объяснил, за что меня бьет. Начальник потому и сердился, что разбитые часы ему смотреть нельзя было.

Арсеньев расхохотался.

— Тогор Чолко! — начал геолог внушительно и серьезно. — Я сотрудник советской экспедиции, понимаешь, советской, а это значит...

— Тогор испидисси! — торопливо заговорил Кереметь, по серьезному тону геолога вообразив, что сейчас начнется расправа с его отцом за испорченные часы: — Тогор, вот, пожалуйста, возьми камень! Можно резать ножом. Тонкий листок, совсем прозрачный, как лед. Можно чинить твой капкан, где сидят железные птицы.

— Ты за этим и ходил ночью? — воскликнул Арсеньев. — За этим? Молодчина ты. А только зря рисковал. Все-таки молодец. Прямо скажу — достоин быть пионером!

— Дело в том, дорогой товарищ, — обратился снова Арсеньев к тунгусу Чолко, — что сотрудник советской экспедиции — это не барин, как бывало прежде, в дни проклятого царского режима. Царский режим был для всех нас — и для русских, и для тунгусов — страшным капканом. Во время Октябрьской революции рабочие и крестьяне вместе этот капкан сломали. И теперь таких людей, как твой генерал, в Советском Союзе вообще больше нет. Советский «испидисси» — это прежде всего советский гражданин, значит новый человек — по-литех-ни-чес-кий, — раздельно произнес Арсеньев. — Понял? А ну, повтори!

— По-ли-тени-сти, — улыбаясь, сказал Чолко.

— Ну вроде этого. А значит это слово, что сотрудник советской экспедиции из-за таких пустяков, как разбитое стекло в часах, работы бросать не имеет права. Сам должен уметь стекло починить. Вот. Понял?

— Ты смеешься, товарищ, — недоверчиво покачал головой Чолко.

— Ничего не смеюсь! — уже азартно кричал Арсеньев: — Сотрудник советской экспедиции должен быть вполне приспособленным к жизни в тех условиях, в которых ему приходится работать. Вот видел, как я стреляю: сам себе могу

дичь на обед промыслить. Верно? И раненого сумею перевязать, и больного вылечить. И любой обед сварю. Да, и я не буду за собой повара таскать. И хотя по специальности я геолог и главное мое дело—смотреть камни и в землю, однако кроме этого я и на небо смотреть умею: по звездам путь найду, и на лодке буду плыть, и парусом управлять. Понятно? Потому что я сотрудник советской экспедиции? Советский землепроходец! Понял?

— Хорошо, тогор! Понял! Советский человек к бедному тунгусу всегда добрый. Значит, совсем мало возьмешь с меня за разбитое стекло?..

— Да перестань ты!—даже рассердился Арсеньев.— Далось тебе это стекло. Вот я тебе покажу сейчас, что должен делать в таком случае новый советский испидисси...

В следующие полчаса тунгусы восхищенно следили за чудесами, которые проделывал советский геолог. Арсеньев достал из чемодана фотографическую пластинку. Опустил ее в горячую воду и начисто соскреб ножом со стекла размякшую эмульсию. Потом вырезал из бумаги два кружка по размеру стекла, которое было нужно для часов. Приклеил эти кружки на стеклянную пластинку. Потребовал у хозяйки большую миску, налил в нее теплой воды и опустил глубоко в эту воду обе руки. В одной руке Арсеньев держал стекло, в другой—обыкновенные ножницы. И очень спокойно и аккуратно, будто из толстого картона, геолог вырезал из стекла два кружка. Потом еще два.

Загоревшись гордостью советского мастера, геолог старательно отполировал кромку стекла финским ножом. Приладил одно стеклышко к оправе часов, пригнал его и вставил.

— Пожалуйста!—торжествующе показал он часы тунгусам.—Видали? Зачем я в Якутск буду возвращаться или работу бросать?

Кереметь от восхищения забыл даже про свою раненую голову:

— Учугай! Совсем как Уусхан-Терде!

— Это кто такой? Товарищ твой, что ли?—спросил геолог.

— Ох-ох!—испуганно сказала мать Керемети.

А Иван Чолко, слегка понизив голос из уважения к предмету беседы, рассказал Арсеньеву, что «некоторые якуты и

тунгусы верят», что есть Уусхан-Терде — великий кузнец. Предок кузнецов и царей. Великий дух. Бог.

— Ну, насчет богов—это все ерунда,—решил геолог.— А живых кузнецов — рабочих уважать надо: мой батька тоже вроде кузнеца — токарем первой руки на заводе работает. Это мой, так сказать, предок. И такие он, доложу я вам, изготавливает вещи за семичасовой свой рабочий день, что никакому богу за всю его жизнь не выделать!

Потом геолог подробно объяснил Керемети, как устроены часы, и сделал мальчику на память игрушку: заклеил между двумя кружочками стекла бумажный кружок с нарисованными на нем часовыми стрелками и цифрами. Игрушечные часы.

Только около полудня, когда черное зимнее небо (на котором три месяца подряд не появляется солнце) слегка отделилось на востоке багрово-синими пятнами, геолог Арсеньев тронулся в путь.

Кереметь и его родители хорошо знали теперь, что такое советский землепроходец, советский экспедиционный работник.

БУЛУН

С вершины перевала на западе виден белый, похожий на крепостную стену, берег реки Лены.

И над зеленой щеткой леса — дым парохода, стоящего у Булунской пристани.

Парфенков поворачивается в седле и рапортует:

— Товарищ начальник! Доложу, что поручение заполярных колхозников нами выполнено: план Янского фарватера, открытого колхозниками-нацменами, доставлен в Булун торговой экспедиции.

ИТОГИ

КРУПНЫЕ ГОРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЯКУТИИ

В телеграмме, адресованной тов. Сталину, редакциям «Известий» и «Правды», начальник особого отряда полярной экспедиции тов. Абрамович сообщает из Булуна:

Особым отрядом полярной экспедиции... укомплектованным исключительно полярными колхозниками якутами и юкагирами при ближайшем участии Аллаиховского, Устьянского и Булунского РИК'ов и члена ЯКЦИК тов. Томского на северной широте 70 градусов 30 минут и восточной долготы 141 градус открыт горный хребет, протяжением свыше 200 километров, с высотами, достигающими 1500 метров. На вновь открытом хребте обнаружено наличие горючих сланцев и признаки железной руды.

На северной широте 71 градус и восточной долготы 145 градусов открыто неизвестное, не бывшее до сих пор в эксплуатации и первое по величине в Якутии озеро, богатое многочисленными породами рыб. На западных склонах Хараулахского хребта, в долине реки Куранах найдены выходы мощного, промышленного значения, слоя сапропелита. Образцы найденных пород отправлены в Якутск.

Участники экспедиции просят разрешения присвоить открытому хребту имя тов. Сталина.

(Ц. О. «Известия», сентябрь 1932 года)

Справка

Настоящим удостоверяю, что действительно 18 августа 1932 года мною совместно с гидрографом Абрамовичем Сергеем Ивановичем была предпринята экскурсия в долину реки Куранах, где по указанию тов. Абрамовича был взят образец сапропелита, впоследствии с инструктором райпарткома тов. Татариновым отправленный в г. Якутск уполномоченному Комсеверпути по Якутии на пароходе „Кальвиц“ 23-го августа 1932 года. Одновременно гидрографом Абрамович было сделано заявление мне как зам. пред. РИКа с просьбой о предоставлении Комсеверпути преимущественного права на техническую эксплуатацию пласта сапропелита, мощностью в наружном выходе до двух с половиной метров, находящегося в 12 километрах вверх по течению реки Куранах от впадения ее в реку Лену в правом берегу реки Куранах.

Зам. пред. Булунского
райисполкома *Шарин* (печать).
15 октября 1932 г. с. Кюсюрь.

ТОРГОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

20 августа после полудня суда торговой экспедиции вышли из Булуна вниз по реке Лене. 21 августа прошли остров Столб и повернули вправо, в Быковскую протоку. 23 августа суда пришли в бухту Тикси. 25 августа в 14 час. 30 мин. экспедиция вышла из бухты Тикси. 29 августа в 6 час. 30 мин. суда экспедиции прошли мыс

борхая и повернули в Янский залив. 30 августа в 15 час. 35 мин. экспедиция, по фарватеру имени XVIII МЮДа, вошла в протоку Ильин Шар.

2 сентября 1932 года в 20 час. 15 мин. торговая экспедиция—впервые в истории края—пришла на рейд Казачье.

Удостоверение

Дано сие удостоверение гидрографу Абрамовичу С. И. в том, что он действительно привел 2 сентября 1932 года теплоход с грузеной баржей № 83097 из устья реки Лены (бухта Тикси) в село Казачье на реке Яне, по протоке Ильин Шар.

Что Устьянский РИК удостоверяет с приложением печати и подписями.

(Печать).

Зам. пред. Устьянского РИК'а *Горохов.*

Член-секретарь *В. Силин.*

4 сентября 1932 года. № 348.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Ч и т а т е л ь!

Издательство просит сообщить отзыв об этой книге, указав ваш точный адрес, профессию и возраст.

Просьба к библиотечным работникам организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов о ней.

Все отзывы и материалы направлять по адресу:
Москва, 9, Большой Гнезниковский пер., д. 10, издательство
„Советский писатель“

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая	Стр.
Старый паспорт	9
Столица ЯАССР	11
„Интуристы“	14
Следы на пороге	17
Якуты... с точки зрения	20

Глава вторая

Прыжок солдатиком	23
Десять лет	27
„Смит-42“	30
Тройная бухгалтерия	35
Якутский „Эрмитаж“	36
Доктор из колхоза	37
Командир Заполярья	39
Тукуланский перевал	43
Кулацкая библия	46
Привычка, которой нет	52

Глава третья

Город-тюрьма	54
Отблеск	55
Кусок мяса	57
О комарах	61
Конец Серапионова сына	61
Северная болезнь	62
Олений транспорт	63
Муннях обыкновенный	66
Незаконные наследники	68

Глава четвертая		Стр.
Фамильная вражда		74
На перекладных		78
Инженер „никакой специальности“		80
Смерть сторожит		81
„Высшая девушка“		83
Захваченная крепость		86

Глава пятая		
Куропашки		88
Уверенная жизнь		89
Якутколхозодежда		91
Босиком по льду		92
Оленьи роды		93
Жерлицы		94

Глава шестая		
Кепсе		100
Агитплакат		101
Знатные иностранцы		108
Клопы		112
Темир-кетер		118

Глава седьмая		
Колыма		122
Рыкачевцы		123
Путевка в бездорожье		130
Тундра как она есть		134

Глава восьмая		
Последний из американов		137
Эстафета пятилетки		145
Работник дальнего Севера		147
Полярный интернат		149
Племена, которые вымирали		153
Карта Якутской республики		157
Новый учебник		162
Дороги в Колыму		163

Глава девятая		
Оправданная легенда		167
Звуковая атака		173
Встреча с Мих. Ив. Калининным		175
Правление колхоза... шаманит		176
Яд двойного действия		179

Глава десятая

Стр

Бунт детей боярских	183
Зеркальце	186
Карьера первой красавицы	188
Макаршинный кавардак	190
Могильник контрреволюции	194
Белые клыки (романтика Севера)	196

Глава одиннадцатая

Аллаиховский район	200
Город в окопах	204
Человек, который съел кооператив	206
Гуси прилетели	209
„Мыть“	210
Песец на службе гидрографии	211
Колхоз исправляет карту	214
Тундра цветет	215

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая

Дождь	225
Колхозный отряд	229
Эта книжка	232
Летний день	234

Глава вторая

Аполлон Неустроев	237
Миссионеры просвещали	243
Миссионеры строили	245
Миссионеры работают	248
Еще документ: Сен-Бей	252
Университеты Аполлона Неустроева	253

Глава третья

Обойдемся без буржуев	258
Артельное счастье	265
Мы видим	269
Историческая справка	270
Георг Богданов	274
Человек с моря	277
Украденный горный хребет	278

Глава четвертая	Стр
Рапорт колхозного отряда	280
Экспедиционные чертополохи	284
Огонь революции	286
Седна	287
Гибель Пу-Тунды	289
Озерная лестница	292
Король витаминов	295

Глава пятая	
„Коммуна“	296
Бред	298
Уголовное дело	301
Приговор приведен в исполнение	305
Вместо эпитафии	306
Десять... в горошину	307

Глава шестая	
Маруся Забоева	309
Операция	311
Потомки Сай-Сырт	313
Патологический случай	315
Шаманское лечение	317
О культуре	318
Еще одна „операция“	320

Глава седьмая	
„Соседи“	325
В походе	327
«Восстание» артели „Красная Заря“	330

Глава восьмая	
Стража полярных границ	335

Глава девятая	
О кадрах	349
Пудра цивилизации	353
Яна	355
„Этнография“	357

Глава десятая

Стр.

Старые друзья	362
Революционным путем	365
Под занавес	366
Секрет молодости	366
„Аньдыщина“	371

Глава одиннадцатая

Казачье	373
Казачинский рейд	376
Янские походы	380
О ценностях	382
Ильин Шар	385
На बारे	387

Глава двенадцатая

В море—дома	390
На горизонте—дым	395
Северо-Восточный Проход	397
На отмелях	401
Марш-мёрш	403
Гимнастика	404

Глава тринадцатая

В горах Хараулаха	406
Энерго-Арктика	408
Сломанный капкан	412
Булун	430
Итоги	431

Ответ. редактор Е. Усневич
Техн. редактор Н. Греймер
Уполи. Главлита № Б-14028
Тираж 8 200 экз.

С. П. № 18
Сдана в производство 18/X 35 г.
Подписана к печати 16/III 36 г.

Количество листов 27 1/2
Бумага 82×110 см 1/32
Заказ № 850

39-я типография Мособлполиграфа.
ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Цена 6 р. 25 к.
Переплет 1 р. 25 к.

Ц. 1936.
Акт № 130
Выдан. д. _____